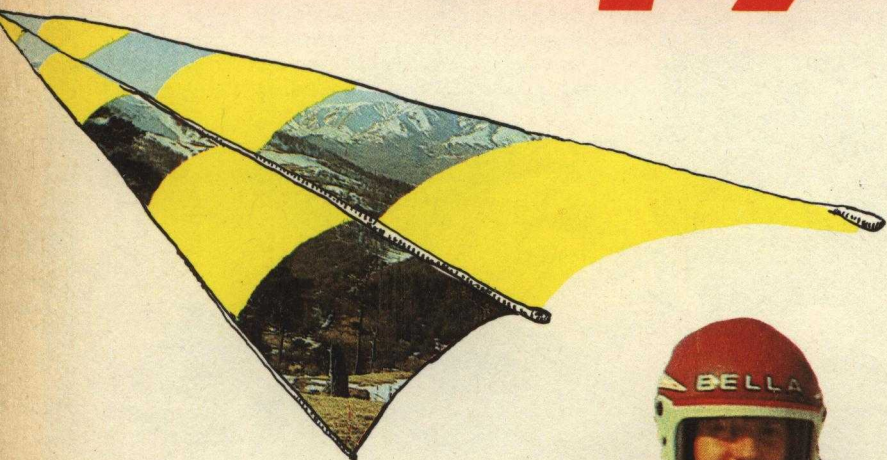

Парус

ISSN 0235—2737

10/1989

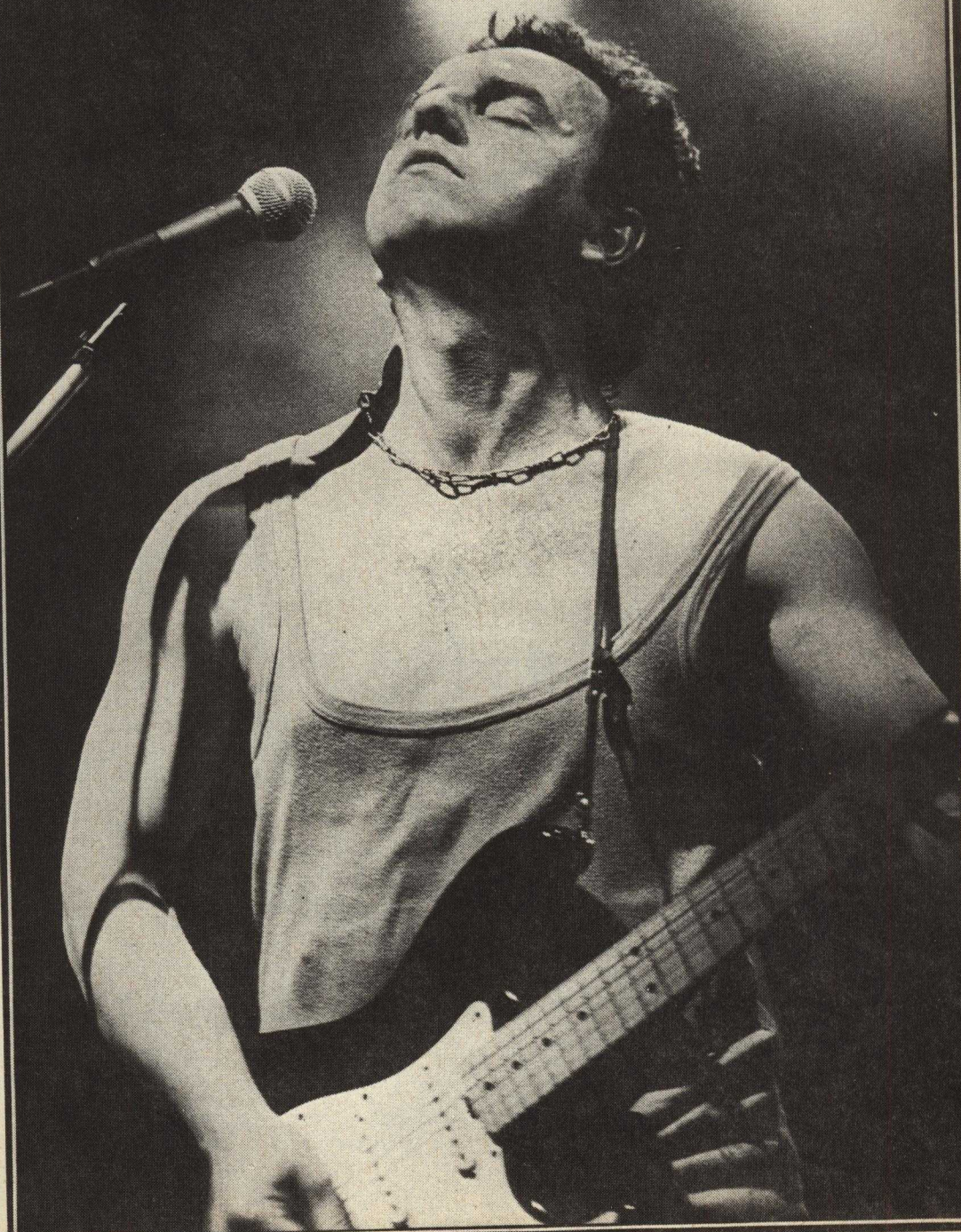

АБОР ВЫСОТЫ В КОМБИНАЦИИ
«МЕРТВОЙ ПЕТЛЕЙ»

Очерк «Старик и кангелы»
читайте на стр. 36

Парус
ПЛАКАТ

Владимир ШАХРИН. «Чай-Ф» (г. Свердловск)

Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

Парус

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя». Издается с июля 1972 г.

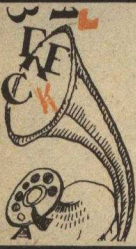
В номере

Оглянись

Ирина ПАВЛЮЧИК. Вззошли ли озимые?..	3	3
<i>Хочу — и буду!</i>		
Игорь ВИКЕНТЬЕВ. Блеск и нищета доминанты <i>Газета</i>	10	10
Юлия НИКИТИНА. В поисках юного хиппи	12	12
<i>Самсоздат</i>		
<i>Одиножды один</i>	20	20
<i>Работа над ошибками</i>		
Светлана САВРАСОВА. Судьбы нечестный вариант <i>мы перепишем</i>	22	22
<i>Открытый урок</i>		
Валерий ПИВОВАРОВ, Иосиф СИВАКОВ. Стоит ли <i>изобретать велосипед?</i>	30	30
Лев ЧУБАРОВ. «Автомотовелофотокинорадиоохо- <i>та и еще чего-то...</i> »	33	33
<i>По сути дела</i>	35, 43, 52, 63	35
<i>Без нотаций</i>		
Евгения ДОЦУК. Старик и «ангелы»	36	36
<i>Ученическая тетрадь</i>		
Наталья ЩЕРБАНЕНКО. Слишком сладкая жизнь. <i>Рассказ</i>	40	40
<i>Камера хранения</i>	43	43
<i>Ищу друга</i>	44	44
<i>Повод для знакомства</i>		
Юрий АКУДОВИЧ. Побег из неподвижности	46	46
<i>Контрольная</i>		
<i>Пообщаемся?</i>	50	50
<i>Трубка мира</i>		
Лариса ПЕТРОВНА. К свободе — хлопнув дверью? <i>Предъявите права!</i> <i>«Ходим мы по краю...»</i>	54	54
<i>Время и место</i>		
<i>Что жизнь делает с нами? Что мы делаем с жизнью?</i>	56	56
<i>Стихотворная тропа</i>		
Дмитрий РАСТАЕВ	58	58
<i>Музыкальный магазин</i>	60	60
<i>Взялся — ходи!</i>		
Эдуард РАЙСКИЙ. Талант в черно-белом варианте <i>Читатель почитывает, а писатель подсчитывает</i>	62	62
<i>Оформление 1-й стр. обложки — Валерий РУЛЬКОВ</i>	64	64
<i>Оформление 4-й стр. обложки — Сергей СТЕЛЬ- МАШОНОК</i>	IV	IV

Здесь, на поле, напротив названий публикаций номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оценки за оформление публикации

Макет номера подготовили Валерий Рутьков и Валентина Жгунцова

10 / 1989

10 / 1989

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

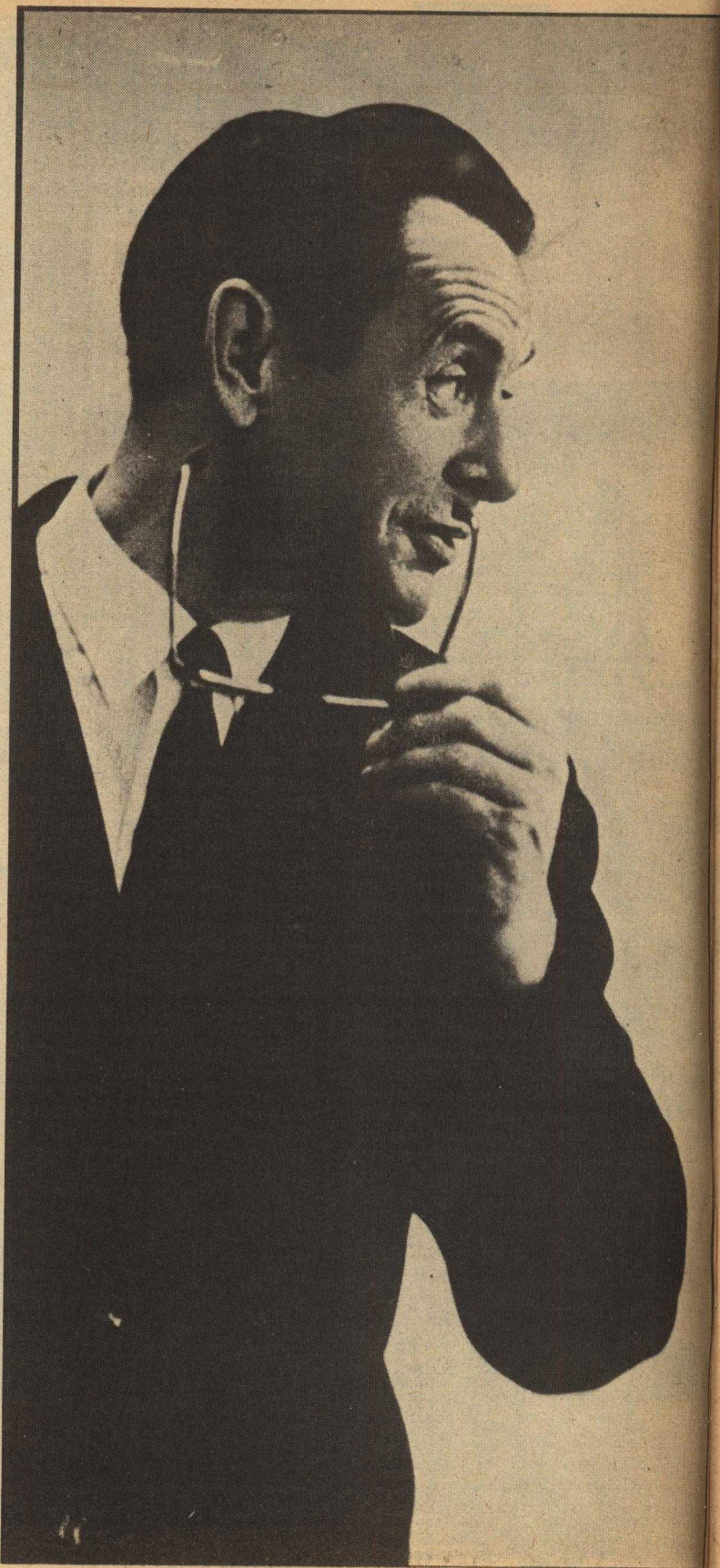
имя и фамилия (это — если считаете нужным);

возраст;

где учитесь или работаете;

давно ли читаете наш журнал.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

ВЗОШЛИ ЛИ

ОЗИМЫЕ?..

Об умерших говорят либо хорошо, либо ничего. Политических деятелей традиция эта, однако, не берет под защиту. Наверное, слишком долго держится у нас традиция иная — отсутствие возможности высказываться о власти имущих при их жизни. И раз за разом наступает момент, когда судьба Родины заставляет нас «посягать на могилы», разбирать «по косточкам» прошедшее и заново оценивать тех людей, которые так или иначе определили наш сегодняшний день. Да простится нам этот грех. Обремененные ответственностью за завтрашнее, мы стремимся к ясности в минувшем. Мы, никому уже не доверяя, хотим собственноручно выбрать из истории плодородные зерна и надежда захоронить те, что никогда не должны взойти.

«Об умерших — либо хорошее, либо ничего», — сказал заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Белоруссии Юрий Петрович СМИРНОВ в ответ на просьбу поделить воспоминаниями о бывшем первом секретаре ЦК КПБ Петре Мироновиче Машерове, помощником которого Юрий Петрович работал на протяжении семи лет. «Поймите, — добавил он, — это не дань мудрости древних. Просто я очень любил и люблю Петра Мироновича».

Любовь, конечно, чувство личное, к объективности не располагающее. Однако я решила не искать нового собеседника. Не только потому, что заручилась обещанием Юрия Петровича быть объективным. Но и потому, что этим интимным, странным даже, по нынешним временам, словом «люблю» определяли свое отношение к Машерову многие белорусы. Возможно, и не стоит заявлять, что в своей совокупности люди всегда мудры и трезвы в оценках, но доверием они, безусловно, балуют не всякого, кто на него претендует.

Наши отцы — а я выросла в

партизанском краю, где стойко помнили, кто почему был в лесу, и руку подавали не каждому увешанному медалями, — отцы говорили о Машерове: «Парень войну отработал честно». Это много значило для них, очень много.

Наши матери, сердобольно вникая в чью-то беду, советовали к Машерову ехать за правдой, только к нему. И возможность отыскать ее тоже значила много, очень много.

«Машеров против центра пошел, слышали?..» — судачили рабочие, присевшие перекурить. И в безголосом людском противостоянии политике того времени это тоже было немало, совсем немало.

Нам ставили в пример его дочерей, которые хотя и при таком отце, а трудятся, учатся. Какой-либо зазнавшейся «полковничихе» бросали вслед, что Полина Андреевна (жена Машерова), и та барыней не стала. Это мелочи, но не из тех, что ничего не значат. Сколько таких мелочей из жизни иных руководителей держали нас настороже, лишали доверия. А без доверия любви не бывает.

Не знаю, она ли, какое-то другое, не позволяющее простить утрату чувство заставляет многих даже сейчас, когда доказана вся случайность трагедии на 659-м километре Московского шоссе, слепо твердить: его убили! Как не знаю, какое именно чувство позволило матери парня, так не вовремя выскочившего со своим грузовиком на трассу, сказать: «Як жа ты, сынок, такога чалавека загубил?.. Лучша бы, сынок, ты сам...»

Обо всем этом я вспоминаю не для того, чтобы заявить о некоей всенародной любви к Машерову. Такая возможна лишь в легендах. Народ многослоен, многолик, по-разному информирован, разное ценит в людях и в жизни. Да и создание леген-

ды совсем не та задача, которую есть смысл перед собой поставить. Поэтому свои вопросы я буду задавать Юрию Петровичу Смирнову не только от лица тех, кто убежден, что проспект Машерова в Минске никогда не переименуют, но и от лица тех, кто прислал нынешнему правительству республики письма с упреком в канонизации одного из людей застоя.

— Простите, Юрий Петрович, что именно с этого я начинаю наш разговор, но Петр Миронович действительно возглавлял республику в годы, которые мы поминаем не самыми добрыми словами — с 1965-го по 1980-й. Ему пришлось работать в атмосфере вождизма, лжи, в атмосфере возвеличивания руководителей всех рангов, в атмосфере далеко не всегда осмысленных, волюнтаристских решений. Как менялся он сам? Как чувствовал себя в этой обстановке?

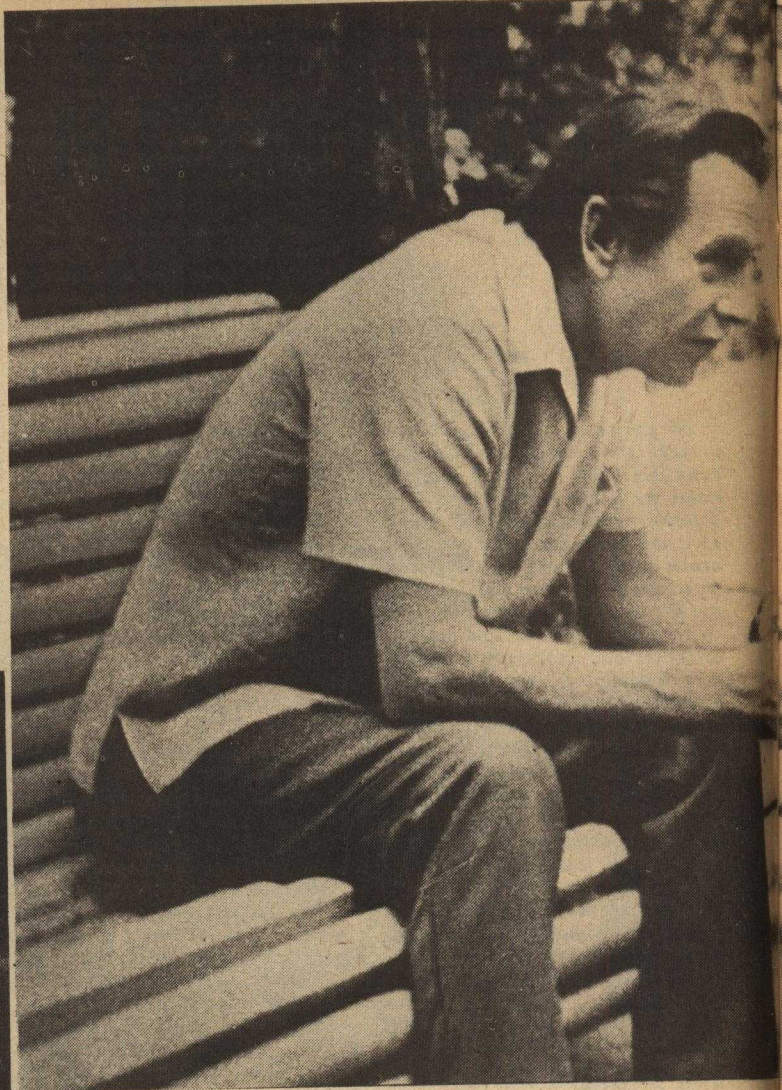
— Видите ли, атмосфера вообще не какая-то неизменная величина. Что до политической атмосферы, то она меняется постоянно. Вождизм был абсолютен в годы сталинского единовластия, а после смерти «отца народов» постепенно исчезал из жизни страх, свободнее чувствовали себя люди. На начальственном олимпе, конечно, многое оставалось от прежних времен. Далеко не единицы руководителей охотно пользовались не лучшим наследием. И первых лиц за глаза часто называли «хозяином», «папой». Петр Миронович для таких имел в своем лексиконе слово «бонапартики».

Конечно, авторитарность наблюдалась и у него. Имел он и вкус к власти, но пользовался ею осмотрительно. Не стремился «нагонять страх», не добивался, чтобы все «ходили по струнке». Тем не менее, свое положение руководителя, наделенного большими правами, использовал активно. Случались при этом, ко-

нечно, и ошибки. Но здесь уместно напомнить замечания, высказанные Лениным на собрании партийных работников Москвы в 1918 году: «Мы знаем,— отмечал он,— что без ошибок нельзя управлять. Но кроме ошибок мы наблюдаем неумелое пользование властью, только как властью, когда люди говорят: я получил власть, я предписал, и ты должен слушаться».

Известен афоризм: всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Печальные последствия этого — Рашидов, Кунаев, многие другие деятели брежневской эпохи, не исключение и сам Леонид Ильич.

Машерову, как мне кажется, удалось избежать этой напасти. Хотя обстоятельства того времени, безусловно, влияли и на него. Приходилось и ему порой

прибегать к неумеренному восхвалению верхов, доводилось проводить в жизнь сомнительные в своей целесообразности решения.

— В этом хотелось бы разобратся чуть обстоятельнее. Одно дело — дисциплинированность, качество совершенно необходимое для руководителя высокого ранга. Другое — убежденность в необходимости единодушия, единодействия. И третье — собственный, как вы деликатно выразились, вкус к власти, собственный волюнтаризм.

— Был ли Машеров волюнтаристом? Да. Быть может, не классическим, но был. Он мог решить и за Минфин, и за Госплан. Можно вспомнить такие решения.

Известно, что валюта республикам выделяется скупо — на самое необходимое. И вот Машеров, побывав в Болгарии и оце-

шать свои задачи созданием «прикладных» институтов — институтов-придатков, занятых сиюминутными исследованиями. Машеров же, несмотря на огромное стойкое сопротивление, поощрял фундаментальные исследования, требовал крупных капиталовложений в науку. Были созданы Институт электроники, Институт технической кибернетики, ряд других НИИ. Много денег вложено в Белорусский политехнический институт — своего рода центр технической высшей школы. Рос Белгосуниверситет — центр гуманитарный. Но что значит создать новые институты, укрепить базу нескольких существующих? Это значит скромную сумму, выделенную высшей школе, поделить не на крохи, которые всех оставляют голодными, но к которым все привыкли, а распределить выборочно. То есть, это значит вступить в конфликт не только с отдельными коллективами, но и с целыми ведомствами.

Сейчас принцип приоритетности при финансировании высшей школы — государственный принцип. А тогда это был принцип волюнтариста. Только этот волюнтарист понимал: уравниловка пагубна. Есть школы, есть научные коллективы, есть отдельные одаренные люди, настоящие ученые, которые могут повести за собой, вырастить настоящую научную интеллигенцию. И то, что белорусская наука нынче не в загооне, что на счету наших ученых несколько открытий — а открытие это редкое для каждой страны — во многом заслуга именно «волюнтариста».

Как не в последнюю очередь именно его заслуга — система

профтехобразования республики. Ведь установка правительства была на подготовку дешевого рабочего. Так и говорили: «Нужны дешевые рабочие». Машеров же твердил: рабочие нам нужны культурные, развитые, хорошо образованные. На образовании, считал он, экономить нельзя, образование всегда окупается, и вообще на молодежи не экономят.

Многие наши профтехучилища выгодно отличаются от тех, что есть по стране, — и оснащенностью, и производственной базой, и бытовыми условиями. Но это результат большой войны. Из Москвы, прямо скажем, далеко не всегда Петр Миронович возвращался с хорошим настроением. Это, кстати, к вопросу о единодушии и единодействии. Когда была уверенность в чем-то, Машеров бывал очень упрямым.

О волюнтаризме же, в принципе, я думаю вот что: пагубен, страшен для страны человек неумный, лишенный чувства стратегического мышления. Машеров этим чувством обладал. Он часто употреблял слово «перспектива» и считал, что спасение нашего государства в интенсивной работе на будущее. Если и называть его волюнтаристом, то отнюдь не сталинской закалки.

— Позвольте, я ваши последние слова возьму поводом для вопроса об отношении Петра Мироновича к Сталину. Известно, что отец Машерова — Мирон Васильевич — был осужден органами НКВД на три года и умер при отбытии наказания. Вместе с тем есть фотография конца сороковых годов: Петр Миронович сидит за столом, а за

нив ее успехи в сельском хозяйстве, решил часть отпущенной Белоруссии валюты потратить на кормовую базу. В частности, на семена люцерны. Его отговаривали. Валюта в тот момент остро нужна была, к примеру, для строительства хранилищ — мы не сберегали даже тот урожай, который получали. Потом, люцерна южная культура, в наших широтах выгоднее сеять люпин, рапс. Но Петр Миронович настоял. Деньги были истрачены, эффекта же не получено. Через некоторое время он признал эту ошибку.

Есть другие примеры его волюнтаризма. Одной из главных задач, стоящих перед нашим обществом остро и сейчас, было повышение производительности труда. Как ее повысить без развития науки? Нужны новые технологии, новое оборудование. Министерства стремились ре-

спиной у него огромный портрет вождя...

— Мне кажется, эта деталь сама по себе ничего не говорит — портреты Сталина как обязательный атрибут висели в каждой кабине. Что до самого вопроса, то однозначный ответ на него не дашь. Как и его сверстники, Петр Миронович формировался в период, когда обожествление Сталина, его культ достигли верхних пределов. Естественно, это сказало на мироощущении, на умонастроениях людей. Но ведь и в ту пору партийная, гражданская позиция нередко определялась и высотой нравственных чувств, и пониманием справедливости. Посмотрите, ведь Машерова, сына «врага народа», не побоялись принять в партизанский отряд — причем, пришел он не один, он ведь привел с собой класс, в котором был классным руководителем. И нашлись люди, которые, опять же, не побоялись сына «врага народа» принять в партию, присвоить звание Героя Советского Союза.

В свою очередь Петр Миронович при оценке людей, их поступков руководствовался собственной совестью, не всегда принимал в расчет официальное мнение. Он не отрицал известных заслуг Сталина перед партией и страной, вместе с тем безоговорочно осуждал его за тяжелейшие ошибки и преступления. Машеров стоял за то, чтобы провести всестороннюю, честную оценку сложного, драматичного пути, пройденного нами за годы Советской власти, и самое главное — исключить возможность повторения того, что было сопряжено со сталинским культом.

— Как конкретно проявлялась эта позиция?

— Ну, к примеру, так. Петр Миронович был одним из кураторов трехтомника «Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны». И написал отзыв на сто страниц. Это были замечания, дополнения на строго документальной основе, рассуждения об истоках героизма — по приказу и по душе, анализ ошибок. Это были сто правдивых страниц.

Вот еще пример. Как кандидат в члены Политбюро он получил проект доклада к 50-летию Союза ССР. Нужно было прочесть, высказать замечания, дополнения. Он серьезно отнесся к этой работе. Его, помню, зацепил термин «общенациональная

гордость». Для страны, в которой столько разных национальностей, термин этот, по мнению Машерова, был неточен, нельзя было его пускать в ход. Не нравились Машерову и многие выпренные фразы, затушевывающие правду. Не было ясности, по каким показателям должен определяться вклад республик в экономику. А это было важно уточнить, ведь в героях ходили люди, республики которых шли к упадку, — Казахстан, Узбекистан... Короче, все замечания и опасения были изложены и отправлены в Москву.

— Как там отнеслись к ним?

— Через несколько дней мне позвонили и сказали, что проект отправляли нам исключительно из того, что называется «политэсом». Доклад давно принят Леонидом Ильичем, никаких правок в него вносить уже не будет. «Успокойтесь вы с вашими замечаниями», — так мне сказали.

— Как реагировал на этот звонок Машеров?

— Вы знаете, Петр Миронович был человеком эмоциональным, импульсивным, но в своих переживаниях очень сдержанным. Наверное, как на всяком другом человеке, на нем сказывались и равнодушие, и несправедливость, и какая-то неверная мотивация его поступков.

— Простите мне мое любопытство, но какой, к примеру, поступок был неверно мотивирован?

— Вы должны помнить речь Леонида Ильича Брежнева на Всесоюзном слете студентов-отличников.

— Да, эту речь мы «проходили» в школе и даже на экзаменах нас спрашивали, что значит учиться коммунизму в современных условиях.

— Так вот. Петру Мироновичу понравилась идея такого слета. Он считал, что руководители мало кончат с студентами, мало уделяют им внимания. Такой слет решено было провести и в Белоруссии. И слет прошел очень хорошо, неформально как то и делово. В итоге — звонок из Москвы: «Что это вам все мало? Хотите Генсека переплюнуть?» У меня был очень неприятный осадок — намерения, я это точно знал, были самыми искренними. Я даже спросил, должен ли пересказать Петру Мироновичу этот разговор. Мне сказали, что нет, что мнение высказано так, для сведения.

— Вы, конечно, передали это мнение Петру Мироновичу?

— Конечно. Ведь даже такие

мелочи помогают правильно ориентироваться в обстановке.

— Интересно, насколько такая «ориентация» в настроениях и желаниях «верхов» сказывается на решениях, принимаемых местными руководителями?

— Нет, Петр Миронович был не из угодливых — если смысл вашего вопроса был в этом.

— Да, в этом, но лишь отчасти. Я сформулирую его более конкретно: насколько вообще можно связать личные взгляды, принципы, чистоту личности лидера с принимаемыми им решениями? Или — с выполняемыми им решениями, ведь зачастую они просто «спускаются».

— Видите ли, руководителей ко многому обязывают принципы демократического централизма, определяющие внутреннюю жизнь партии. Нельзя забывать об этом. Как и о том, что даже самые лучшие из решений вышестоящих органов требуют от исполнителей творческого к ним отношения. Критерии истины — практика. В практической же работе немало из того, что предлагалось сверху, действительно являлось недостаточно продуманным, реалистичным, требовало подгонки под жизнь. Петр Миронович принадлежал к числу тех руководителей, которые не были склонны к бездумному исполнению установок. У него был «свой маневр», хотя, наверное, приходилось ему зачастую переживать чувство мучительной раздвоенности: требуют одно, а разум, здравый смысл подсказывает другое. Насколько я лично могу судить, он все же следовал здравому смыслу.

— Извините, Юрий Петрович, что я затрудняю вас не совсем корректными, быть может, вопросами. Важно разобраться вот в чем: я часто слышала, что Петр Миронович был человеком высоконравственным. Политические решения же нравственно далеко не всегда. Хочется понять самочувствие руководителя, не свободного в проявлении собственной природы, собственных принципов. Скажите, Петр Миронович никогда не бывал в ситуации, когда по своей воле готов был покинуть пост?

— Быть может, такие ситуации и были, но мне они неизвестны. Более того, мне трудно представить, чтобы Машеров мог «стать в позу», заявить о своей отставке, бросить дело, на которое он все-таки хоть как-то мог повлиять. Нет, это не вяжется с его обликом.

— Я спрашиваю об этом потому, что бытует мнение: как ли-

дер Машеров высоко ценился своими зарубежными коллегами, но с Политбюро и лично с Леонидом Ильичем Брежневым отношения у него были несколько напряженные.

— Трудно что-то утверждать с уверенностью. Внешне тут все как будто обстояло нормально, уважительно и корректно. Лишь какие-то отдельные моменты могли толковаться людьми двояко. К примеру, тот факт, что Генеральный, вручая обычно руководителям высокого ранга награды в Кремле в присутствии членов Политбюро, по отношению к Машерову от этой традиции отступил. Золотую звезду Героя Социалистического Труда он вручил ему, так сказать, попутно, будучи в Минске, когда, с опозданием на несколько лет, вручал городу заслуженные им почетные регалии.

— Как личное оскорбление Машерову, помню, была расценена отмена Москвой его решения о предоставлении ветеранам льгот на бесплатный проезд в общественном транспорте. Не ветеранов жалели — Машерова...

— Наверное, как говорится, по миру мы могли бы насобирать еще какие-то примеры, но не знаю, стоит ли. Понятно, что Леонид Ильич и Петр Миронович были руководителями с разным стилем руководства, возможно, и с разными нравственными принципами.

— Раз уж мы опять вышли на нравственность, я спрошу, как Петр Миронович реализовывал свою нравственную программу?

— Да, нравственная программа у него была, и он стремился следовать ей и в сфере хозяйственной, и в кадровой политике, и в системе обучения, воспитания молодежи, и в личных отношениях.

В 70-х годах, как известно, стала массовой практика так называемой корректировки планов — почти что узаконенного надувательства. Машеров настаивал на привлечении к ответственности тех руководителей, которые за счет корректировок выводили свои коллективы в передовые, получали незаконные премии, льготы. Он считал, что такая «забота о людях» лишает их идейно-нравственных основ и скажется самым пагубным образом. Однако понимал: невелика польза, когда, желая подстегнуть лошадь, хлещет по оглоблям. С корректировками можно покончить, говорил он,

только тогда, когда само планирование станет иным, сбалансированным, научно обоснованным, идущим снизу вверх, а не сверху вниз.

Ему внутренне претили любой застой мысли, проявление консерватизма. Помню, на одном из заседаний бюро ЦК КПБ, когда обсуждался отчет Советского райкома партии города Минска — блеклый, построенный по расхожей схеме, неаналитичный, не раскрывающий перспективы отчет, — Машеров сказал: «Не упомню случая, чтобы у нас в республике было кому-либо объявлено порицание, не говоря уж об освобождении от должности, за консерватизм, отставание в своих знаниях от современных требований, за проявление косности и нерадивости в использовании достижений науки и передовой практики».

А ведь это было в 1972 году — во времена, когда приверженность к устоявшимся методам считалась чуть ли не достоинством, а неподвижность выдавалась за стабильность. Неподвижность Машеров однозначно оценивал как ущербность, как социальную дебилность, пагубную для всего живого. Самой большой ошибкой, считал он, является работа по-старому, когда дела идут, как «мокрое горит».

Он быстро зажигался новой идеей. Иной раз проигрывал, доверившись чьему-то запалу или не разгадав корыстности намерений. Иной раз, пойдя на поводу у человека «с сумасшедшиной» — а таких он любил! — выигрывал вместе с ним. В 1974 году министр автомобильного транспорта БССР Анатолий Евгеньевич Андреев загорелся идеей всю систему автотранспорта республики перевести на самофинансирование и хозрасчет. «Бредовая» эта идея Машеровым, как это ни возмущало многих, была поддержана и защищена. Позже, когда здравость ее была доказана делом, идея эта пошла гулять по стране и многими транспортниками была использована еще в те времена.

Но здесь надо заметить и о проигрышах — а «чужих» проигрышей для Машерова как для руководителя не было и не могло быть, это всегда были и его проигрыши, его неудачи: не разобрался вовремя, не оценил верно, передоверился... Ни разу не вспомню я случая, чтобы Петр Миронович позволил себе издевательский тон в отношении критикуемых, действительно про-

винившихся, не опускался он до унижения человеческого достоинства, до шельмования работников. Вообще, он считал, что людей похвалить за хорошее куда полезнее, чем поругать за плохое. Помню, прочитав в «Литературной газете» стихотворение Кайсына Кулиева, с удовольствием процитировал: «Как часто не хватает добрых слов нам. Они волшебны, добрые слова».

— Когда характеризуют Машерова, часто говорят, что он был истинным интеллигентом. Черта эта проявлялась и в поведении, и в каких-то пристрастиях. У него был сложившийся литературный вкус, вкус музыкальный... А как, интересно, он проявлялся, когда произведение ему не нравилось, было чуждо?

— Однажды он узнал, что один из руководящих работников ЦК КПБ, курирующий, в частности, культуру, вписывает целые куски в пьесы, если ему что-то не нравится, в пьесы Макаенка, к примеру. Машеров был взбешен. «Ты что, с ума сошел?!» — спрашивал он у «работчика». Чем меньше вмешательства в литературу, в искусство — тем лучше, такова была основная позиция Машерова. И если он хотел оказать на кого-то влияние, то мыслил так: вот надо пригласить на чашку чая, поговорить, поспорить. Пригласил, поговорил, поспорил — вот и повлиять.

К примеру, он, ходивший слушать оперы и хорошо знавший возможности голосов, любящий хорошие голоса, никак не мог включиться в рок-культуру. Более того, считал рок антиискусством, говорил, что это все временное, это схлынет. Но никаких личных запретов не налагал, давая молодежи возможность «переселиться». Запреты же тогда были, были «черные списки» ансамблей, рок-групп, но исходили они отнюдь не из машеровского кабинета.

— Многие упрекают сейчас Машерова в том, что он не берег в республике белорусский язык, что велики утраты в национальной культуре...

— Да, он вовремя не почувствовал опасности таких утрат. Но упрек этот из сегодняшнего дня. Поверьте, если бы были ходки, он бы к ним прислушался и постарался уловить тенденцию. Он уважал чужое мнение и собственное вырабатывал с учетом новой информации о явлении, проблеме или человеке.

Помню, на Нила Гилевича,

тогда еще молодого литератора, навесили ярлык националиста. Машеров взялся читать Гилевича, и, думаю, его мнение сыграло самую положительную роль в его творческой судьбе. И не случайно писатели почти со всей страны присылали Петру Мироновичу свои книги с дарственными надписями. Он бережно хранил их в отдельном шкафу и очень ими гордился.

— Скажите, Юрий Петрович, только ли книги принимал Петр Миронович в подарок? В те времена принято ведь было дарить вещи и покрупнее.

— Как-то один ветеран ко Дню Победы прислал Машерову поздравление и сувенир — самодельно отлитую именную медаль. Я подготовил небольшое ответное письмо с благодарностью. Машеров попросил уточнить в письме, какой именно сувенир им был получен. «А то ведь, — заметил он, — люди прочитают, и не исключено, что иные подумают: вот, мол, и Машеров начал сувениры брать». В этом — его отношение к «подарочной вакханалии». Все подарки, которые вручались ему как руководителю и имели хоть какую-то ценность, он передавал в Управление делами ЦК КПБ.

Один подарок, правда, удружил ему я. В Ленинграде — я был там в отпуске — меня пригласил к себе в мастерскую скульптор Аникушин. Он тогда работал над скульптурой Чехова и попросил передать гипсовую копию Петру Мироновичу, которого очень уважал. Я согласился. Очень потом об этом жалел! «Скульптурка» оказалась весом килограммов в пятнадцать, хрупкая, а ехать мне из Ленинграда предстояло к матери под Вологду — и вот я так с ней и ездил, еще и переживал, как бы меня Машеров не выгнал с подарком. Но он был рад. Чехов стоял потом у него в кабинете дома. Так, как им, он гордился, пожалуй, только своим собранием произведений Льва Толстого, которого он очень любил и книги которого покупал, как Полина Андреевна говорила, оставляя детей голыми, еще со студенчества.

Вообще у него были прекрасные книги. Библиотеке я очень завидовал. Не было в ней «проходных» книг. И, что важно, он ими пользовался постоянно, нервничал, если кто-то «влезал» в шкафы, вытаскивал из книг закладки. Постоянно получал новые книги. Впрочем, многие руководители получали и полу-

чают их, что называется, по списку. Но мне приходилось видеть в некоторых домах месяцами не распечатанные пачки. Нераспечатанная пачка книг в кабинете Машерова — нет, это даже невозможно представить!

— Юрий Петрович, вы как помощник часто бывали у Петра Мироновича дома, сопровождали его в поездках. Давайте я задам вам целый блок «бытовых» вопросов. Какая у Петра Мироновича была квартира? Как он относился к привилегиям, которые предлагала ему должность? Любил ли комфорт? Были ли у него слабости, которые мы огульно называем человеческими?

— Квартира у него была четырехкомнатная — ну, в таком обычном, может, чуть лучше спланированном — городском доме. Кроме книг, богатства в ней я никакого не заметил — так, чтоб все в хрустале и коврах, нет, этого не было. Вещи, прямо скажем, не сильно занимали его, и к вещественным приложениям к власти он относился индифферентно, без смакования, проявляемого иными деятелями. Любил постелять уток — хорошим, метким был стрелком, мало кто с ним мог сравниться. Иной раз и очень много стреляет. Все и раздавал по дороге с охоты.

К еде был совершенно равнодушен. За столом не столько ел, сколько рассказывал. И рассказчик, надо сказать, был отменный. А вот стихи читать с интонацией не умел, иногда сам на себя за это сердился. Но рассказами его, повторяю, можно было заслушаться, что регулярно со мной и происходило. Обедая с ним, я всегда оставался голодным и только тогда вспоминал совет охранника, полученный при первом посещении дома Машерова: «Ты, когда обедать сядешь, сразу на мясо, на мясо нажимай, а то не успеешь!»

В поездках он тоже ел наскоро. В вертолете так просто пораздаст свои бутерброды, яблоки. До места доберемся — не всегда пойдет к столу, накрытому для гостей. Однажды — в Логойске это было — сопровождающие уже взмолились: надо перекусить. Секретарь райкома партии, конечно, заблаговременно все распорядился отдал. А Машеров говорит, зачем, мол, время терять, давайте вон в столовую зайдем. Жаль мне стало бедного этого секретаря, он сделался белый. В столовой,

конечно, как в столовой. Шоферы сидят — не больно-то внимание на нас и обратили. Столы грязные. Секретарь райкома кликнул какую-то тетю. Она принесла вилки и бросила. «Надо ж хоть протереть стол», — сказал Машеров, он был очень чистоплотен. Тетя принесла грязную, вонючую какую-то тряпку, стол протерла. О ножах сказала, что не держат, поскольку воруют их всякие. Ну, и еда была соответствующая. «Ты здесь хоть раз был?» — спросил у секретаря райкома Петр Миронович и получил, конечно, отрицательный ответ. «То-то и видно».

Позже он попросил меня ехать в эту столовую, посмотреть, что там сделано. Он часто перепроверял, приезжал в один и те же хозяйства, понимая, что люди считают: бомба в одно место не падает. И часто застава там прежнюю картину — обещали сделать, но не сделали. Сильный бывал нагоняй. В столовой, однако, когда я заехал, дела обстояли много лучше. Впрочем, я, кажется, сильно отвлекся от вашего «бытового» вопроса. Но, право, я даже не знаю, о чем еще рассказать. О каких таких слабостях?

Наверное, это не слабость, а так, деталь: любил быть хорошо одетым. Может, даже без слова «любил» — просто всегда хорошо, опрятно, со вкусом был одет. И хотя был из крестьянской семьи, умел носить одежду, казался элегантным даже без пиджака, без галстука, просто в рубашке. Однажды, говоря о природном вкусе и манерах Петра Мироновича, один журналист взялся даже доказывать мне его французское происхождение. Машеров, говорил он, это ведь от французского «ма шер».

— Ну, а как еще это мог объяснить мой коллега, который привык видеть людей, занимающих места в том или ином президиуме, в мятых костюмах, в рубашках не в тон, в галстуках не в лад. Либо согбенной работой, которая в силу их внешнего вида кажется непосильной, либо раскормленных, когда кажется, что вот этому человеку совсем не до работы. Ведь когда нам демонстрируют предвыборную борьбу американцев, первые минуты даже не слышишь, за что именно они там ратуют. Поражает вид людей — они бодры, энергичны, раскованны, их улыбки белозубы, их лица загорелые, походки упруги. Да, думаешь, такой человек может сделать страну преуспевающей.

— Так думают, в большинстве своем, только женщины. Американцы же, правда, расчетливы — они знают, половина из голосующих за них или против них принадлежит к слабой полу. Обаяние же Петра Мироновича не было запрограммированным, не было частью политической игры. Наверное, тем оно ценнее. Ведь это только кажется, что человек располагает к себе внешностью, в самом же деле — характером. Машеров был человеком с достоинством, при этом открытый, общительный, доброжелательный, не ждущий от людей, с которыми вступал в контакт, ничего дурного. Это ценилось. Как и свойство не придавать своей персоне большого значения. Он работал, даже когда болел, когда бывал смертельно усталым. Может, это качество и доказывает его не французское, а самое что ни есть наше, крестьянское происхождение.

— Наверное, не случайно именно крестьянин, несмотря на все усилия Петра Мироновича держаться как ни в чем не бывало, разгадал его плохое самочувствие, его усталость. Рассказывают, что, приземлившись на вертолете в какой-то деревушке, Машеров подошел к колхозникам. И пожилой человек сказал ему: «Ты бы, сынок, отдохнул там у себя, поспал. А вертолет, он, конечно, пусть летает, пусть нагоняет страх на начальство».

— Да, я тоже слышал об этой истории. Машеров тогда был после операции, вертолет переносил плохо. Ведь чтобы оценить ход уборочных или посевных работ, нужно было летать на малых высотах, это трудно. И не правы те, кто говорит, что личный вертолет был блажью, роскошью. Как раз такой вот «роскошью» далеко не все руководители пользуются. А что до «блажи», то не уверен, что именно этим словом нужно называть борьбу человека за время.

Он был неумным, динамичным руководителем, стремился приучить людей к ответственности за слова и обещания, многое держал на личном контроле. И если я помню его жестким, то в отношениях с водителями его собственной машины. Многие отказывались ездить со скоростью, которую он требовал. Таких он просто прогонял. Случалось, в гневе пересаживался из своей комфортабельной «Чайки» в патрульную машину. Там ребята были попривычнее к опасности.

— Быть может, если бы в тот октябрьский день, в день, ставший последним, Машеров пересел к патрулю, трагедия была бы не столь страшной для всех нас?..

— Быть может. Патрульная машина скрылась за пригорком, водитель грузовика не заметил ее и выскочил наперерез машине Машерова. В грузовике была картошка нового урожая — машина Машерова была после аварии буквально засыпана ею. ...А сам Петр Миронович ездил в тот день посмотреть, взошли ли озимые.

— Вы знаете, что-то есть символичное в этой фразе — «взошли ли озимые»? Она словно попытка заглянуть вперед. Как всякий человек, Петр Миронович о чем-то мечтал. Быть может, он делился с вами, о чем именно? Что он хотел сделать? Каких перемен ждал?

— В глубине своей души он был романтиком и в будущее заглянуть любил. В его рассуждениях по разным поводам нет-нет да и прорывалось что-то сокровенное. Я уж не стану выстраивать это по степени важности.

Машерову не терпелось как можно скорее снять то, что англичане называют «вопросами ножа и вилки». Люди ездят за границу, рассуждал он, видят, как именно «загнивает» капитализм, а мы все еще не в состоянии перекачать средства в сферу социальную. Когда наш человек будет жить в комфорте, без очередей, когда он, наконец, хорошо оденется, хорошо поест?.. И, несмотря на упорные требования наращивать производство группы «А», на утверждения, что все зависит от нее, упорно развивал в республике легкую промышленность. Еще при нем высылала люди своей далекой родне посылки с нашими белорусскими товарами.

Как мог, поддерживал хоть какие-то группы населения материально. Его упрекали: как можно присваивать по сто сорок званий Заслуженного учителя?! А он говорил о том, что это не только лишняя десятка учителю к зарплате, хотя и она важна, но отчасти и моральная компенсация за работу в нашей школе. Мечтал хотя бы одну пятилетку провести под девизом «Все для школы, все для детей и юношества». Он понимал: образование — это та сфера, где нам нужен прорыв. Его, в свою очередь, в этом не понимали. При-

ехав из Москвы, он часто говорил: «Все не так как-то идет, не так, как надо».

Считал, что «в идеологии» сидят не те люди. Считал, что нам недостает гласности, был за открытость с людьми, за то, чтобы они руководствовались не слухами, а информацией. Иногда, даже если текст выступления не разрешал вставить те или иные подробности, требовал от меня этого. А были случаи, что подробности эти верхами не рекомендовалось освещать, — к примеру, какую-то отдельную авткатастрофу, унесшую жизнь видного человека, или катастрофу посерьезнее. Как знать, возможно, если бы тогда прислушались к его настойчивым требованиям открыто обсудить причины крупнейшей аварии на Минском радиозаводе и строго наказали людей за непрофессионализм, халатность, недисциплинированность, мы не имели бы сейчас Чернобыля.

Говорил, что ненормально, принципиально недопустимо, неконституционно, что партия подминает Советы, объединяет партийную и государственную власть. Однажды, итожа какие-то свои мысли, сказал: «Может, хоть наши внуки доживут до того времени, когда партия будет заниматься своими делами».

Был очень расстроен рассказами наших космонавтов о «лисыих хвостах», которые висят над страной, о том, что Белоруссия, в частности, теряет свой зеленый цвет. На XXVIII съезде КПБ большой кусок в своем выступлении посвятил экологии.

Мог в сердцах сказать: «Почему у нас нет системы подбора талантливых людей?! В Японии их ищут уже в детских садах!»

Мог долго убеждать кого-то в необходимости отправить студенческие стройотряды на помощь другим республикам, чтобы не растить людей меркантильных, зацикленных на своих местных проблемах, а растить интернационалистов.

Мог, как я уже говорил, процитировать строки о волшебности добрых слов, считая доброту качеством, которое при всех наших трудностях надо сберечь.

Ну, вот, таких примерно ждал он ждал. Безмерно вальдо, что именно он не дождался...

Беседу вела
Ирина ПАВЛЮЧИК

Фото Николая БОНДАРИКА
(из личного архива)

хочу — и буду!

Что такое инерция мышления? Почему трудно начать новую жизнь с понедельника? Как красиво подниматься по лестнице? Как может помочь и поведить доминанта? Читайте в этом выпуске.

ТВОРЧЕСТВО И РУТИНА ЕДИНЫ!

80 процентов французских телезрителей не высыпаются, ибо не могут найти силы выключить телевизор до конца передачи. Отдел писем телестудии завален посланиями: «Из-за этой драмы вы заставили нас сидеть до полуночи!», «Сделайте хоть перерыв для ужина!», «Ваша отвратительная передача отняла столько времени, а у меня масса срочной работы!» Правда, не солидно? Взрослые люди — и не в состоянии повернуть ручку, пока экран не погаснет сам. Это, так сказать, рядовая инерция мышления, но особенно она опасна в творчестве. Ведь творчество — всегда изменение.

... В начале столетия считали: нельзя наклонять самолет при

устойчивым очагом повышенной возбудимости в мозгу. Вам это известно? А вот что неизвестно: доминантный очаг стягивает, подчиняет своим интересам посторонние раздражители, подобно тому, как откликается на любой толчок больной зуб или палец. Вот два примера «на стягивание раздражителей», приведенных школьниками. «Посмотрел фильм ужасов, и такое впечатление сильное, что ни о чем другом думать не могу. Вижу мясо и вспоминаю изуродованный труп — аппетит пропадает. Дверь скрипнула — вздрагиваю. Сажусь делать уроки — задумываюсь. Потом смотрю, а на бумаге написано: «Челюсти». Спросим: почему невыполнимо задание «ни в коем случае не думай про белую обезьяну?» Сам запрет работает на... доминанту!

Вдумайтесь: любой человек все время думает. О чем? Где новые мысли? Увы, их часто нет — мысли послушны старым доминантам и текут по кругу, по кругу...

Да, устойчивый очаг возбуждения ведет и к инерции мышления, и... к творчеству! Отсюда

ВОЖЖИ ДЛЯ ДОМИНАНТЫ

Вот признание американской студентки: «Я не хочу быть похожей на всех остальных. Все так и ждут, чтобы втиснуть тебя в готовую форму. Выйди замуж за инженера, живи в стандартном доме в приличном предместье, имей двух-трех детей, плати налоги и дважды в неделю спаривайся со своим законным супругом. Вставай каждое утро и заводи себя ключиком, втыкая его себе в зад, как японская механическая игрушка. Иди по жизни без мысли и чувства или делай все сама, просто отдавай себя на волю волн. Нет, спасибо, это не по мне, ни за что!» Лихо? Спокойно, без истерических ноток констатируем: provavelmente, не удастся. Почему? В первых, крупные изменения в биографии возможны лишь в будничной и они закладываются сегодня не методом отрицания, а во-вторых, одного желания мало — надо уметь владеть собой. Самое слабое — приказ или самоприказ «в лоб»: «Начать делать зарядку (писать фантасказ, худеть)!». Простой ход по преодолению прежних состоя-

БЛЕСК И НИЩЕТА

развороте — перевернется, как телега на неровной дороге. Летчик П. Н. Нестеров первым понял, что «в воздухе — везе опоры» (в отличие от дороги), и стал закладывать крутые виражи — а прежде все развороты делались большого радиуса — «блинчиком». А про птиц — лучших летунов — как-то не вспоминали. Впрочем, подобное не рекорд — ведь столетиями считали: Земля — не шарообразна — ибо жители с противоположной стороны не смогут ходить вниз головами, что у мух четыре ноги, а воздух не оказывает давления на более тяжелые, чем он сам, предметы...

А вот пример более «положительный»: «Если вы представите себе человека, — рассказывала жена Т. Эдисона, — живущего в состоянии непрерывного возбуждения, не видящего, не слышащего ничего, что не связано непосредственно с решаемой задачей, то вы будете иметь точное представление об Эдисоне во время работы».

Пора из столь противоположных фактов сделать вывод. Он известен физиологам: деятельность человека во многом определяется ДОМИНАНТОЙ —

столь популярные в творческой среде байки про «озарения» — о ванне Архимеда, яблоке Ньютона, чайнике Уатта. Да, случайное впечатление может вызвать в воспаленном мозгу искомое решение. А может — ложный вывод: поссорился с девушкой — разочаровался в любви; не поладил с коллективом — разочаровался в человечестве; поругался с начальником — крушение мечты.

«Доминанта говорит лишь то, что из самых умных вещей глупец извлечет повод для продолжения глупостей, а из самых неблагоприятных условий умный извлечет умное», — писал А. А. Ухтомский — ученый, исследовавший ее.

Разговор не стоило бы заводить, если не знать, как управлять своими доминантами. Богатство доминант и — главное — их смена — богатство личности. Трудно начать новую жизнь с понедельника — не сформированы, как у незадачливых телезрителей, новые доминанты, а старые тянут назад. А без знания «нет регулирования, а есть слепое дергание, стегание и оглушение организма», — как выразился академик Н. М. Амосов.

ний — выработка полезных автоматизмов, навыков. Хочется начать делать зарядку и никак не начать? Постоянно забываем ключ дома? Присоединяйте новые дела к уже существующим. Пора обедать? Отожмись, покачай пресс. Небольшая нагрузка не повредит, а навык закрепится. Забываешь ключи? Хлопни себя по карману, взявшись за ручку входной двери.

Другой путь — торможение прежней доминанты новой (недаром умная мать не запрещает малышу хныкать, а отвлекает его). Упрощая, скажем: новая доминанта может возникнуть от информации (курить вредно!), от эмоции (испуг от увиденных легких курильщика) или от действия (например, нам дано испытать надсадный кашель). Ясно — последнее воздействие самое запоминающееся.

Режиссер и педагог К. С. Станиславский понял: заставить напрямую работать чувства актера — непосильная задача. А если пойти окольным путем: дать почувствовать роль через физи-

ческое действие? Был случай: молоденькой актрисе не удавалось сыграть чувство растерянности, страха в ночном лесу... (Уговоры, естественно, не помогают). Станиславский расставляет в беспорядке стулья — это будут деревья, гасит свет и просит актеров молчать. «А вы, — обращается он к ученице, — добирайтесь до меня — я сижу в углу». Актриса пошла, но... медленно, наощупь — как и ходят в лесу. Вот здесь должен сидеть учитель. Его нет! Сбилась с направления? Вокруг — темнота и молчание. Актриса расплакалась — по-настоящему, как в жизни. Но это помогло поймать ей «нерв сцены» — для этого Станиславский специально покинул свое место...

Да, в управлении собой путь в обход зачастую оказывается короче, чем по прямой. Недаром в школах менеджеров рекомендуют приемы: «премировать себя за выполненную работу», «завести явного или скрытого конкурента и постоянно соревноваться с ним», «загнать себя обещаниями другим лицам в угол иначать действовать под грузом обязательств» и т. д. Приемы разные, но основа одна: вытеснение старой доминанты новой через эмоции и физические действия...

Правда, здесь подстерегает развилка. Доминантный очаг формируется как от результатов дела, так и от «копий». О Деле чуть позже. А что такое «копии»?

У молодых обострена доминанта самоутверждения. Но! Кто-то мечтал победить, а его удел — «боление» у ТВ, хотел человеческого тепла, а удовлетворился пьянками, стремился утвердиться в деле, а утвердился в модной тряпке... Мы ответили на вопрос? Можно создавать реальность, а можно довольствоваться ее копиями. Где выход? Как найти Дело на всех и надолго? Анализ показывает: только в творчестве (если вы с этим не

согласны — докажите). Лишь творческая деятельность неисчерпаема, только творчество — вершина человеческой деятельности. Остальное — частные случаи.

В теории развития творческой личности есть проблема: многие вступили на трудный и радостный путь творчества после «эмоционального удара» в юности. На глазах актера Г. Котельникова гибнет авиатор, и он становится изобретателем парашюта, фельдшер в ауле спасает жизнь Г. Илизарову, и он решает стать врачом...

Итак, строчкой ниже — еще никем не решенная творческая проблема. 2010 год. Вы директор школы творческих личностей. С одной стороны, ученикам нужно нанести сильный (доминантный) удар, а с другой — недопустимо навредить ученику. Как быть?

При ответах рекомендуем применять «метод Ильфа и Петрова». Они всегда отбрасывали совпадающие в их черновиках решения, остроты. Почему? Иначе не будет интересных находок и текст выйдет пресным. Поэтому лучше дать два ответа: что предложит большинство ваших сверстников и какое необычное,

ДОМИНАНТЫ

красивое решение предложите вы?

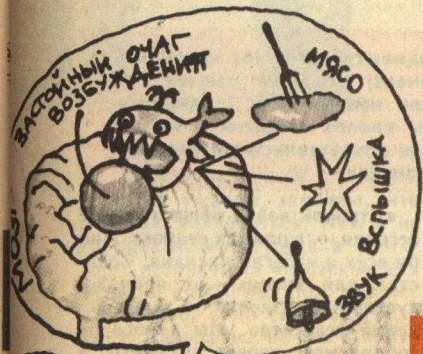
УПРАЖНЕНИЕ — ЛЕСТНИЦА

На манекенщице и рубище сидит элегантно — важен не только наряд, но и умение двигаться, «держать спину». В прошлый раз мы упомянули упражнение для осанки — сегодня о движении по лестнице. У нас немного места, поэтому будем кратки: спина прямая, перил не касаться, нога ставится на следующую ступеньку на носок, и поднятие туловища идет за счет разгибания икроножной мышцы. Отметим типовую ошибку — подъем крадучись — только на цыпочках. Это некрасиво — важно именно разгибание мышцы. Можно не выполнять? Можно — каждый решает сам, как ему выглядеть.

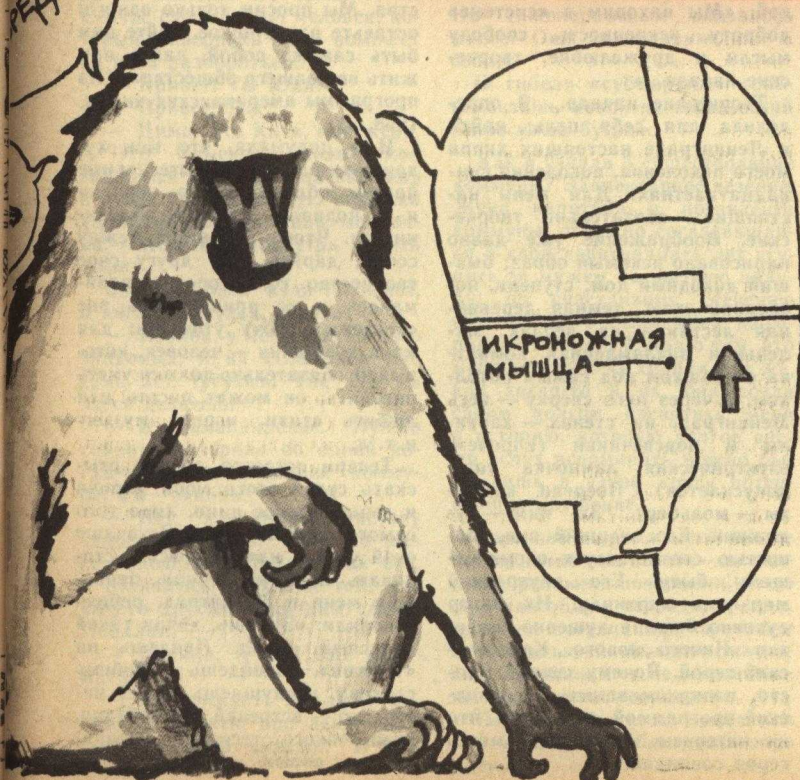
Игорь ВИКЕНТЬЕВ

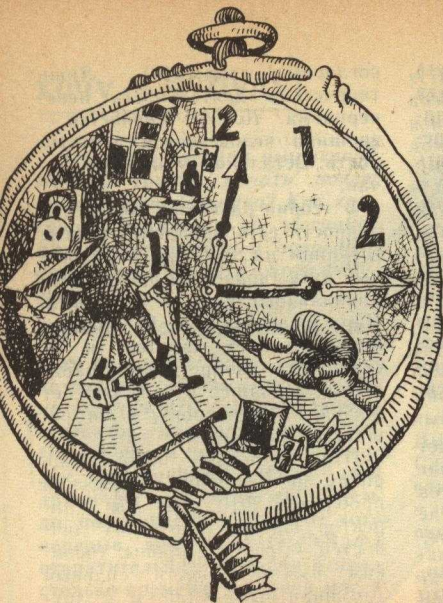
Советуем прочитать: Станиславский К. С. Собрание сочинений в 8 томах, том 2. Работа актера над собой. М., 1954 г. Ухтомский А. А. Доминанта. М.-Л., «Наука», 1966 г.

Оформление Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

СРЯТЬ РЕДНО

ГАЗЕТА

На этот раз Газета, коллегиальный орган МР, удивит вас (надеемся, приятно) своей монопольностью. Член Малой редколлегии привезла столько материала, эмоций и мыслей, что «утоптать» их в традиционный объем большая редколлегия сочла кощунством. Традиции — конечно, хорошо, но отчего бы и не поэкспериментировать! Мы вполне открыты к поиску нового, тем более если это новое окажется еще и лучшим. И в знак доказательства публикуем нетипичный отчет о нетипичной командировке на затонувшую субмарину.

В ПОИСКАХ ЮНОГО ХИППИ

Глава 1

— «Электропоезд прибыл на конечную станцию».

Я выхожу из вагона. На часах 00.15. Кажется, это была последняя электричка. Она быстро умчалась, оставив на платформе всего несколько человек. Даже как-то непривычно после сумасшедшей дневной толчеи. Иду к эскалатору. Глухим эхом отзываются собственные шаги. Пустота... Пустота внутри и снаружи.

Переход длинный и плохо освещенный. Я иду по нему почти вслепую.

И дневные события захлестывают новой волной.

Снова бегу по мокрому и солнечному Невскому в сторону Литейного. Знаменитый перекресток. Кафе. Плотная разномастная толпа на входе. Приспешенная самых радужных надежд, врзаюсь в нее, сознательно застреваю, ловя голоса, профили, жесты, и протискиваю к дверям.

Боже мой, сколько здесь народу всякого! Дымовая завеса и бесконечная очередь за кофе. Неожиданная атмосфера «Сайгона» навалилась на меня, зажала в угол. И очень кстати. Здесь никто не толкает, и все отлично видно.

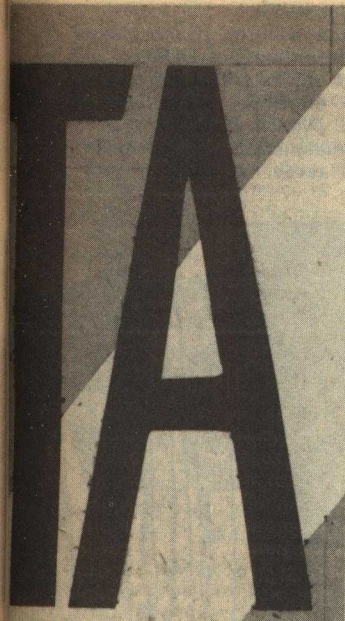
А в моей сумке — письмо Александра Шарковского, Александра Пантелеева, Игоря и Елены Серебряных из города Орла с очень важной для меня строкой: «Мы находим в «системе» доброту, искренность, свободу мысли и дружелюбие, творческие начала...»

Творческие начала... Я определила для себя цель: найти в Ленинграде настоящих хиппи моего поколения, поколения семнадцатилетних. Для меня настоящие — обязательно творческие. Воображение уже давно нарисовало искомым образ: бывший доходный дом, ступени, последний этаж, темная деревянная лестница на чердак, маленькая захлапленная комнатка с окошком под самым потолком, а через него сверху — весь Ленинград, на стенах — картины и подсвечники (впрочем, электрическая лампочка тоже допускается). Посреди комнаты — мольберт. За ним — художник. Его внешний вид полностью соответствует окружающему быту. Его внутренний мир — на картинах. Их автор духовно богат и душевно свободен. Ничего нового. Классический герой. Почему хиппи? Просто, познакомившись с хипповской программой, я увидела, что их интересы и интересы моего героя совпадают.

«Строить новое общество уже сегодня — в рамках старого. Люби всех и избегай насилия. Средства для жизни — от продажи кустарных изделий и произведений искусства. Мы никого не собираемся перевоспитывать и переделывать. Если общество не желает следовать нашему примеру — тем хуже для общества. Мы просим только одного: оставьте нас в покое, дайте нам быть самими собой, дайте нам жить вне вашего общества». (Из программы американских хиппи, 1968 г.)

И я подумала, что мои художники-одиночки, вытесненные нашим обществом на чердаки и в подвалы, решили объединиться. Чтобы общаться между собой, дарить друг другу свое творчество, то, которое не понималось и не принималось вне «системы». Хочу уточнить: для меня художник — человек, который не обязательно должен уметь рисовать, он может писать или любить стихи, играть музыку и т. д.

Теперь остается только отыскать среди этого моря народа и дыма нужное лицо, лицо того самого художника. Оставляю свой угол и направляюсь к столикам. Вспоминаю, как, провожая меня в Ленинград, ребята говорили: «Знаешь, хиппи такой классный народ. Придешь на «Сайгон», подойдешь к любому столику, послушаешь, будет интересно — встревай свободно, безо всякого стеснения. Воспримут как свою».

Проделав путь от своего угла до противоположной стенки, вдруг с ужасом замечаю, что начинаю волноваться. Нет, я не из робких, и вступить в разговор с незнакомым человеком для меня не проблема. Но... я здесь уже давно, а до сих пор среди этого множества не могу найти нужное.

Выхожу на улицу, пытаюсь себя успокоить. Просто мне сегодня не повезло. На часах 18.30. Сейчас сюда придет человек, который наверняка мне поможет во всем разобраться.

— Привет! Ты Юля?

— Привет! Да.

— Дима. Это Катя, моя жена. А это Крысюк, — сказал мой знакомый и показал на варежку в руках у спутницы. Из варежки выглядывала крысиная мордочка. — Пошли вовнутрь пить кофе.

Внутри Дима куда-то исчез, а когда вернулся, сказал:

— Извини, у меня здесь много знакомых. Я на «Сайгоне» уже семь лет тусуюсь. Так что ты здесь делаешь?

— В командировке. Нужно собрать материал об одной когда-то существовавшей коммуны. Ты — хиппи?

— Нет, я — иппи. Христову заповедь знаешь? Бьют по щеке — подставь другую. Так вот, я отличаюсь от хиппи тем, что вместо другой щеки дам сдачи. Поняла?

— Поняла. А чем еще занимаешься?

— Я музыкант. Играю в ансамбле. Кстати, про ленинградский рок-клуб знаешь? И что любишь?

— «Аквариум».

— Я тоже больше всех на свете люблю Б. Г. Но больше Б. Г. люблю свою Катюку.

И он улыбается в сторону Кати.

— Слушай, есть ли в Ленинграде где-нибудь настоящая хипповская коммуна? Если знаешь, то познакомь меня, пожалуйста, с кем-нибудь оттуда, мне очень нужно.

— Лично я не знаю. Да и вряд ли такая вообще существует. Может, раньше была, а сейчас мы собираемся на флэйте — на квартирах... Слушай, у тебя деньги есть?

— Возьми.

— Спасибо. И спасибо за журнал. Здесь фотография «битлов», из-за нее я хотел его получить.

...На последнюю электричку успела, успеть бы заодно и на последний трамвай.

Я опаздывала на тот самый трамвай, который должен был доставить меня к «Желтой подводной лодке».

Впрочем, к ней уже трудно было опоздать. Как, впрочем, и сесть в нее.

Я торопилась раскрыть «Бортовой журнал «Иялоу сэбмарин» — так называлась коммуна, бурно просуществовавшая год в огромном суровом и холодном океане ленинградской жизни 1977 года. Потом лодка разбилась. Команда спасалась, как могла. В живых остались все. Но тяжелораненых оказалось много. Они долго приходили в себя.

О гибели «субмарины» сообщил лишь какой-то «вражеский» голос из-за бугра».

Как я узнала о существовании коммуны? Элементарное везение. Жена капитана и президента коммуны, отважно согласившаяся в свои девятнадцать лет ступить за мужем на шаткую палубу, по счастливому стечению обстоятельств была моей двоюродной сестрой. Узнав о том, что меня потянуло «в хиппи», так же, как когда-то и их, она сочла своим долгом посвятить меня в историю, которую долгое время вслух вспоминать можно было лишь в узком кругу потерпевших крушение.

Бортовой журнал с его многочисленными записями, сделанными разными дочерками, — это обычная общая тетрадь, правда, изрядно потрепанная временем и ностальгией бывших матросов. Заполняли ее не ежедневно, но достаточно регулярно.

Очень жаль, что за неимением места нельзя опубликовать весь дневник.

Глава 2

(Свидетельства
из бортового журнала
«Желтой субмарины»)

Итак, коммуна. Что же это такое. И что привело нас сюда.

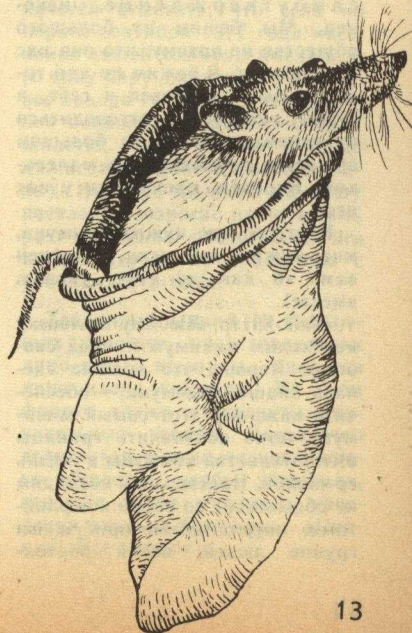
Почти год мы возводили пышные воздушные замки, которые неожиданно обрели весьма твердый земной фундамент. Попытаемся систематизировать свои наблюдения и записать их для нашего гипотетического читателя.

Прежде всего, кто такие мы? Это Марина, Феликс, Татьяна, Александр, Игорь и Андрюша — студенты, постоянный экипаж «Желтой субмарины».

Натолкнулись мы на это место в тихом районе Ленинграда совершенно случайно августовским вечером 1977 года, когда будущие супруги явились на Львиный мостик снимать квартиру... Через несколько дней наша команда уже оккупировала два этажа и успела наспех разрисовать стены и повесить плакаты. Деревянный дом, печное отопление, отсутствие хозяев и простор для творческих извращений!

Что привело нас сюда; что мы ждем от коммуны?

ПРЕЗИДЕНТ: Я считал и считаю, что общество всегда тоталитарно по сути и не может обеспечить естественные права личности (вижу ехидный смехок читателя). Права же эти может обеспечить только микробщество (община, коммуна и т. д.), основанное на духовном единстве всех членов коллектива. Перегорев, как многие (но не все), на факеле политической деятельности (скорее, просто на увле-

чении большой политикой), я оказался один на один со своей свободой. Я понял, что никакой из рецептов «свободы для всех» мне не подходит. Я не открываю ничего нового и не пытаюсь этого сделать. Я просто пытаюсь найти свое счастье, не следуя

тельств сведенных под одну крышу, а более комфортное в моральном смысле сообщество единомышленников.

АЛЕКСАНДР: Напомню, что существующая ныне компания представляет собой объединение старой компании СШ № 121 и

9 сентября 77.

Первой и пока единственной настоящей коммунальной акцией явилось обобществление стола. Члены общины складываются по пять рублей в неделю с носа и устанавливают продовольственную кассу, из которой заку-

формулам. Что получится из нашей затеи, трудно судить. Но хочется верить, что мы создадим действительно крепкое братство.

АНДРЮША: Встает естественный вопрос: зачем человеку взаимопонимание и общность? Привожу три основополагающих принципа нашей команды: самовыражение — расцвет личности в условиях и среде, этому благоприятствующих; самодовольствие — ощущение внутреннего комфорта; и самоутверждение, наконец. Мы бежим из большого общества не потому, что оно нас не признает, и бежим не для того, чтобы замкнуться в себе, а чтобы, как стеной, отгородиться от непризнания нас в большом обществе признанием в маленьком. Впрочем, иного пути у нас нет.

В итоге: мне нужна коммуна, мне нужны вы, если я нужен вам, то кам ту гезе, вперед, вместе!

ТАТЬЯНА: Любому человеку необходим минимум личной свободы. Первое, что должна сделать наша коммуна, — обеспечить каждому этот самый минимум, четко обозначить границы вмешательства коммуны в жизнь ее членов. Надеюсь, мы создадим не общежитие со всеми конфликтами, неурядицами, присущими группе людей, волей обстоя-

тели части университетской общности. Каковы отличительные черты данной популяции? Во-первых, это люди, воспитанные на гуманистических философских школах. Во-вторых, это люди, убедившиеся в том, что окружающий мир не отвечает их представлениям о прекрасном. В-третьих, они твердо решили искать идеал, который соответствовал бы их представлениям о красивом человеке и справедливом обществе, самим завоевать прекрасное.

Я хочу подчеркнуть неполитический характер коммуны.

МАРИНА: Я, как и Александр, — человек повышенной коммуникабельности, всегда стремлюсь быть в обществе близких мне по духу и интересам людей. Такое общество найти не так просто: ни дома, где родители давят на мозг, ни в школе, где слишком много народа и слишком большая разница между людьми, где никому нет до тебя дела. Так что коммуна мне представляется местом, где царят Творчество, Веселье, Справедливость, Взаимопонимание и Взаимоуважение. Мне кажется, что члены коммуны будут свободны в своем микрообществе и в то же время крепко связаны этими пятью понятиями. Вот что привело меня на «субмарину».

паяются продукты на день. Помимо этого мы установили дежурство. Раздали голоса по поводу обобществления жилого фонда, но основное народонаселение «субмарины» отнеслось к этому отрицательно. Что ни говорите, а личный угол нужен даже в коммуне. Куда приятнее пригласить друзей к себе, чем заставить их у себя в комнате, вернувшись вечером домой.

Феликс

11 сентября 77.

Сегодня я вернулся на борт после смены около пятнадцати часов и спокойно направился в трюм. Первое, что я подумал, войдя в каюту: здесь были «органы». (Лишь потом я узнал, что в коммуне было культмассовое возлияние.) Входная дверь не закрыта. Каютка несла на себе явные признаки погрома. На видном месте лежала загаженная тетрадка с «пулями», а по раскладушке прыгала Дисса и грязно ругалась (Дисса — коммунарская кошка). Я уже не говорю, что друзьям коммуны не подobaет вести себя наподобие оккупантов в чужой стране.

Президент

12 сентября 77.

...Так десятого числа сего месяца Андрюша, восстав поутру от сна, обнаружил, что верхняя половина ковчега надежно отго-

родила себя от внешних вторжений... Сей железный занавес воспрепятствовал его попыткам заполучить свою куртку и прочие инвентарные принадлежности, без которых он не мог чувствовать себя человеком. Таким образом, он вынужден был провести полдня, закутавшись в одеяло, в то время, как обитатели верхней половины ловили утренний кайф у себя в номере.

Бессмысленность сей акции в том, что в случае острой необходимости и при отсутствии врожденной деликатности Андрияша мог бы устроить маленькую революцию при помощи звонка и кулаков. А посему видно, что закрытая дверь не уменьшает, а увеличивает опасность нарушения спокойствия любителей закрытых дверей.

Андрияша

Продержитесь хотя бы два месяца. Тогда можно будет говорить о коммуне. На сегодня, 13 сентября, вы успели не один раз разругаться.

(без подписи)

8 октября 77.

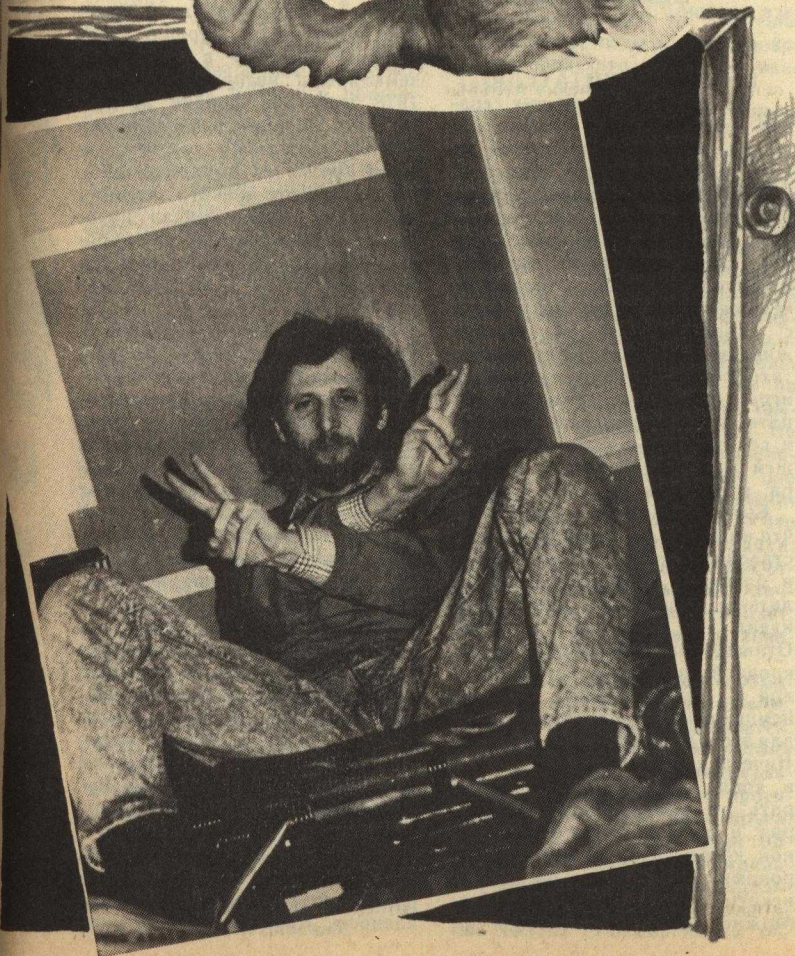
Господа! Сегодня мы имели честь лицезреть, как очередное благое начинание — обсуждение проекта устава — выродилось в очередную пьянку. «Коммуна» в очередной раз показала свою звериную рожу. Сейчас коммуна живет только периодическими попойками и абсолютной пустотой между ними. При этом каждый орет и дискутирует идею коммуны. Пока каждый не поймет, что чтобы что-то получить, надо что-то и дать, наша «субмарина» дальше проруби не уплывет.

(без подписи)

10 ноября 77.

Какой голяк! Не писали в бортовой журнал целый месяц.

За это время успели создать поэму и отметить праздник революции. Предлагаем поддержку из поэмы.

Вымирающему племени хиппи посвящается

Забросив скушные дела,
Срывая голос в пьяном хрипе,
О революции и хиппи
Мы говорили до утра.
Пусть топором дамочков меч
Висел в дыму джинсово-синем,
Где потонула чья-то речь
В поддержку нового Мессии,
Приятно было сознавать,
Что ты силен в борьбе с собою,
На разрисованных обоях
Свободу слова утверждать.
И, переполненный стакан
Плеснув в мешанскую лагуну,
Глядеть, как бродит таракан
По стенам, названным
«коммуна».

11 января 78.

Эпиграф к коммуне-78: «Если не наша цель в жизни, сделай жизнь самоцелью».

Очередной доклад Президента коммуны «Йэлоу сэбмарин» «О некоторых особенностях нашего сообщества в свете новогодней елки» 31 декабря 1977 года.

Дорогие товарищи! Жажущие и страждущие! (Бурные и продолжительные аплодисменты). Основной вопрос нашего заседания — встреча так называемого Нового года.

В свете последних событий разрешите мне коснуться некоторых направлений развития нашей коммуны за отчетный период.

Успехи «субмарины» неразрывно связаны с успехами мирового демократического движения. Как писал наш вождь Великий Мафин: «Только джинсы и заплаты стать помогут демократом». Исходя из этого основополагающего тезиса мафизма, хочется отметить, что если на первое сентября 1977 года население нашей коммуны имело всего одну пару джинсов, то на первое января 1978 года в «субмарине» появилось 7 джинсов, одна жилетка, один костюм и даже джинсовый галстук (овация зала). Наличие джинсов на душу населения возросло почти в семь раз. Особенно убедительно эти цифры звучат по сравнению с уровнем 1913 года.

Товарищи! Одним из решающих участков, представляющих лицо нашей коммуны... является лицо члена коммуны. На этом фронте также достигнуты значительные успехи. Достаточно взглянуть в лица членов нашего общества, чтобы убедиться, что две трети мужского населения покрыто бородами... (Овация! Все встают).

Значительные успехи достигнуты в области литературы и настенного искусства.

Выпущено в тираж второе издание сочинений Великого Мафина...

11 января 78.

Новый год мы встретили, кажется, хорошо. Но праздник закончился, и начались суровые будни. Как явствует из предыдущих записей, коммуна переживает глубочайший идейно-хозяйственный кризис, который обострился в первую же годовую ночь, когда коммуна развалилась до такой степени, что необходимость преобразований стала очевидной. Прогрессивные силы, используя революционную ситуацию, в ночь с 7 на 8 января устроили хозяйственный переворот. Президент, изрядно уставший, был, наконец, отстранен от власти, которая перешла к хозяйственному диктатору, назначенному на одну неделю общим собранием...

Обострилась воспитанная еще Дарвиным межвидовая борьба. Семейство псовых в лице дикого предка объявило войну Диссе, представительнице семейства кошачьих. Бедняга Волков, общепризнанный авторитет по части заглаживания коммуны, был явно шокирован, узнав, что Дисса не менее успешно занимается этим на территории общественной кухни. Это известие так сильно помutilo его разум, что упомянутый Волков отказался выполнять свои обязанности дежурного и убраться за Диссой дерьмо. А заодно и обтереть плиту, что по Чрезвычайному закону ведет к исключению из коммуны. Волков заявил, что поскольку он кошку не заводил, убирать за ней не будет. Красиво сказано! Но послушайте, Волков! Кошка живет здесь со дня основания коммуны и принадлежит старой гвардии. Вы же появились много позднее. Я не хочу вспоминать про монастырь и устав, дело не в этом. Дело в том, что чистота на кухне превыше всего. В том числе и личной антипатии к сопернику.

Следующий момент летописи относится к проблеме демографического взрыва, увеличившего население нашей коммуны.

9 января Президент (бывший) родил наследника. Поскольку Чрезвычайный закон предусматривал, что Скобов вступит в должность диктатора с 9 января, а ребенок Президента родился раньше, когда Президент еще формально оставался у руля, он издал последний декрет.

1. Считать родившегося постоанным диктатором — (Бэби-Дик).

2. Считать хозяйственного диктатора регентом при Бэби-Дике со всеми полномочиями.

6 марта 78.

Коммуна простояла уже шесть месяцев. Это все-таки успех. Андрюша глубоко пустил корни в коммуне, чему все были рады. Но Андрюше этого показалось мало, и он вдруг возьми да женись. Вот те на — сказали мы на это. Но, тем не менее, все поздравляли Андрюшу и Татьяну.

Молодожены, конечно, крутые нонконформисты, о чем свидетельствует их регистрация в джинсах. Но в своем отрицании общепринятых норм они настолько круто взяли влево, что забыли оповестить о свадьбе коммуны. Ну что ж, молодо — зелено. Не будем журить наших молодых супругов. Хочется верить, в следующий раз этого не повторится.

Март наступил. Коты поют, а у нас столько праздников: масленица, День женщин, День коммуны (той, что в Париже). Только успевай поворачиваться и сдавать посуду. А в остальном все хорошо.

12 мая 78.

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЮ

...Все это время в наших сердцах еще искрилась слабая надежда, что хлеб, пущенный по воде, вернется к нам с маслом. Однако хлеб был пожрат, а то, что приплыло к нам, нельзя было назвать маслом, даже потушив свет и потрогав пальцем. Коммуна, наконец, стала тем, чем она и должна была стать с самого начала. А именно: жильем, в котором каждый обитатель строго соблюдает правила игры, потому что нельзя отрицать, что коммуна, как, впрочем, и все остальные проявления нашей жизнедеятельности, это игра, в которую мы сами играем.

Было бы глупо утверждать, что наш идеал — полное обобществление. Это допустимо только в босяцком притоне, где и делить-то нечего. Но разве наш идеал — босяцкий притон? Отнюдь! Мы стремимся к полнокровной, по возможности веселой и (пусть дрогнут «низы») немножечко сытой жизни. Но для этого надо давать, а не брать. Ничего удивительного, что нам, в конце концов, надоело убирать за всеми посуду и пять раз в неделю питаться жареной колбасой и липкими макаронами. Глупо было бы сейчас искать корни наших ошибок. Можно было бы сослаться на

отсутствие времени при подборе будущего экипажа тогда осенью. Можно было бы сказать, что мы были ограничены в выборе кандидатур, а из имеющегося в наличии материала попытались, наивные, создать настоящее Братство Друзей. Можно сетовать на то, что времена — они меняются, и сегодня нам нужно больше, чем вчера. Остается надеяться, что нас еще не до конца засосало позорное благообразие и что не закрыты наши сердца для того прекрасного ощущения жизни, которое заключено в трех вещах: в Детстве, в бокале шампанского и в Игре.

Из детства мы, к сожалению, выросли. Шампанское пьем лишь на Новый год. Но разве мы вправе отказаться от того, без чего дом на Приморском проспекте пока именуется сырой коммуналкой без удобств?..

Коммуна «Йэлоу сэбмарин»

Здесь требуется пояснение. Личный состав «Желтой подводной лодки» разделился на две части. «Низы» — нижний этаж — активно увлеклись политикой. «Верхи» этого увлечения не разделяя. Претомет разногласий стал рукописный журнал, издаваемый «низями» в одном экземпляре и воспринимаемый в 1978 году как крайне антисоветский. «Верхи» разделяли основные убеждения «низов», но были против их обнародования, считая, что это чревато лишними хлопотами. Внизу начал появляться неизвестный доселе народец, случайные люди. Журнал мог попасть не в те руки, что и случилось.

Последняя запись сделана в конце августа, когда бывший Президент коммуны с женой вернулись после каникул, проведенных в Москве, к себе на Приморский проспект. Они увидели, что «низ» сплошь заселен, «закружен» в вихре ежедневных шумных сборов, где среди рева «мага», табачного дыма и тяжелых запахов несвежего белья все отчетливее слышались крики...»

Никакие запреты, указы, декреты повлиять на обстановку в коммуне не могли. Игра вышла из-под контроля и, похоже, двигалась к концу. И он не замедлил наступить в образе милиционеров во главе с участковым. Их вызвали одуревшие жильцы, занимавшие другую половину дома.

«Желтая субмарина» всплыла на поверхность. С матрасами разбиралась милиция и госбезопасность. Конечно же, злополуч-

ный журнал «низов» был прочитан теми, кого имели в виду «верхи», предупреждая разбушевавшихся революционеров.

Авторы статей и программ, предлагавших перестройку общества, процветавшего за стенами коммуны, были наказаны: кто изгнан из университета, кто посажен в «психушку», кто сильно напуган.

Мне трудно представить, что всего каких-нибудь десять лет назад выслали из страны, изгнали с работы, сажали за то, что сегодня вошло в плакаты и лозунги, стало требованием дня — за желание изменить существовавшие порядки...

Детище коммунарского творчества — поэму «Лажа» Великого Мафина (псевдоним, за которым чаще всего скрывался Феликс Виноградов), написанную в духе «свободы ехидной критики», — предлагают напечатать.

Десять лет — это много или мало? Не знаю. Но бывшие коммунары пополнили ряды советской интеллигенции. Выросло новое поколение хиппи, появились «сиппи», возникли различные «системы» во главе со «сталкерами». Быть может, и новые коммуны. Им легче жить? Они выживут? Отчего вообще зависит жизнеспособность коммуны? От взглядов большого общества? Или от тех, кто ее создает?

Уверена, желание какой-то части молодежи отделиться и жить по своим законам будет всегда, при всех обществах. Просто хотя бы потому, что семнадцатилетнему человеку хочется скинуть родительскую уздечку. Но одному трудно, да и страшновато, на свободе, лучше с такими же, как ты, единомышленниками.

Мне очень близки причины ухода на Приморский каждого из членов экипажа «Желтой подводной лодки». Я бы приняла их устав. Я видела их плакаты типа «запрещаем запрещать», их пластинки и книги, их театральные программки, я читала их стихи и поэму. Мне нравятся их гимн «Излоу сэмбарин» Джона Леннона, и я так же, как и они, люблю «Битлз». И поэтому мне так хотелось понять, что же все-таки произошло, почему дала течь «подводная лодка»? Мне нужен был взрослый человек, который прочел бы дневник и смог бы все это объяснить, разложив на причины и следствия.

Такой человек возник не сразу (здесь снова чудное стечение обстоятельств), но важно, что он с интересом прочел дневник и сказал, вернее, сказала:

— Феноменальная информация. Они в кратчайший срок, за 12 месяцев, прошли путь, который прошло все человеческое общество за время своего существования. От первобытной общины через революции к полному тупику.

Мы встретились с Лидией Новиковой, кандидатом философских наук, сначала в проблемной социологической лаборатории при Белорусском государственном университете, где она работает, потом у нее дома. Я постепенно привыкала к сложному для меня языку научных терминов и, несколько раз прослушав потом кассету с нашей беседой, попробовала слегка адаптировать этот язык, поскольку мои читатели — мои ровесники, и знают так же мало, как и я. Но не все можно объяснить на пальцах, поэтому, если кто-то хочет прочитать следующую главу, придется немножко напрячься, а иногда и обратиться, быть может, к философскому словарю.

Глава 3

— Так почему же все-таки они пришли в тупик?

— Почему, как ты думаешь, в тридцатые годы чуть не половина городского населения оказалась в коммуналках?

— Жилищный кризис, наверное.

— Кризис кризисом, но, пожалуй, будь в то время у государства возможность обеспечить всех отдельными квартирами, в очередь за ключами побежали бы далеко не все. В общественном сознании тех лет преобладала идея жить вместе, идея всемирной коммуны. Люди жили, уживались. Самые разные. Дружили, помогали один другому. И во многих случаях это были не коммуналки, а именно коммуны. Но общество непрерывно развивается, и в положенный срок оно переросло идею коммуналности. Общинное сознание — это искренняя одна на всех правда, совесть, справедливость. Оно отрицает индивидуальность, личностность, особое мнение. Отрицает, но не властно остановить появление личностей.

— Но ленинградская «субмарина» — это же совсем другое, это коммуна индивидуальности.

— Так не бывает. И потому она распалась. Индивидуальность и коммуналность противостоят, не терпят друг друга. Это закон природы, закон общества. Сначала нужна отдельная комната, а потом и отдельный мир. Комсомольцы тридцатых годов, скажем, имели об-

щую цель, как в песне: связанные одной цепью, скованные одной целью. И эта общность считалась за доблесть. Не отделяться значило тогда не трусить. Неотличимость от других означала преданность, честность. Кто не с нами — тот против нас! Вот знаменитый лозунг того времени.

«Субмарина» была обречена изначально. Потому что ее члены уже были личностями. Они отделились от общества потому, что оно не обеспечивало должной духовной подпитки их индивидуальности. И они попытались создать альтернативную культуру, микросреду с большим духовным потенциалом. Но выбрали для своего будущего Храма Творчества и Свободы старую, отжившую свое коммуналку.

— Да, но ведь все казалось таким возможным. Есть цель, есть программа, устав, и все так хорошо укладывается в идею.

— Идея действительно замечательная и благородная, а главное, достаточно смелая по тем временам. Альтернативные молодежные группировки только сейчас со скрипом начинают воспринимать как неизбежность. Хотя это необходимо. И, слава богу, больше не преследуют. Так что с идеей все в порядке. Но... они опоздали веков на пять. Томас Мор, Томмазо Кампанелла пытались создать такое государство — Утопию, где все основано на равенстве, свободном труде, где основное время отдано наукам и искусствам... Опоздали. А может, и опередили веков на пять общественное сознание. Вот обрати внимание: в дневнике коммуны «Желтая субмарина», кроме как в декларациях, слишком мало о том, ради чего создавалась коммуна: где споры о творчестве, о свободе духа и т. д.? Там выясняются все время проблемы быта и, прости, жратвы. В дневнике отразилось то, что было, независимо от деклараций и мечтаний.

— Да, но ведь было и другое: созданная поэма, коллажи, плакаты, короче, их коммунарское искусство.

— Не станешь же ты, однако, отрицать, что мы, например, люди-единомышленники, можем в любое время собраться вместе и написать поэму, несмотря на то, что живем каждый в своей квартире. Вернее, это просто не зависит от того, как мы живем, — вместе или разном.

Есть такая формула у Маркса: водяная мельница дает общество во главе с сыззереном, паровая — во главе с капитали-

стом. Закон соотношения производительных сил и производственных отношений. Почему к тридцатым годам мы вместо коммунизма построили сталинизм? Да потому, что революция произошла в стране, где производительные силы были на уровне водяной мельницы. И в результате получили общество во главе с сюзереном, то есть, феодалом. Вот и наши коммунары строить строили, но быт все время заедал. Они могли писать что угодно: плакаты, поэмы, полотна, но бортовой журнал наиболее объективен. Здесь они фиксировали то, что лежало в основе быта. Все свелось к проблеме жилья и еды. И пока производительные силы остаются на уровне, когда этот главный вопрос существования не решен, все остальные вопросы решаться не будут... Водяная мельница!..

— Но, Лида, недавно по радио я слышала, что где-то в Америке вот уже около десяти лет существует коммуна (республика «субмарины»). Там благополучно сосуществуют восемьдесят человек, плетут гамаки, продают их, имеют в год миллион дохода и живут, как хотят.

— В Америке другой уровень производительных сил. Национальный доход велик и дает возможность для создания избыточных, нецелесообразных форм поведения. Есть материальный задел, обеспеченность в масштабах общества, значит, возможны социальные «игры» — различные, в том числе и вот такие, как эта коммуна. И потом, форма-то старая, но содержание новое: не коммунальная борьба за существование, а просто коммунальное существование. Разница огромная.

— А если бы мы в 1977 году были на уровне Америки, «субмарина» бы выжила?

— Трудный вопрос. Ведь есть еще проблема, рожденная не политической, не государственной системой — проблема культуры и цивилизации. Мы живем в век машинной цивилизации, а она обязательно насильственная. Она заставляет тебя вставать в 7 утра и бежать на завод, хочешь ты того или нет. И скорость движения станка будет определять ритм твоей жизни. Ты — придаток станка. Вот хиппи против этого и восстали. А общество требует экономического процветания. А оно возможно лишь при разделении труда и узкой специализации, винтичной. Вот тут и противоречие, тут и бунт. И он может быть жестоко подавлен обществом, которому пока не выгодно

ПРОЕКТ УСТАВА «ЖЕЛТОЙ СУБМАРИНЫ»

I

1. Второй этаж квартиры № 3 дома № 28 по Приморскому проспекту г. Ленинграда имеет статус коммуны.

2. Ввиду сложившихся обстоятельств экипаж «субмарины» ограничен четырьмя членами и увеличен быть не может.

II

ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНЫ

1. Экономическая база:

а) совместная эксплуатация территории и предметов обихода

б) равные вклады в хозяйство

2. Основы взаимоотношений:

а) добровольность, участие и равенство;

б) дружба и взаимопонимание;

в) общность интересов во всех сферах коммунальной жизни;

г) невмешательство в личную жизнь.

3. Организация управления:

а) единственным законодательным органом «Желтой субмарины» является Собрание Круглого Стола в количестве 4-х человек;

б) исполнительную власть осуществляет дежурный, который меняется ежедневно;

с) для принятия решения необходима поддержка его всеми членами коммуны.

4. Основные права и обязанности:

а) основное право — пользоваться всем, что находится в совместном пользовании;

б) свобода каждого члена коммуны начинается там, где кончается свобода другого;

с) помимо демократических свобод, которые имеются во всех цивилизованных странах, «Желтая субмарина» гарантирует:

а) свободу ехидной критики;

б) свободу самовыражения.

III

1. Гербом «Желтой субмарины» является изображение попугая, сидящего на кольце.

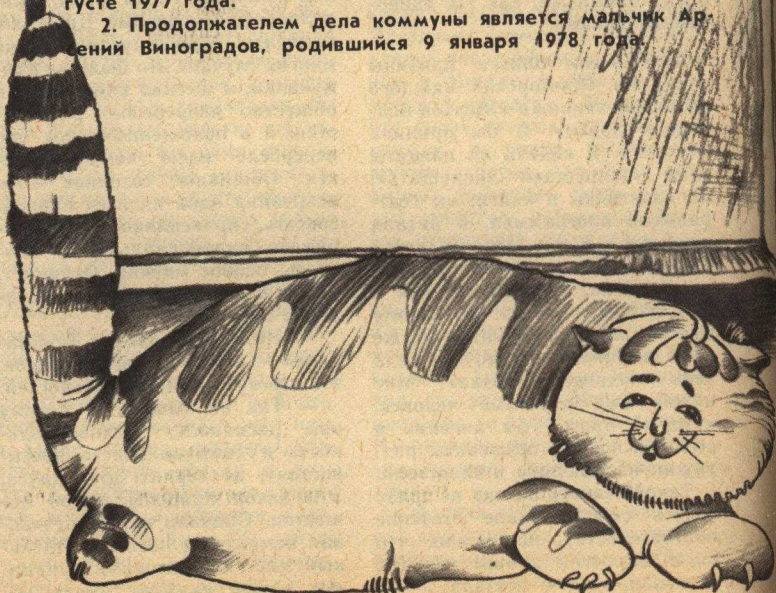
2. Гимном «Желтой субмарины» является песня «Йэлоу сэбмарин» [музыка Д. Леннона и П. Маккартни] с вариациями текста.

3. Парадной формой одежды являются джинсы.

IV

1. К коммуне относится кошка Дисса, родившаяся в августе 1977 года.

2. Продолжателем дела коммуны является мальчик Арений Виноградов, родившийся 9 января 1978 года.

идеи хиппи. И в то же время кто-то обязательно должен встать, кто-то обязательно должен напомнить людям, что они — люди, а не придатки машин. Что они машины придумали, а не машины их. Хиппи отвергают машинную цивилизацию. Ну, а что вместо нее? Так что не в коммунах, выходит, дело.

— Я понимаю, но... как же из тупика-то?

— Строить новую цивилизацию. Когда труд машин становится автоматизированным. Когда человек становится творцом и управляющим при них. И вспоминает, наконец, о своем предназначении. Но мы находимся в самом начале этого пути, и очень важно это понять, увидеть историческую перспективу. Хиппи вовремя напомнили человеку, что есть другие, общечеловеческие ценности. И на это не смогли не обратить внимание — движение-то было массовым. Так родились «зеленые», например, и они сейчас очень много делают для спасения Земли.

Общество можно сравнить с санками, летящими с горы. Кто-то должен их тормозить, корректировать, иначе катастрофа неминуема. И тут мы подходим к самому главному. Чтобы общество правильно развивалось, нужно много разных альтернативных программ, различных общественных групп и общественных течений, даже если они впоследствии окажутся нежизнеспособными. Свое дело они сделают — заставят в полную силу работать общественную мысль, развивать разные ее направления.

Глава 4

Итак, 11 сентября 1977 года обитатели «Желтой подводной лодки», покидая теплые родительские квартиры, не предположили печальный финал созданной ими коммуны. Они просто хотели жить в обществе равных себе и уходили не из четырех стен. Уходили строить свой мир. Их поступок кто-то посчитает ошибкой. Но какое счастье совершать такие ошибки. Если верить Льву Николаевичу Толстому, то «знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не одной памятью».

Им не удалось построить коммуны навсегда, зато они навсегда построили свой мир. Правда, нужно иметь в виду, что они строили его не на пустом месте. К тому времени у каждого из них было намечено дело в жизни.

Феликс, Андрей и Саша учили историю, Марина — языки, Татьяна — химию. Они заслужили свою свободу, они были готовы к ней. Ведь если ты ничем не занимаешься, ничем не увлекаешься, а праздно мечтаешь о свободе, оправдывая свое бездействие ее отсутствием, то тебе будет еще хуже, когда, наконец, добьешься желаемого и останешься один на один со своей свободой.

Время идет, все повторяется, но чуть иначе. Мои друзья уходят из дому, не покидая его стен. В нас больше энергии, больше страсти, больше чувств, чем у взрослых. Так, по крайней мере, мне кажется.

Я всегда немного завидовала тем детям, которым родители с детства сумели вложить любовь и интерес к науке или какому-то делу. Они умело направили энергию своего ребенка в полезное, и теперь этот юный человек познает мир через что-то конкретное, определенное и сугубо свое. У него есть цель (каждая последующая на порядок выше предыдущей), определен путь. Он ищет, создает, отдает и будет наверняка счастлив. Но, к сожалению, такие счастливицы встречаются редко. Гораздо чаще видишь людей еще совсем юных, но уже по-обычному взрослых, уже загнавших свою жизнь в дубовую рамку, ограничивая ее вдоблельными родителями постулатами об обязательном высшем образовании, не важно каком (при этом, как правило, выбирается факультет с наименьшим конкурсом), о спокойной и тихой работе с минимальными затратами, долгими наставлениями об осторожном и умном подходе в выборе спутника жизни и... круг замыкается.

По-моему, Феликс, Марина и их друзья разорвали для себя этот круг. Прошло двенадцать лет. Внешне их жизнь изменилась: обычная квартира в обычном доме. Ежедневная работа, служба, так сказать. Сын, тот самый Бэби-Дик, наследник Президента, уже в пятом классе. Но внутри, по духу, они — хиппи. И вообще, в моем понимании нынешний хиппизм — это состояние души, ее свобода, состояние, в котором все время испытываешь неудовлетворенность собой, жажду познаний. А внешние формы тоже, наверное, должны быть, чтобы люди узнавали друг друга в толпе. Но они не необходимы.

Наверное, я ошиблась, когда искала в тот вечер в «Сайгоне» настоящего хиппи, обращая вни-

мание сначала на атрибутику, а уже потом заглядывая в глаза. Нужно было сразу — по глазам. А волосатых там было достаточно. Но тогда...

Тогда, в кафе, на свой вопрос Диме: «Ты кто?» я получила ответ: «Иппи». И вслед за этим — встречное: «А ты?» Мне вдруг стало как-то не по себе. В самом деле, кто я? Что ответить? По идее, я должна была сказать «никто».

...«Никто»? Отчего-то было стыдно произнести это вслух. И после минутной паузы я процедила что-то вроде: «Не знаю, я ищу...» Потом, шагая по Невскому, думала, что по мироощущению, наверное, хиппи. Но на мне вместо длинного свитера, вытертых джинсов и старой куртки — обычный современный плащ, руки не испачканы в краске, и карманы не набиты скотканными набросками будущей картины или поэмы. Что происходило тогда со мной? Что происходит сейчас? Что происходит с моими друзьями? Постоянно ощущаешь, что тебе чего-то хочется, чего-то очень не хватает. Чего? В какой-то момент просто испытываешь страх, потому что незаметно протопал уже ту часть пути, когда спокойно можешь различать вдали конечную остановку. Тебе страшно оттого, что мир взрослых вот-вот должен стать твоим миром. Но ты туда не хочешь. А люди в нем по-прежнему смотрят на тебя свысока и не знают, что ты уже давно стоишь перед открытой дверью и видишь все, что делается внутри. И как хорошо, что можно в последний раз незамеченным отойти от дверей, выбежать на улицу, с размаху упасть лицом в траву, а потом вернуться и смотреть в небо, жевать травинку и ни о чем не думать, удивляясь бездонной синеве, красоте и таинственности вечерних облаков.

Но скоро те, кто ждут за дверями, подойдут и, не переступая порога, позовут тебя сами.

И что тогда?

Юлия НИКИТИНА

октябрь 88 — май 89 г.

Фото автора

ОДИНОЖДЫ ОДИН

Живой человек создает себя сам и выбирает свою стезю сам. Поэтому мы не принимаем жалоб и претензий на то, что «кругом одно разочарование», что «жизнь заела» («ест» она всех одинаково, между прочим). Поэтому мы не можем дать готовых решений и рецептов, как избавиться, например, от скуки, плохого настроения: таких рецептов попросту нет, ибо каждый человек уникален.

Вы найдете собственный выход и сделаете свой выбор сами. Хорошо, если материалы новой рубрики «Самсоздат» подтолкнут вашу мысль к действию.

«Я какой-то ненормальный, душевнобольной или нервный, со множеством комплексов, человек (что не так уж приятно осознавать). Дело в том, что от меня уходят друзья. Постепенно, но верно. Ладно — просто друзья. Но уходят и настоящие. Самые близкие.»

Их у меня было трое. С одним познакомился в армии, с другим — по переписке, третий всегда был, с детства. Но сейчас третий женился. И двое других собираются. Я совсем один. Понимаете? Знаю, что такое одиночество, уже прошел три круга. Но разве к одиночеству привыкнешь? Во многом виноват сам: слишком придирчив к людям, долго «прицениваюсь», выбираю. Да и для окружающих не хорош: чтобы «тусоваться», ходить на танцы — стар, мне скоро 22, пить не пью, рыбалкой не балуюсь, техники не люблю. Девушек тоже не привлекаю — нечем. Вокруг меня некий социо-вакуум. Есть, конечно, знакомые. Но и только! А мне необходимы друзья — как книги, как воздух. Вот и пишу сверхдлинные письма, а на работе иду на унижение (и ненавижу себя за это) — готов часами болтать на пошлейшие темы, лишь бы не остаться наедине с собой. И где гарантия, что это когда-то изменится? Вот говорю себе: оглянись, может, рядом такой же одинокий, кому ты нужен, кто нужен тебе. Оглядывался. Но, сколько угодно мечтая о знакомстве, сам первым не подойду...

Чего я только не пробовал! Ходил в разнообразные студии и кружки. Осталось несколько дальних знакомых и неудавшаяся влюбленность. Помещал свое объявление в районной газете, был на консультации у психолога — и опять проклятая самогрезня. Когда был влюблен, казался себе другим: лучше, мягче. Все прошло, как дым от осенних костров. Осталось желание быть кому-то нужным, но, увы, чтобы при этом этот «кто-то» был нужен мне. Осталось любимое дело — я пишу стихи и прозу, рисую.

Глупо, конечно, и ужасно стыдно писать вам. Сантименты взрослого инфантила...

Сергей М., Тульская область»

Когда мы говорим об одиночестве? Чаше всего, когда в привычной, размеренной жизни что-то меняется: переезд, перемена места учебы, работы. У Сергея случилось самое обыкновенное: друзьям пришло время устраивать личную жизнь. Стало больше домашних обязанностей, дружеские связи отодвинуты — просто времени не хватает. Сергей это, в общем-то, понимает. Но ревность заговорила: как же — тебе предпочли девчонку, пусть даже самую лучшую, уязвлено самолюбие. Все мы люди!

Чтобы прояснить ситуацию, попробуем сформулировать, чего же он все-таки ждет, отправив письмо в редакцию. По-моему, помощи со стороны: кто-то разобьет «социо-вакуум», кто-то разделит немудреные увлечения, сядет рядом и начнет все-все понимать.

Я не иронизирую. Возможно, так и будет. Ведь вокруг все меняется, даже если кажется, что стоит на месте.

Сергей одинок, скорее всего, ненадолго. И старые друзья не пропадут совсем, и новые связи завяжутся, хоть пока он сам этому мешает. Ему хочется какой-то особенной привязанности, небывалого постоянства, полного совпадения мнений. Это вряд ли возможно. Но если Сергей на меньшее не согласен, одиночество надо перетерпеть. Можно, в конце концов, завести собаку — привязанность гарантируется!

«У меня есть своя компания. Ровесники. Я раньше считала, что люди обычно сходятся по интересам, а теперь убедилась: ничего общего у нас нет. Ходим целыми днями по городу, осмеиваем прохожих и друг друга. Сейчас не могу ни одного человека из нашей толпы назвать себе близким, хотя раньше ни о чем таком не задумывалась. «Прозрела» минувшим летом, когда познакомилась с парнями на 2-3 года старше себя. Было вроде все то же: бродили по городу. Но все вечера проходили в интереснейших спорах о жизни. По моей вине раздружились. Тяжело переживаю разрыв. Вернулась к своим, но теперь я еще больше одна. Когда кругом болото, оно затягивает и потом уже не выберешься. Что делать?»

Наташа, г. Пермь»

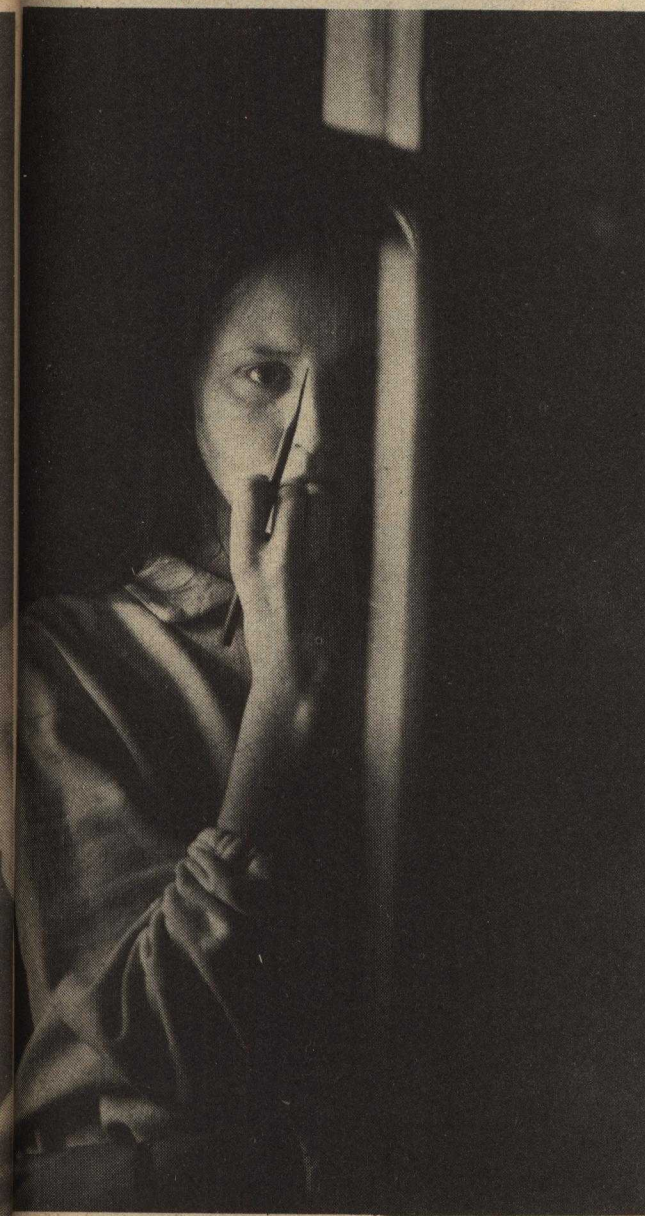
Похоже на психологическую несовместимость: Наташа не испытывает никакой радости от обязательных встреч. Такое бывает не только в уличной компании — и на работе, и в классе, и в студенческой группе. Могут совпадать увлечения, интеллект, интересы, но время, проведенное вместе, мучительно.

Наташе, скорее всего, несложно уйти из «толпы». Непонятно, что ее держит. Возможно, боязнь такого же состояния, в котором сейчас Сергей. Про то, что оно обязательно скоро пройдет, она ведь пока не знает.

Иное дело, когда «чужаки» — бригада или учебная группа. Впрочем, и оттуда можно уйти и унести свое превосходство или уничтожение — это зависит от самооценки, и только. А можно пытаться разрушить непонимание, если решишь,

Фото Сергея СКЛЕРОВА и Андрея КУДРЯВЦЕВА

что на это достанет сил. Но решить подобный вопрос тебе не поможет никто. Придется закрыть за собою дверь своей комнаты и попросить не входить. Или уйти куда-то подальше, чтобы никто из знакомых и незнакомых не помешал. Или просто отключиться от всех вокруг, чтобы один на один, не схитрив, не уходя от цели, обнаружить себя, наконец, в своем внутреннем, нечетком еще и непростроенном мире. За этим нам одиночество необходимо. И спасибо, что оно есть.

«Внешне все вроде бы в порядке. У меня хорошая мама, хорошие родные. Я их люблю, да и они меня тоже. Есть приятели, которые неожиданно появляются и еще быстрее исчезают. Есть подруга. Вроде бы настоящая. Нет, днем мне не скучно, всегда кто-нибудь рядом. Отчаянье одиночества наступает ночью. Чувствую себя, как раздавленная посреди дороги собака. А мимо мчится толпа безжалостных и слепых людей, наступая мне на руки, на грудь, на горло, крича и вопя о поисках понимания. Люди не знают друг друга, не слышат друг друга, не могут друг друга понять. А я ведь пытаюсь открыть им душу. Боже, неужели так будет всегда?»

Ирина Р., г. Норильск»

Это самый трудный случай. Все мы время от времени повторяем: «Чужая душа — потемки». И все-таки время от времени пытаемся объяснить себя кому-нибудь до самой последней мелочи. Злимся, когда ничего не выходит. Наконец, постигаем: нельзя до конца понять и объяснить даже себя. В каждом есть и всегда остается что-то неназванное, непередаваемое другим. И это — защитное свойство души от любых посягательств. Бессмысленно искать способ преодолеть его. Душевное одиночество человека в этом смысле ненарушаемо никем. И это не беда наша — счастье.

Отдельно надо сказать об одиночестве инвалидов. Жестокая тема, от беды не застрахован никто. И разговор поэтому будет тоже жестким: выход из одиночества в такой ситуации не только в том, чтобы принять свою судьбу сознательно, трезво. Но и в том, чтобы сознательно не выпадать из жизни, стараться объединить свои усилия с теми, кто может тебе помочь, кто рядом. Не отвергать помощи.

Итак...

Задание самому себе.

Тебе кажется, что ты одинок:

1. А не объяснил ли ты для себя одиночеством совершенно другие проблемы?
2. Если нет — определи, к какой ситуации, о которых мы только что говорили, ты сейчас ближе всего.
3. От кого больше зависишь в этой ситуации: от себя, от других?
4. Пытался ли изменить самостоятельно все то, что происходит с тобой, и почему пока ничего из этого не получилось?
5. Можно ли еще что-нибудь предпринять?

Если на последний вопрос нет положительного ответа — пиши. Будем думать вместе.

Андрей Антонович
МАКСИМОВ,

психолог-консультант
«Паруса»

II. Обратная сторона Земли *

Сашенька очень устал. Ему пять лет, и он, конечно, мог бы пройти путь втрое больше нашего. Но впечатления необычного дня съели его силенки так же жадно, как сам Сашенька час назад съел первую в своей жизни печеную на костре картофелину.

— Хочешь, я тебя понесу?

— Как это? — мальчишка даже останавливается.

— А вот так.

Я беру его на руки. Потяжелее моего Тишки будет. Саша молчит. Шагов через двадцать осваивается и вначале левой рукой, а потом обеими обнимает меня за шею. Смушается.

— Правильно, держись на всякий случай.

Вот именно, он держится, а не обнимается.

Когда из-за поворота показывается забор детдома, Сашенька, увидев его, вдруг говорит негромко:

— Тетя, ты — мама?

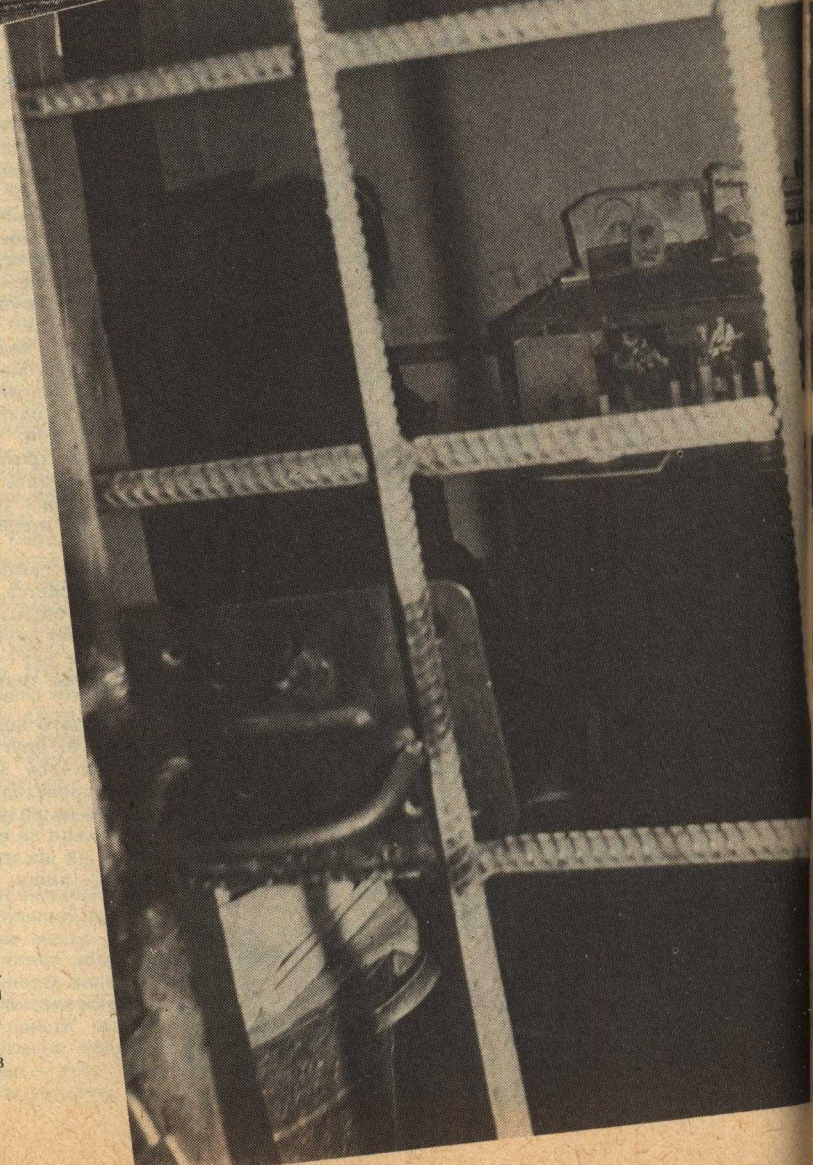
Смотрит куда-то влево, будто ничего и не спрашивал. Хочешь — отвечай, хочешь — нет. Ставлю его на дорогу:

— Смотри.

Поднимаю согнутые руки, будто держу ребенка.

— Дрожат, — говорит Саша.

— Потому что тяжело. Когда

* Продолжение. Начало — в № 9.

Журнальный вариант.

СУДЬБЫ НЕЧЕСТНЫЙ ВАРИАНТ МЫ ПЕРЕПИШЕМ

мама понесет, ей тяжело не будет.

— Она сильная?

— Она очень любит тебя. Каждая мама может нести своего сыночка хоть сто километров и не устанет. Понял?

Саша понял. На всякий случай спросил:

— А она меня тоже — понесет?..

Он стремительно отдалился от меня, чужой сын, сосредоточенно представляя, как это будет: мама понесет его на руках...

Зажав под мышкой бутылку «Саян» и пачку печенья — трофеи, сбереженные не для друзей, а, скорее, для врагов, как доказательство того, что все остальное «свидание», — прав-

Судьбы выпускниц Петриковского спецучилища сложились по-разному.

Бешеная Илона, отсидев два года за забором, в первую же неделю по выходе пошла с компанией шалых парней «брать» киоск прохладительных напитков. Были замечены патрулем. Спасаясь, Илона неловко прыгнула с забора, получила травму позвоночника. Год отлежала, спеленутая гипсом, потом встала и... вышла замуж за молодого сержанта милиции. Он гнал ее той роковой ночью. А потом по предписанию начальства ходил навещать в больницу. Когда пришел в первый раз в незастегнутом халате, накинутом на плечи, как бурка гордого кавказца, Ила наплевала ему на мундир. Стал застегиваться. Потом пришел без формы и не по предписанию. Оказалось, они росли в соседних кварталах и он одно время кентовался в дружественной «команде». Потом поступил в техникум и по рекомендации военрука, углядевшего в нем «крепкого парня», перешел в школу милиции. Сейчас у них с Илоной Алешка и Анечка. Живут в общежитии в отдельной комнате. Все хорошо.

Зина, впечатлительная, трогательная Зина, писавшая стихи о маме (та раздала пятерых малышей по детдомам, спилась, не дождавшись мужа из заключения). Через год после освобождения Зина, как говорили в Петрикове, «родила себе девочку», стала матерью-одиночкой. От мамы ей осталась однокомнатная квартира. Одна Зина подняла малышку до года. Потом... сдала квартиру по договору, дочку — в дом малытки и уехала на Север. Больше ничего о ней неизвестно.

Алла, «положительный лидер» подростковой зоны, «человек, который умеет делать себя сам». Поступила в техникум, влюбилась в женатого сокурсника. Он обещал развестись с женой и стать ее мужем по всем правилам. Когда узнал ситуацию

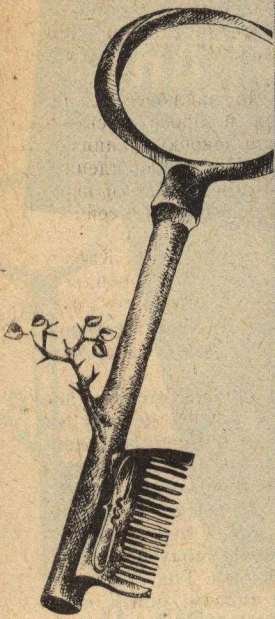

да, Саша поднимается по лестнице в групповую. Вдруг поворачивается и говорит негромко:

— Не уходи!

Я улыбаюсь ему, делаю ручкой и поспешно выскакиваю за дверь, успев услышать подбадривание воспитательницы:

— Ничего!

в подробностях, передумал. Алла сохранила ребенка, пришлось брать «академку». Намыкалась в большом городе — без жилья, без работы, с двадцатью рублями алиментов. Ее, отчаявшуюся, измотанную, высмотрел двадцативосьмилетний «дядя», сосед женщины, сдавшей угол в долг. Пришел с букетом роз:

— Знаешь, я мечтал о такой — самопожертвованной, доброй, терпеливой. Выходи за меня!

Алла всплакнула от растерянности, побежала ставить чай и, пока ее жених играл с малышом, уснула на кухне. Ждут прибавления в семье. Очень счастливы.

Таня. Тихая, классическая случайная в Петрикове, спокойная, добрая. Зина писала, что Танька замужем, нянчит двоих детей. Позже написала Алла, что Таня будто бы родила третьего ребенка и овдовела.

Таню я разыскала в женской исправительно-трудовой колонии общего режима. Оказалось, она вначале овдовела (убила мужа), была осуждена и уже здесь, в зоне, родила свою Катеньку...

ЗОНА

Шлюз в зону — это такая электронно-дверная система, которая открывает перед тобой каждую новую дверь не раньше, чем закроется предыдущая. Ты можешь либо последовательно входить, либо выходить. Стоять и выбирать — войти или выйти, держать открытыми сразу две двери нельзя.

За последней калиткой «шлюзовое» напряжение спадает (и электрическое тоже) — зона это просто двор с надворными постройками. Швейная фабрика, укатанные аллейки с неременной наглядной агитацией по боккам. За фабрикой высоченные редуты стриженного можжевельника выставлены перед двухэтажным розовым особнячком — штаб учреждения. Женщины — одни в форме советских офицеров, другие — в черном. «Черных» больше. Встречаются офицеры в модных узорчатых колготках, на элегантных шпильках. У лейтенанта-Леночки дважды продырявлена левая мочка — под серебряное сердце и золотой цветок. Хочется верить, что нарушение военной формы, — это следствие нарушения извечного антагонизма «черных» и «наших».

Таня моя на работе до шестнадцати ноль-ноль. Есть еще время познакомиться с теперешней ее средой обитания. Путь «по солннышку» — со штаба.

Начальствует в нем и во всей зоне майор внутренней службы, сдержанный, интеллигентного вида мужчина с только-только тронутыми сединами висками. Назначен три года назад, когда после некоторых «беспокойств контингента» старого начальника пришлось срочно отсюда повысить. На «раскрутный» вопрос: «Что бы вы хотели изменить в своей работе?» майор Петр Александрович начинает было

о хозяйственных проблемах — зона образовалась в первые послевоенные годы на базе лагеря для военнопленных, и этот «базис» незыблем по сей день со своей полной бытовой непригодностью к исполнению функций исправительного учреждения для женщин: на трех гектарах до двух тысяч «контингента!» Потом машет рукой — ай, это не главное! До этого назначения Петр Александрович был заместителем председателя облисполкома и много имел хлопот с «готовым» продуктом зоны, освобожденными.

— Вся система общественного устройства нуждается в изменении!

Замполит, майор внутренней службы милостивая Ирина Владимировна, конкретнее в своих притязаниях на изменение зоны. Недавняя амнистия, скажем. С одной стороны — сокращение контингента почти вчетверо. С другой — сокращение режимников пропорционально контингенту! Освобождены сотни осужденных, уволены десятки контролеров (по-старому «надзирателей»). А над оставшимися-то сотнями надзор нужен! Денно и ночью. Он вынужденно ложится на начальников отрядов. Начальник — первый воспитатель. Сейчас он вместо работы с людьми занимается контролем (слежкой, попросту говоря).

На сегодняшний день в зоне несколько отрядов, по 80—100 женщин в каждом. Именно женщин! Слова «преступница», «осужденная» тут не употребляются. Женщины не изменяют своей природе даже здесь. Мужчины, подчиняясь неведомым инстинктам государственного строительства, как муравьи в муравейнике, устанавливают в зонах общие для всех правила разобщенности, строят жесткую иерархию, расставляя, согласно ей, контингент. Властвуют. Слабый пол подчиняется природе на своем уровне. Однополюе «семьи» — вот и вся иерархия. Сгустки «контингента», где одни совершенно добровольно обступают других... На производстве ничей труд не эксплуатируется, на вторую смену никто никого не гоняет. Хотя бы потому, что в этой зоне — односменка. Ни тебе вора в законе, ни беспредела.

Словом, ничего такого, на чем журналист может сорвать привилегии «тюремные» лавры.

В ЛОКАЛЕ

Не все осужденные в рабочее время работают. Некоторые греются на крылечках, иные спят. Это не элита, не главворихи,

не паханши. Старухи. Преступницы, дряхлые плотью. «Матриарху» зоны — семьдесят один. Олехнович Мария Ивановна. Сорок лет назад осталась вдовой с двумя пацанами. Нашелся им батька, поднял на ноги. Со старел, на пенсию запросился у жены. Не советовала она ему. Вышел все же. Мария Ивановна убила его, убыточного. Обыкновенная тетка. А подойти, поговорить — страшно. В зоне ей неплохо. Доживет, похоронят на казенный счет, все сыновьям экономия: и в деньгах, и в хлопотах. Любит она их.

Есть еще Скорцова, божий одуванчик. Не сиделось в заслуженном отдыхе, в антиалкогольную эпоху потянуло водкой спекулировать. Получила два года — и айда в зону, перевоспитываться. Работает, трудоспособна. Часто плачет.

В соседнем локале живут «первусудки», совсем молодые девушки, как правило. Есть «малолетки», после спецучилищ и спецшкол, едва-едва по восемнадцати. Есть — случайные. У «малолеток» — татуировка, например, «УЖ» на каком-нибудь видном месте. Это не аббревиатура «учреждения», а: «Устала ждать, устала жить». «КЛЕН» — «Клянусь любить его навеки». У многих от локтя до запястья руки «перешнурованы» шрамами. Истеричные, неврастеничные, вспыльчивые, заполошные. Чуть что — вскрывают вены, загоняют в свою истомленную плоть иголки, вводят под кожу молоко, провоцируя дикие абсцессы.

Инга, пырнула ножом отца. Замуж ни за что не выйдет.

Юля, воспитывалась в детдоме, помнит, как ей, пятилетней, ставила мама-Жанна горячий утюг на ручку («Чтоб не лезла, саранча»). А девочка хотела попробовать гладить). Юля взяла в магазине сумочку, машинально. В детдоме они все друг у друга запросто брали.

Катя, в конце медового месяца поняла, что ее муж — наркоман. Началась ломка, у знакомого врача просто вырвала из глотки десять ампул. Посадили всех троих — мужа, врача, Катю...

— Что бы вы здесь изменили? «Первусудки» орут разом:

— Радио чтоб всю ночь говорило!

— Чтоб эти суки-рецидивистки не лезли!

— Больше писем!

— Чаше свидания!

— Чтоб войны какой-нибудь части нам написали!

— Чтоб всякие конкурсы, соревнования. Чтобы было нескудно!

Выкрикнулись. Раздышались. Подумали полминуты:

— Чтобы нас здесь не было...

В ДОМЕ РЕБЕНКА

В этой зоне есть дом ребенка. Вообще в системе ИТУ более 20 таких домов*. Оптимальной считается численность до 150 детей. В самом большом заведении, где-то под Можайском, около 250 малышей, а в данной зоне не наберется и 25. 80 процентов матерей — алкоголички; 70 — не замужем; 72 — не образованы до среднего уровня; 10 — осуждены за убийство; 30 — за грабеж; 98 процентов матерей курят, ведут нездоровый образ жизни и, как следствие, 95 процентов их потомства рождается с нервно-психическими отклонениями в развитии. Благодаря усилиям медперсонала дома ребенка, хорошему уходу и квалифицированной врачебной помощи к двум годам почти все детки выравниваются в развитии.

Главная воспитательная задача совместного содержания осужденных матерей и детей — формирование нормального материнского чувства, пробуждение лучших сторон характера — доброты, заботливости, терпимости.

Ребенок любит мать от природы. Многих «тюремщиц» никогда никто не любил.

Как правило, на первых порах осужденных рожениц в их новом положении привлекает отнюдь не общение с младенцем. Перерывы в работе для кормления (молоко в здешних условиях обычно иссякает к исходу месяца); дополнительное питание (которое, бывает, обменивается на курево, «колеса» или благосклонность «кавалеров»), час прогулки на детской площадке — все это очень существенно разнообразит жизнь в зоне. А потом, в один прекрасный день, маленькое существо, обеспечивающее «лафу», ощеривает первый зубик, потом встает, делает первые шаги и однажды говорит своей посетительнице: «Мама!» И с женщиной может произойти чудо.

Ира, избила своего сына еще за месяц до рождения — животом о стенку, — выражала свое несогласие с каким-то замечанием начальства. Не отказалась

от младенца из страха перед другими осужденными, таких штук зона не прощает. Освободилась, устроилась няней в детский сад. Пишет, что когда сын пойдет в школу, переведется туда техничкой.

Наталья, до заключения, на воле, родила и бросила сына. В зоне родила девочку, привязалась к ней. По освобождении разыскала в доме малютки первенца и воспитывает сейчас двоих.

Бывает и по-другому. В Жанне были уверены — очевидно: исправилась, «встала на путь исправления». Замполит колонии и начальница отряда накупили обоев, краски, в пригородном колхозе отремонтировали за два своих выходных комнату. Жанну принесли на работу в контору, маленького Славика взяли в ясли. Через неделю Жанна свернула с «пути исправления» на шоссе и... стала «плечевой», автобродягой, подружкой шоферни на дальних рейсах. Через двое суток позвонили из колхозных ясель:

— Забирайте вашего ребенка!

Куда? В тюрьму?

Случается, общая нервозность зоны, эмоции взхлест служат матерям дурную службу. Вчера Кира сказала Людмиле:

— Смотри, мой Жека какой красавчик, не то что твой крокодил!

Разнимали их всем миром. У обеих синяки, выдранные патлы, кровь носом. И все это на глазах малышей.

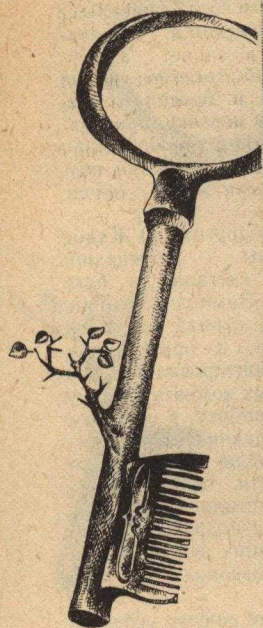
Что изменил бы здесь, в яслях за колючей проволокой, майор медицинской службы Александр Михайлович, один на всю здешнюю молодь «папа Саша»?

— Во-первых, добавил бы время свидания.

Действительно, на все «формирования» и «пробуждения» — час в сутки. Восемь часов работы, учеба в школе или училище, самовоспитание, политико-воспитательные мероприятия — политинформации, беседы, вечера вопросов-ответов, встречи с администрацией, шефами, с интересными людьми, с воинами-интернационалистами, с девочками, стоящими на учете в милиции, концерты, КВНы. Час — на материнство.

— Во-вторых, разжаловал бы себя. Не в рядовые, а вообще — в гражданские. По роду деятельности я — Нянька с большой буквы. По чину — офицер, военный. Прикажут — должен взять под козырек. Последние три года мне приказывают только то, на чем настаиваю. Вот, строимся, расширяемся. Но...

* Соблюдая профессиональную тайну, ни один мой собеседник так и не назвал ни одной точной цифры. Поэтому приходится всюду оговариваться: «приблизительно», «примерно», «около».

Три года назад, после бунта, когда порядок пришлось наводить «черемушкой», старая администрация была смещена, и зона вздохнула свободнее. Пришли новые, гуманные, интеллигентные начальники. Но законы, по которым правит свои должности начальство, остались прежними. Никто не гарантирует Няне Саше, что прошлое не повторится. А бывало всякое. Как-то зимой лопнуло отопление. Сперва починили в штабе, у старших по чину, потом на производстве, для плана. В грудничковой спальне в течение суток температура воздуха была $+3^{\circ}\text{C}$. Дети простуживались, умирали. Их матери и папа Саша сиротели.

В СТОЛОВОЙ

Тюремный обед съесть невозможно. Много. И вкусно. Фруктов и сладостей в рационе, считай, не бывает, но и без них, как выясняется, можно жить. Поварихи — осужденные, две из них на воле были шефами в классных ресторанах, остальные просто любили стряпать. По предписанию санчасти каждый день на всех хворых «выготавливаются» диетические блюда. Везде чисто, на столах стаканчики с «листками», белыми матерчатыми лоскутками, отходами фабричного кроя, — салфетки.

— Слушайте, что же там творится на воле?! — спрашивают поварихи. Они, чувствуется, посмелее других, здешняя «элита». Еще бы, работают по профессии, берут реванш у общепита. —

В газетах читаешь, страшно: преступность растет, порошка стирального нет, инфляция!

Воля им представляется отсюда под тем же углом зрения, что нам представлялась, скажем, Америка в «догласные» времена.

— Выходить страшно, честное слово! — и смеются сами над собой. Хороша «залепуха», из зоны на волю — выходить страшно!

— Знаете, мы все, конечно, очень ждем амнистии, — абсолютная тишина. Шефино слушают с почтением. — Но у нас есть дети, мужа. Как подумаешь, что вечером дочку твою какая-нибудь воровская рожа напугает... Страшно.

— А вы за что здесь?

Не опуская глаз, с достоинством:

— Сто сорок третья.

Досадуя, что приходится разъяснять:

— Разбой.

И, дрогнув слегка:

— По пьянке...

После вздоха и трудной паузы продолжает:

— Страшно за своих... Знаете, это, выходит, правильно, что мы — здесь, а вы — там. Лучше спокойно сидеть, чем за своих волноваться, что обидит всякая шваль...

Поварихи в белых колпаках, посудомойки в фартуках, дежурные — все кивают, хлопают носами. Утирают слезы кто чем. Женщины, милые, никакая вы не шваль. Странные, нетюремные

разговоры. Плоды неумелой гласности? Новый тип уголовно-гражданского мышления? Пробуждение сознания? Или извечное женское — ради детей на все? Что происходит? Зона боится воли? Зона боится за волю? — Что бы вы переделали в своем хозяйстве?

Шефиня неспешно оглядывает столы с подвешенными скамьями, кухонную белизну.

— Я бы урезала пайку хлеба.

Как! Зонная пайка — святая святых! Вожденная горбушка, символ выживания!

А с другой стороны? Дневная хлебная пайка — 650 граммов на человека. Бог знает, когда ее установили, после войны. Тогда это была пища в ая норма, то есть, все пропитание заключенной на сутки. С тех пор понемногу рацион богател: крупы, жиры, мясо, овощи. Всего прибывало, хлеба не уменьшалось. И получилось, что при теперешнем питании человек, хоть бы и зек, больше ста граммов не осилит.

Каждый день колония выщипывает в отходы горы хлеба. Ненадкусанные краюхи.

— Смотреть стыдно, — говорит шеф-повар, разбойница-рецидивистка. — Народное добро пропадает.

В ШИЗО

— Граждане начальники! Я вам честно говорю — удавлю эту суку. Гадина, дрянь, паскуда! Слышите? Как она смеет меня так называть? Я ей ничего не сделала. Сижу, алгебру учу, а она!..

Слетни, слухи, «испорченный телефон» — бич зоны. Сделать что-то плохое, проступок, здесь не просто — надзор. И слово приобретает мощь и силу дела. Часто плохое слово приравнивается к проступку и, практически всегда, провоцирует «бучу». Кто-то кому-то о ком-то что-то сказал, и понеслось: ссора, драка, рапорт, ШИЗО.

— ШИЗО — это камера с туалетом, — объясняет мне Ирина Владимировна. Звучит все равно как «номер-люкс с санузлом».

Легендарную парашу, вонючий бачок, за право не выносить который столетиями боролось друг с другом заключенные, заменили стандартным «очком». Свежего воздуха от этого, правда, не прибавляется, но моральная обстановка спокойнее. В каждой камере на нужды женской гигиены горкой навалены «листочки», те, что в столовой идут на салфетки. Подташнивает.

Оля и Надя сидят в штрафном изоляторе за драки. Оля ни за что ни про что обозвала

одну цыганку «чавелой». Та смолчала, сглотнула, пошла к начальнику отряда. Оле сделали замечание, а она к тому моменту про грязную свою брань забыла, вспыхнула и отвалила «чавеле» за клевету и за фискальство. Восемь суток. Надя, одна из лучших зонных «мужчин», приревновала свою симпатию, избила ее, а потом, мучаясь раскаянием, исполосовала осколком стекла руку. Живого места нет. Если Наде вовремя не попадается стекло, она разгрызает себя до вен.

— Как же вы себя не жалеете, Надя? — Ей ведь всего двадцать пять лет.

— Душа болит!

Ира выживает в ШИЗО аттестат зрелости. За ней заметили: как конец четверти в школе, она в один прекрасный момент подходит к начальнице и внятно, подробно ее материт. Садится в ШИЗО с учебниками, зубрит сугки напролет. Тихо, хорошо. По новым законам общая пайка, а не как раньше — хлеб и вода. Сиди, учись, овладевай знаниями на всем готовом. Отдыхай от бешеного «напряга» зоны.

А тут напасть, в соседнюю камеру заперли эту «паску-уду». Что ей чужая алгебра.

— Слышали, граждане начальники?! «Ученая крыса!» Я — человек, а не ученая крыса! Я ее убью!

Ира рыдает. Надю переводят в пустую камеру в дальний конец коридора. Над дверью с глазком загорается сигнальная лампочка. К самой двери приварена наискось запаянная со всех концов труба. В верхней ее части небольшое отверстие.

— Это для ключей, — поясняет молодой лейтенант-режимник, хозяин ШИЗО... — Если она (Ира, Надя, Оля) рванет и выскочит в коридор, по инструкции связку ключей надо успеть бросить в трубу, чтобы осужденная не открыла другие камеры.

Ира с Надей ненавидят друг друга. Они уважают Ирину Владимировну и начальницу своего отряда. Доверяют им. Но, случись шанс рвануть, выскочить в коридор и выдрать ключи у лейтенанта — держись, начальство! — Ира с Надей будут вместе.

В БОЛЬНИЦЕ

— Мне с вами надо поговорить как с коллегой! — больная даже приветствует с койки.

— Минутку! — строго говорит майор медслужбы, закрывает дверь палаты и сообщает шепотом: — Зотова. Седьмая судимость. Здешний старожил. Очень прошу — лояльно, ласково. Не-

адекватна.

— Я вижу, вы меня поймете! Последний раз на воле я сменила фамилию на девичью. Я — Малькова. Но здесь как была для всех, так и есть — Зотова. Зотова! Травят, как зверя! Я в зоне 20 лет. Меня лишили магазина за то, что начальнице отряда сказала: «Говорите мне «вы», а не «ты»! Я не Зотова, а Малькова.

— А по имени-отчеству?

— Что? Виктория Викторовна.

— Виктория Викторовна, что-нибудь изменилось здесь на вашем веку?

— Что вы! Очень изменилось. Здесь люди появились. Люди! Замнач по режиму. По ре-жи-му! Боже, святой человек. Человек! У меня «воровайки» лифчик затырили. Лифчик! Я дала тут жару, конечно. Конечно! Он мне говорит: я вас на беседу приглашаю. Приглашаю! И поговорил со мной. Со мной! Понимаете?!

В общем, бунтарка Виктория Викторовна считает, что в зоне изменения к лучшему.

— К лучшему! Но жизнь-то моя прошла. Прошла...

В личном деле Мальковой значилось, что в 18 лет она вышла замуж и «была истязаемая мужем, впоследствии осужденным за истязания, что первый свой срок она получила за то, что купила у участковой врачихи за «четвертак» бюллетень на три дня. Накануне гульнули у подруги на дне рождения, утром опаздывала, решила не идти на работу. Прогул. Боялась, что дойдет до матери, та у нее была строга. Одолжила двадцатьпятьку и пошла в поликлинику. Не знала еще, что не только мама — время тогда было строгое.

— Я все описала, что здесь творится. Творится! Выйду, напечатая, добыю правды. Правды! Повесть называется «Парники зла». Зла! Понимаете?!

Понимаю все, кроме одного. Почему Виктория Викторовна в этой больнице, а не в другой?

— Что ж вы думаете, у нас этих больниц, как грибов? — вздыхает майор Владимир Николаевич, кумир и молитва зоны. — Наша базовая, психиатрическая, женская — в Сибири. Туда через всю страну везти под конвоем Малькову? Мы ее освидетельствовали, неизлечима. Дело к старости. Женщине нужен покой.

А что нужно главврачу, что изменил бы он в своей работе? — Первое, — чеканит он по-военному. — Вывести медперсонал «на гражданку». Врач не

должен выполнять приказы не-врача. Второе — снять запрет на хранение заключенными некоторых медикаментов. Боямся наркомании и запрещаем сердечникам иметь валидол! Третье — снять запрет на пересылку в зону медикаментов. Бывает, у нас в санчасти каких-то лекарств нет. Почему муж или мама не могут помочь больной, хотя бы под контролем медчасти? Четвертое...

Дикий, рвущий нервы вопль прервал монолог майора медслужбы.

— Доктор, доктор! — кликали коридорами.

Владимир Николаевич бежал на крики, полы халата болтались, как флаги капитуляции.

Посиневшая женщина, вцепившись себе в седые волосы, билась крупной дрожью в «театральном» стуле с откидным сиденьем.

— Ну что с тобой, что, моя девочка? — тревожно спрашивал главврач, продлевая стремительные манипуляции, — пульс, глазные склеры, лимфоузлы под подбородком.

— Влаимер Калаевич, мне надо кричать! — выстучала зубами припадочная, перецепив сведенные пальцы со своих косм на левое докторово запястье. Закричала снова.

— Не надо, моя девочка, не надо! — Владимир Николаевич легко поднял ее, не на руки, а так, как она сидела, в группировке, и понес этот комок в процедурную, делать успокоительный укол. Здесь такое бывает.

НА ФАБРИКЕ

Типовое пошивочное производство.

Два специфических момента: злостное нарушение формы одежды и высокоинтенсивный труд рецидивистки.

Нигде, ни на одной фабрике, ни в одном женском коллективе вы не встретите такого числа ухоженных женщин, как в этой колонии. Они, заключенные, ненавидят косынки, приспускают, снимают, иногда рвут их в ключья, за что бывают наказаны. Под косынки приходится прятать прически — неформенную примету облика, лазейку индивидуальности.

«Первосудки» — работницы аховые. Им кажется, что фабрика пашет «на дядю». (На самом деле, не «на дядю», а на казну, куда идет 94% заработной платы). Отлынивают любимыми путями, все бы им уединиться да мечтать — о досрочном освобождении.

Рецидивистки работают, как

звери. Без понуканий и воодушевляющих призывов. По 140 % дают даже те, чьи сроки и статьи не подлежат амнистии и не дают надежды на «условно-досрочное».

Рецидивистки знают, как выжить в зоне — не свихнуться, не иссохнуть, не истрадаться, не сдохнуть. Надо урбатывать. До усталости, до изнеможения, до тупости, до спокойствия. Слишком много всего готового: от жрачки до светлого будущего. Все предусмотрено, подсмотрено, предопределено. Движение в заданном направлении. Шлюз. Слишком мало самореализации — от природной женской физиологии, неостребованного темперамента до навыков обычного бытового общения между людьми. Работа по хорошо освоенной специальности — единственный поплавок, за который можно уцепиться на воле. Ко всему остальному «тюремные сидельцы» по выходе оказываются совершенно неприспособленными. Развращенные зонной обеспеченностью, полной подконтрольностью, несамостоятельностью, они не в состоянии выдерживать темпа, напряжения и проблемности вольной жизни. И они — срываются. Ведь даже единственный поплавок — работу — им очень и очень не просто получить.

ТАНЯ

Вот и кончилось «солнышко» теперешней Таниной жизни: штаб — локал — дом ребенка — столовая — ШИЗО — больница — фабрика — магазин — клуб — штаб. Здесь у нас встреча.

Входит. Ни вдоха, ни улыбки.

— Здравствуйте.

Маленькая. Аккуратная. Петриковская «пигалица».

Вся ее спецучилищная история шесть лет назад уложились в два предложения: школу прогуливала. Очень боялась Изольды Даниловны, математики...

Сейчас дело серьезнее:

— После Петрикова вышла замуж за бывшего зека. Отсидел за глупость по молодости. Пожалела. Родился Саша. Муж запил. Родился Алеша. Мужа выгнала. Трезвый обходил по другой стороне улицы. Пьяный приходил скандалить, бил. Пока меня бил, терпела. А тогда пришел, Саша подбежал обнять, он его ударил. Потом меня. Много раз. Не помню. Саша плакал, и Алеша. И я — ножом, четыре раза. Он вышел на лестницу, стал спускаться. Я очень

испугалась. Что не умрет, будет снова приходиться.

Ее судили. Дали шесть лет с отсрочкой, пока четырехмесячный Лешеньке не исполнится год. Полусумасшедшую, не очухавшуюся, ее встретил на прогулке в парке Юрий — и не смог отойти. Два часа катал коляску. Вечером пришел с цветами. Они верили, что ее оставят с детьми, не посадят. Они очень любили друг друга и детей. В зону Таню привезли с трехмесячной беременностью. Об этом знал только Юрий. Сашу отдали в детдом. Алешу в дом малютки. Шестидесятилетней Таниной матери, пытавшейся оформить опеку, сказали в ороно:

— Вы уже в возрасте. В любой момент умрете, а нам потом воевать. Лучше уж сразу...

Юрий писал несколько раз. Таня не ответила. Зачем? Все равно не дожидется, он из хорошей семьи, «отец — офицер, мать — солидная женщина, порядочная, она не допустит». Да и сам по себе. Шесть лет — не для мужской любви испытание.

У Тани ни одного замечания, ни в чем плохом не замечена. На работе шьет наволочки. Если сидит на «закрепках» — 750 в смену — не справляется; если гонит «второй шов» — 650 — успевает, дает норму.

Катенька растет здоровой. Таня записала ее на фамилию первого мужа — чтоб «не вносить разнороб в детей». Недавно научилась ходить. Обидно, увидит белый халат — бежит, ручки тянет. Страшно, еще полгода, и ее заберут в дом малютки на волю. Если подоспеет новое законодательство — заберут через полтора года в детдом. Таня здесь совсем разучилась за детьми ходить, руки как чужие.

— Выйду, соберу их и, боюсь, накормить не смогу, супа не сварю.

Танина мама очень сдала. Письма пишет нетвердым почерком. (Может, даже запила? Весь день в доме малютки, по выходным на электричке — в детдом. Вечерами — одна).

— Только бы она не умерла, — говорит Таня. — Осужденных прописки лишают. Выйду, где буду жить с малышами, если мамы не станет?..

Потом говорит:

— Все меня спрашивают: «Не жалко тебе его?» Он в куртке был, в пиджаке и рубашке. Рубашку я ему подарила. И мне ее жалко. Тряпку. А его — нет,нисколько. Если б сказали — иди, не досиживай свои четыре

года, живи с ним — я б осталась, не пошла.

Всем старым петриковчанкам был задан один и тот же вопрос:

«Что значат в вашей судьбе те два года за забором спецучилища?»

Бешеная Ила, милиционерова жена, ответила:

— Фи, болезнь роста, грех молодости. Прожил да забыл.

Зина, дважды сирота, брошенная матерью, бросившая дочку:

— Золотое время. На всем готовом, без проблем.

Алла, человек, который умеет делать себя сам:

— Все зависит от человека и в тюрьме, и на воле.

А что скажешь о Петрикове, двадцатидвухлетняя Таня, давшая планете три новых человеческих жизни и одну жизнь — загубившая?

— Будь он проклят, — тихо отвечает Таня. — Помните Каратистку?

Вот оно что! Только теперь становится понятной позиция судьи, вкватившего Тани ст. 101 УК БССР. Умышленное убийство. А не ст. 102, скажем, — умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (хотя любой врач поставил бы кормящей матери диагноз «лактационный психоз» — неустойчивое послеродовое состояние психики). И не ст. 103 — убийство при превышении необходимой обороны, хотя от матери, защищавшей своих младенцев от пьяного гада, логично ожидать оборону любой ценой.

И по выбранной статье, по 101-й, судья мог выбирать «от трех до десяти лет», стало быть, мог дать до пяти с половиной — с надеждой на амнистию или на досрочно-условное освобождение. Он же вкватил шесть — без малейшего шанса на сокращение срока!

И все из-за старой знакомой по Петрикову, из-за Каратистки. Эта душевнобольная девочка время от времени испытывала острейшую потребность показать малознакомому человеку, как пьяный случайный кавалер убил ее беспутную мать. Ребром ладони стучала себе над левой ключицей и поясняла:

— Тут! Тут! Вот тут! Четыре раза — раз, два, три, четыре. Если надо кого-то убить, только тут. Так-так-так!

И показывала на чьей-нибудь щеке четыре отточенных «бесконтактных» удара. За это ее и звали «Каратисткой».

Эти четыре удара несчастью

девочки всякому ранили воображение, западали куда-то в глухие закоулки памяти. Затаивались. Из кого еще они выскочат при случае?

Танин судья не мог не видеть рассчитанности, выверенности ножевых ударов. Перед ним была не случайная истерическая, внезапная трагедия. Было убийство умышленное, заранее продуманное, а может, и натренированное!

Скорая половая связь убийцы с новым мужчиной могла только подтвердить правоту судьи в его собственных глазах...

Петриков. Судьбина горькая Таниных мал мала меньше. Вот как ты выстреливаешь своим «криминогенным опытом». Вот как ты наказываешь общество за то, что оно мирится с твоим существованием.

— Что можно сделать для тебя, Таня?

— Повидайтесь с Сашенькой...

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ

Всю дорогу от женской исправительной колонии до Сашиного детского дома — это километров четыреста — пытаюсь понять, осмыслить, привести в порядок впечатления от зоны.

Женская зона. Потрясающее сообщество. Няньки в погонах. Офицеры, жаждущие разжалоования в гражданские. Уроки алгебры в каземате. Дефицитное мыло в свободной продаже для заключенных. Вышвырнутая в помой ненадкусанная арестантская пайка. Детская площадка за колючей проволокой. Причесанные работницы, уставшие надзирательницы. Однополые семьи, ревность, дуэли, споротые белые руки. Замечательные, гуманные, интеллигентные люди, поставленные выполнять карательные, слепые, «давивые» функции системы. Первичность надзора, контроля, слежки. Вторичность человеческого чувств.

Как теперь, повидав все это, понимать СВОБОДУ? Что это значит в нашем мире — быть **НЕСВОБОДНЫМ**?

Когда в нашем доме прорвало отопление и температура в комнате упала до 13 °С, я не пошла на работу, заснула пятимесячного сына себе под рубашку и согрела его своим теплом.

Пять лет назад в грудничковой палате тюремного дома ребенка стыли младенцы. Матери ходили на работу, строились на плацу в двадцати метрах от своих гибнущих детей и не могли

ли согреть их собой, спасти. Не были свободны для этого.

Когда-то в больнице моей маме срочно нужна была дефицитная сыворотка крови IV группы плюс-резус-фактора. Отец поднял на ноги полгорода и привел в приемный покой доноров с подходящей кровью. Спас.

Тех, кто болеет в тюремной больнице туберкулезом, раком, шизофренией, язвой, чем угодно, родные спасти не могут, люди с воли оказываются для этого несвободными, как и их заключенные родные.

Свобода — это в нашем мире, оказывается, всего лишь возможность давать и получать помощь. Спасать и быть спасенным!

А если так, то общество страдает (пусть бессознательно) по каждому своему заключенному, как и заключенный страдает по обществу. Забор, «полоса», шлюз — точно так же отделяют людей от воли, как и волю — от людей. И зона, и воля — обе за забором.

Сегодняшняя система исправительно-трудового учреждения не различает, кто перед ней: женщина или мужчина. Скажем, и для мужских, и для женских зон допускается одинаковый процент «хозобслуги» — восемь. Восемь из ста зеков работают в прачечной, столовой, больнице и — в доме ребенка у женщин. Ни полпроцента «живой силы» для этого заведения не учтено. Дети у зеков? Не предусмотрено. Система не различает, кто перед ней: осужденный или его надсмотрщик. Если случится начальнице отряда забеременеть и уйти в декрет, на ее место невозможно взять временную «единицу». Отряд расформировывают, добавляют «контингента» другим начальникам. Случай материнства офицера внутренней службы системой никогда не рассматривался, не предполагался. Начальница — мать? Не предусмотрено.

Системой не предусмотрено ничего, кроме подчинения подчиненных и начальствования начальников. Это система функций, а не отношений. И останется таковой, какие бы хорошие, славные, прогрессивные винтики ни составляли ее механизму.

Наказание должно, по идее, запретить человеку быть преступником. Мы же запрещаем людям быть людьми. Отказываем даже в элементарных природных правах. На Кубе, скажем, каждая осужденная женщина может раз в месяц получать

трое суток свидания с любимым человеком. Наши женщины получают раз в полгода свидание с «официально зарегистрированным мужем». Во многих развитых странах давно отказались от домов ребенка при женских тюрьмах. Вернее, там от казались от женских тюрем вообще! Преступниц высылают на поселение «куда-нибудь в тьмутаракань», километров за двести от Лондона или Брюсселя. Мы, «шестая часть земли с названием кратким Русь», не можем найти подходящей тьмутаракани, где женщины, преступившие закон, могли бы жить со своими детьми, растить их, «формируя чувство материнства».

Зона. Это не выгребная яма, не сточная канава, не помойка воли. В чем-то на нынешней женской зоне лучше, чем на воле. В чем-то хуже. Чем-то зеки пугают нас, чем-то мы зеков. Это только на первый взгляд в зоне все вверх тормашками, навыверт, наоборот. А присмотреться — они не выбирают. Подчиняются нам. Они — наше продолжение. Зона — одна из сторон нашего общества. Любая выборка граждан, хоть зона, хоть Верховный Совет, несет на себе все пороки и достоинства социального уложения — закон общественного развития. Не стоит его забывать.

Сашеньке я не родня. Дают мне его погулять с неохотой, под залог (паспорт). Предупреждают, что «о маме он ничего не знает, в командировке она, и все».

Мы идем минут двадцать до леса. Выбираем место, срезаем дерн. Когда в костре созревает пригоршня углей, из кошелки извлекаются картошка, сало.

Почему никогда невозможно вот так взять все и бросить ради своего сына? Чтоб с ним уйти в лес, посидеть у костра?..

— Это откуда? — Саша впервые, кажется, держит в руках сырую картофелину.

— Мама тебе прислала. Из командировки.

— С тюрьмы? — изумляется мальчик. И, видя полное мое поражение, «помогает» прийти в себя:

— Я ж знаю. Она папу ножом била. Я ж видел.

И Саша стучит ребром ладошки по шее ниже ключицы!..

Будь ты проклят, Петриков!

(Окончание следует)

Светлана САВРАСОВА
Фото Константина
АРТЕМЕНКО

Как ни горько это сознавать, но мы отстали. У нас невысокий уровень жизни. Дopotопная техника. Плохо лечащая медицина. Неспособное накормить народ сельское хозяйство.

Как догнать резко рванувший вперед мир? Да, в общем-то, секрет прост: работать так же, как принято во всех развитых странах. Но в то-то и дело, что так работать не только не на чем, но и некому — не хватает квалифицированных специалистов. И что самое печальное — не рвется наша юная смена получать эту высокую квалификацию.

Понятно, не в лени дело — что, с кувалдой управлять легче, чем с ЭВМ? Общество потеряло вкус к знаниям. Есть такой международный «коэффициент интеллектуализации молодежи», суть которого — в стремлении молодых к образованию. Не так давно профессор А. Коновалов привел в «Комсомольской правде» такие цифры: в пятидесятые годы мы по этому стремлению занимали 3-е место в мире, сейчас — 42-е.

Кто виноват? Обычно кивают на «костаточный принцип» — мол, деньги на образование выделялись из госбюджета в последнюю очередь. А в итоге если у нас стоимость оборудования в школе (в пересчете на одного ученика) в среднем составляет 60 рублей, то в Швеции — 1000. В вузах же наших на студента приходится оборудования в среднем на 2300 рублей, а, скажем, в Стенфордском университете (США) — на 80 000.

Конечно, цифры — штука убедительная. Однако, думаем, в дело «отвращения от учения» не меньший вклад, чем плановые и финансовые органы, внесли органы народного образования и обслуживающая их педагогическая наука.

Это, впрочем, уже не ново. То, что школу нашу нужно менять, знают все. Не знают только — как. Впрочем, за последний год перемены в народном образовании произошли серьезные и будем надеяться, что ученые и практики не собираются останавливаться на достигнутом. Однако иногда,

— Валерий Маратович, как известно, многие изменения во взгляде на школу происходят не без участия ВНИКа. Ваш коллектив был непосредственным автором концепции общего среднего образования, Положения о средней школе, разрабатывал принципы управления народным образованием... Учитывали ли вы при подготовке этих документов зарубежный опыт?

— Естественно. И опыт, и достижения, и просчеты, и неудачи.

Мы старались избегать слепого копирования, тем более, что в истории нашей школы есть немало своего очень любопытного, ценного, но либо забытого, либо извращенного до неузнаваемости. Однако если система эстетического воспитания в Японии лучше нашей, то это нужно признать и взять из нее то, что нам подойдет, учитывая, конечно, что мы — не японцы. Или, скажем, я сам видел, когда немного работал в летнем лагере в Техасе, как за одну неделю американские дети осваивают сальто с места назад... Раз уж у них есть такая система физического воспитания, то ее надо перенимать. Собственно, одну из своих задач мы видели именно в этом — найти «секреты», приемы, законы «успешности» в мировом педагогическом опыте. С понятными поправками на пригодность наших дорог для их велосипедов.

— Вот передо мной письма с вопросами читателей, касающиеся зарубежной школы. Есть простые, есть посложнее. С каких начнем?

— Давайте вперемешку.

— Хорошо. Тогда первый во-

узнав об очередном педагогическом «эксперименте», поневоле задумываешься об «изобретении велосипеда» — что-то где-то когда-то такое вроде бы уже было. То ли в 30-е годы в Харькове, то ли в 70-е — в Софии, то ли в 80-е — в Токио.

Похоже, вопрос «Не изобретем ли мы велосипед?» приходит в голову и читателям. Все больше писем: «А как у них? Может, стоит что-либо перенять, позаимствовать?»

Вот это «А как у них?» и стало темой разговора читателей «Паруса» с заместителем руководителя временного научно-исследовательского коллектива «Школа», заведующим лабораторией НИИ общей педагогики АПН СССР Валерием Маратовичем ПИВОВАРОВЫМ.

СТОИТ ЛИ ИЗОБРЕТАТЬ ВЕЛОСИПЕД?

ключено, что и поэтому в Штатах 23 миллиона функционально неграмотных.

— Вопрос, повторяющийся во многих письмах: есть ли где-нибудь школьное самоуправление — реальное?

Есть практически везде. Выбираются ученические комитеты. Советы школ, президенты школ и классов. В США есть такая — очень престижная — «должность», как руководитель команды болельщиков.

Вообще там много внимания уделяется выработке у школьников навыков демократического поведения — чтобы каждый мог провести собрание, выборы, протокол составить, свободно выступить. Но тут надо подчеркнуть вот что. Все эти комитеты и советы могут выражать коллективное мнение учеников, однако функций управления у них нет. В этом отношении наши Советы школ, участвующие в самоуправлении, демократичнее — по замыслу, во всяком случае — чем зарубежные.

— Вот тоже довольно типичный вопрос: известно, что на Западе все школы платные. Почему бы и у нас этого не сделать — сразу бы взялись за учебу?

Во-первых, неправда, что все школы там платные. Частных школ в Италии, скажем, 28 процентов, во Франции — 20, в США — 11, в ФРГ — около 9. Но и они различаются между собой. Есть в Англии Итонская школа, где плата очень высока, — 6 тысяч фунтов в год. Годовой заработок начинающего учителя. Туда действительно попадают лишь дети богатых родителей, потому что Итон — это престиж, избранность, связи в будущем, гарантия поступления в лучшие университеты... Но, ска-

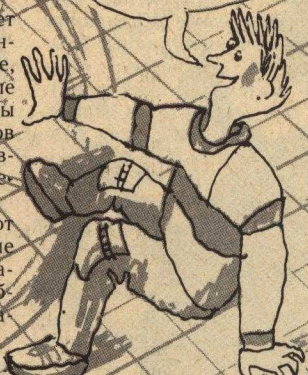
жем, во Франции почти все частные школы принадлежат религиозным учреждениям и обществам. Соответственно и программы обучения там специфические. Родители, которые отдают детей в такие школы, обычно преследуют одну цель: воспитать детей в религиозном духе.

Кстати, государство оказывает многим частным школам финансовую поддержку. Тем не менее, замечу, что все таки платные школы материально обеспечены лучше. Хотя зарплата педагогов отличается незначительно, правда, в платных учителям предоставляют жилье и «стол».

Существенно, пожалуй, вот что: в платных школах меньше учеников в классе. И еще немаловажная деталь: очень способные дети там бесплатно обучаются.

— Вводить платное обучение нас?.. Не знаю, боюсь, что это палка о двух концах. Кто-то, может, и станет учиться лучше, а кто-то вообще бросит, чтобы не обременять и без того не шикующую семью.

ВЫБОР ДИСЦИПЛИН — КАК В ШТАТАХ...

школьников очень широкие. Тут мы пока печальное исключение.

— Почему, у нас ведь тоже есть и спецшколы, и даже спецклассы...

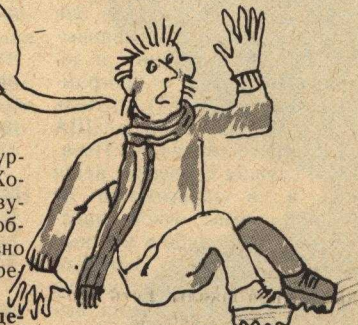
— Не в этом дело. В США, скажем, до недавнего времени

А ГОР ОНО — КАК У НАС?

А вот за дополнительные курсы — почему бы не платить. Хочешь, например, латынь изучать, что ж, но за деньги. Собственно, у нас уже это давно есть, с тех пор, как появилось репетиторство.

— Как за рубежом обстоят дела со спецшколами?

— Хорошо обстоят. Возможности для выбора у зарубежных

Оформление Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

— Вот такое письмо: «Не устаем ругать учебники. Но все равно нельзя написать учебник, который бы устроил всех. Почему бы не иметь несколько разных пособий — на выбор? А как в других странах?»

— В капстранах по любому курсу есть множество пособий. По истории, например, до десяти учебников. Но выбирает учитель, класс учится по одному учебнику.

— «Есть ли за границей горно?» — вопрос Сергея Богинского из Ижевска.

— Как я понимаю, Сергея интересует, кто руководит школой. В США есть школьные советы округов, в которые избираются самые уважаемые граждане. Они назначают директоров, определяют набор факультативов. Деньги школам дает федеральное правительство — 6 процентов, а штатные и местные власти — все остальное. А горно и районо тоже есть, только это, как правило, штат методистов, профконсультантов, которые не столько проверяют, сколько помогают. И штат этот весьма многочисленный.

— Еще один «типичный» вопрос: с какого возраста может работать американский школьник?

— С какого угодно. Это его личное дело. Не вместо школы, конечно. Однако две трети старшеклассников имеют временную работу.

— А есть ли школьные заводы, кооперативы?

— Нет, работу каждый ищет сам. Вот, скажем, продавать в школе булочки можно.

— Мы уже привыкли смотреть на наших новаторов, как на мучеников. А какие возможности для эксперимента у учителя за рубежом?

— Новаторство, в принципе, поощряется, но решение об эксперименте принимает в США либо школьный совет, либо общегосударственный совет округа или штата.

Если же местный университет что-то придумал — например, новый учебный курс, — то эта разработка запускается на рынок. Кто хочет — покупает и внедряет.

В общем-то, педагоги, работающие по-новому, имеют простора побольше, чем у нас. Но не надо сильно завидовать — судьба новатора везде трудна.

— Привлекают ли где-нибудь для работы в школах специалистов-непедагогов?

— Конечно. Двух категорий. Привлекают родителей — по-

мочь, почитать и поиграть с маленькими... В США есть должность помощника учителя, приглашаются «парапрофессионалы» для неучебных задач.

А вот где много специалистов, так это в так называемых «магнитных» школах. Например, создается предмедицинская школа — в ней один раз в неделю учатся желающие со всего района. Или предюридическая... Обычно таких «магнитных» школ 2-3 на район — общепросветительского плана или там для любителей животных... В привузовских школах лекции читают университетские преподаватели.

— «Магнитные» школы? Это типа наших УПК?

— Но без постоянного контингента. Для тех, кто хочет. УПК могли бы, наверное, стать такими школами, но для этого им нужно существенно измениться.

— Валерий Маратович, давайте закончим совсем простым вопросом: везде ли ставят двойки?

— В принципе, оцениваются знания школьников везде, хотя системы оценок, конечно, разные.

В некоторых школах США есть только две «отметки» — «да», «нет». Или — «сдал», «не сдал». Сказал учитель «да» — можешь продвигаться дальше, «нет» — иди учи снова.

Существуют и сто-, и двадцати-, и десятибалльные системы оценок. Или, например, система, в которой 5 вариантов «троек».

Тут, понятно, единого чего-то нет. Но суть, в общем-то, одна — успешность продвижения нужно оценивать.

— Было бы что...

— Да, и должен сказать, что качество знаний беспокоит педагогов во всех странах. Не случайно сейчас американцы расшарили круг обязательных предметов, углубляют их содержание и гораздо строже оценивают ответы выпускников. В Англии готовится законопроект о единой программе: они от «вольницы» идут к упорядоченности. В общем, не только наша школа сейчас на распутье.

Мы идем от почти тотального единства к разумному сочетанию обязательного и индивидуализированного. Впервые намечилось встречное движение — развитые страны приходят к тому же, но с другой стороны.

Так что, думаю, не стоит полагаться на то, что велосипед уже изобретен. Или — что его изобретут без нас.

Вел беседу
Иосиф СИВАКОВ

было до сотни школьных программ — на любой уровень развития. Кроме этого — спецкурсы для желающих. Да и специализация там отличается от нашей. Есть несколько ее форм. Одна из них — когда в одном классе изучают 3-4 обязательных дисциплины и остальные по выбору. А выбор, как я говорил, широчайший — десятки предметов. Те, кто собирается в университет, углубленно изучают академические дисциплины (английский и иностранные языки, историю, географию, естественно-математический цикл). Могут они выбрать и такие, например, предметы, как антропология, социальная психология, основы экологии... Кто не собирается в престижный университет, выбирают практический цикл — машинопись, стенографию, автомеханику, электронику, основы земледелия... Можно выбрать музыку, танцы, спортивные игры. Для девушек есть курсы экономки домашнего хозяйства, ухода за ребенком. Предметы по выбору занимают до 70 процентов учебного времени.

— Но разные предметы, значит, и разные программы, и разный уровень знаний. Как же принимают в вузы?

— Да, программы, конечно, отличаются, тем более, что они могут быть и централизованными (в Японии, Франции), и децентрализованными — программы штатов (в США), земель (в ФРГ). Но, например, в США есть система тестирования. Независимая служба проверяет ваши знания и, в зависимости от набранной суммы очков, предлагает поступать либо в местный университет, либо в какой-то престижный, либо вообще не поступать. Почти половина выпускников продолжает учебу — в местных колледжах (2-3 года) и университетах (3-5 лет).

Я хочу рассказать о Викторе Николаевиче Терском и методике его работы.

Понятно, при слове «методика» всех начинает неудержимо клонить в сон. И все же...

«Автомотовелофотокинорадиоохота и еще чего-то...»

25-летний Виктор Терский пришел в детскую трудовую колонию имени М. Горького так.

Во дворе Куряжского монастыря (действующего) было людно. Колонисты ждали, пока освободится трапезная, — они обедали после монахов.

И тут их внимание привлекла уникальная фигура — высокая, худощавая до прозрачности, с совершенно невероятной длины носом. Это, разумеется, был Терский.

— Ребятки, — вежливо сказал он. — Я приехал к вам организовать культурную работу. Давайте поиграем в какую-нибудь игру.

— Дяденька, — вежливо ответил новоявленному педагогу здоровенный детина-колонист, — мы очень любим играть в какие-нибудь игры.

И детина так ловко подбросил свою «финку», что она пролетела ровно в миллиметре от кончика носа Терского.

Виктор Николаевич невозмутимо осмотрелся. У стены монастыря стояли бочки из-под цемента — после ремонта остались.

— Значит, так, — Терский поманил пальцем детину. — Задача простая: берешь бочку, валяешь набок, садишься и каатишься вон до тех камней под горою. И сразу встаешь. Ладно, не сразу, — Терский с сомнением оглядел детину. — Через минуту.

Охотников «покататься» нашлось несколько. Бочки со скрежетом понеслись с горы. Естественно, колонисты — не космонавты, в центрифугах вестибулярный аппарат не тренировали. Когда минут через десять очухались — к Терскому: «Обманул!» Тот удивился: «Чего расстраиваетесь, бочки — это цветочки, вот приходите вечером в клуб — будут вам ягодки».

Вечером клуб впервые был заполнен до отказа: колонисты поняли, что от нового педагога можно ждать чего угодно.

И Терский эти ожидания оправдал. Вскоре появился кружок — цитирую бывшего коммунара Е. Семенова — «Автомотовелофотокинорадиоохота и рыболовство плюс альпинизм и

еще чего-то... дальше не помню. А его многовечерние научно-фантастические сказки типа «Об ультрамариновых пытыках...» А изо-кружок (от слова «изобретать»), где создавалось все, что угодно, из всего, чего угодно, — эдакая свободная мастерская, куда со своей идеей приходил каждый...

А «ребусник» — многомесячный Конкурс Смекалки с лично-командным зачетом (может, оттуда родом и КВН?). Я, когда был студентом, побывал у Терского в Знаменской школе (он там вел труд, черчение, рисование, пение, секцию самбо — это в свои 60, слыл лучшим рыболовом Калининградской области и лучшим шашистом, и еще велотуристом был), так вот, там я у него переписал 10 тысяч его оригинальных задач — легких хохм и серьезных вопросов. Вот одна: «Какое число увеличивается ровно вдвое, если одну его, крайнюю справа цифру переставить вперед, сделав крайней левой?»

Или, например, такие вопросы: «Как нарисовать мелом круг и, не выходя из этого круга, достать предмет из соседнего помещения?», «Как выпить стакан воды ни стоя, ни сидя, ни лежа, ни на ходу, ни в комнате, ни снаружи?»

Коммунары В. А. Руденко и В. М. Грицюк вспоминают, как Терский учил их выпускать стенные газеты... по 20 с лишним метров длиной. Или, скажем, его театральные импровизации: давал сюжет, а текст и характеры коммунары придумывали сами по ходу спектакля.

Я мог бы рассказывать о нем бесконечно. И о его методике, от которой не засыпаешь, а просыпаешься.

Лев ЧУБАРОВ

ВСЕ МЫ — ЧЕЛОВЕКИ

Все жалуются — жить трудно, конфликты с родителями, учителями. Было и у меня так,

но сейчас — полный «кайф» — и дома, и в музыкальной школе, и в обычной...

Помог случай. В 6-м классе у нас появился новый учитель — 70-летний старик, ветеран войны. Что он вытворял — кричал, обзывал варварами и тупицами, ставил за одну ошибку «двойку», из школы выгонял!..

Однажды, не помню уже, как и почему, я остался после уроков. И он пришел. Стали разговаривать. И столько он всего интересного рассказывал. Про все: знания у него потрясающие. И, главное, он с юмором таким. Мы потом много с ним говорили. И не злой он совсем оказался, а довольно даже добрый, но ему обидно было, что мы его слушать не хотим.

Я понял, что учителя — тоже люди и их надо понимать.

Взаимопонимание — вот чего нам не хватает. Отсюда и все беды.

Света К.

Я ЗАПУТАЛАСЬ

Я учитель. Работаю в школе третий год, преподаю математику, классный руководитель в 6-м классе.

К ученикам у меня отношение сложное. Со многими мне интересно (надеюсь, и им со мной). Но есть такие — и немало — которые просто не могут учиться, усвоить программу. Мне их жаль, но от этого не легче.

Страшнее другое. Недавно 8 человек были уличены в воровстве. Вытаскивали у своих же товарищей часы, микрокалькуляторы, ручки. У меня из сумки взяли деньги.

Родители говорят: «Вы слишком мягкая, доброта до добра не доведет». Я запуталась. Что же — превращаться в строгое, злое пугало для учеников? Вот интересно, что мне могут посоветовать сами школьники?

Ольга, 26 лет

«ЖИТЬ ЛЕГКО И ВЕСЕЛО— ВОТ ЧТО ВАМ НАДО»

Читаю «Парус» и радуюсь: ах, каких учителей хотят наши замечательные дети. Справедливых, принципиальных, умных, достойных уважения.

Так вот: ложь все это. Я знаю много учителей, которые столь же сильно тоскуют по встрече именно с такими учениками, какими вы представляетесь в письмах. Так почему в жизни эти встречи происходят крайне редко? И после наблюдений, опытов, конфликтов убеждаюсь: по-настоящему не нужны вам такие учителя. Потому что они требовательны, с ними трудно и беспокойно. Настоящие учителя не мирятся с ленью, подлостью, хамством. И как только учитель начинает утверждать свои принципы, вы в крик: «деспот», «ущемляет наши права», «строит из себя...», «оскорбляет наше достоинство»! И уже не замечаете ни его ума, ни его талантов.

Не подчиняться требованиям, а требовать — вот ваш девиз. И чтобы вас не трогали, дали жить легко и весело — вот что вам надо. А над учителями с классическим набором добродетелей, если они встречаются на вашем пути, вы смеетесь и презираете их за старомодность и отсталость. Требуя внимания к себе, вы не умеете быть внимательными к учителю, видеть в нем человека.

Пишу так резко потому, что испытала все на себе. Я, конечно, не отличник народного образования, но кое-что умею делать из того «джентльменского набора», который вы бы хотели видеть у хорошего учителя. Ну и что? Никому это не надо. И потихоньку умолкаешь, забиваешься в щель. А если что и делаешь — то для себя. Кофточку вышиваешь для себя. Ученики смотрят, восхищаются — учиться не хотят. В шахматы играешь с коллегами. Для себя. Дети не любят проигрывать. Стихи пишешь для себя. Учеников не увлекает перспектива полдня искать нужное слово. И потихонечку привыкаешь жить для себя. И уходят из школы не понятые и не принятые вами лучшие учителя. Те, о которых вы, по вашим словам, мечтаете.

Г. Казакова

ВСЕ ШИРЕ, И ШИРЕ, И ШИРЕ...

Я сижу и зубрю алгебру — для общего развития. Чтобы забыть после экзамена — в тот же день. Нет, не хочу сказать, что физика или та же алгебра не нужны. Но если оставить в учебнике то, что действительно требуется для общего развития или всестороннего образования, то из освободившейся бумаги можно будет печатать «Парус» миллионным тиражом, но уже с цветными слайдами и с моделями платьев, которые можно рассмотреть и сшить (я имею в виду те фото, что печатались в 3-м номере).

Елена Сидорова,
г. Сургут

«МЕРТВА ТЕОРИЯ...»

Не можете ли вы напечатать тесты, которые помогли бы выбрать профессию? У нас в школе есть, конечно, уроки выбора профессии и основы производства, но толку от них... Нас заставляют вызубривать, что такое народное хозяйство («сложившаяся в стране система общественного производства, основанная на социалистической собственности на средства производства», — вот!) и что профконсультация — это «советы и рекомендации специалистов с целью оказания помощи молодежи в выборе профессии». С целью — все в порядке, а с помощью — никак.

Татьяна, 15 лет,
г. Нальчик

«ТРОЙКА» ПО СТАТУСУ

Вот вы все о перестройке в школе: учебники, программы, планы, методы. А все это чушь — пока в школе будет существовать блат, ничего в ней не изменится к лучшему.

Вы спросите, о чем я? Да о том, что у нас всем известно. Накануне экзамена будущие медалисты (да, они известны заранее) приходят в школу, чтобы переписать приготовленные для них сочинения. Понятно, что завтра их ожидает 5/5.

А на устных экзаменах!.. Тебя не слушают совершенно, зачем — ты же не дочь завуча, директора или «папы из райкома». Тебе полагается «тройка». А им — «дорогим деткам» — «пятерка» за ответ на единственный выученный, но заранее известный билет.

Подписываться не хочу, так как не уверена, что поймут правильно

В ПОХОД БЕЗ «ЛЮБИМЧИКОВ»

Пишет вам человек, который мучается из-за... хорошего отношения учителей. В классе я считаю «любимчиком» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со мной стараются не иметь никаких дел, кроме, конечно, «дай списать», в компании не приглашают, ходили недавно в поход — без учителей — мне ничего не сказали.

Что ж я такого плохого сделала? Нет, я не ябедничала, не фискалила, не «закладывала». Я просто хорошо учусь и не считаю обязательным трепать учителям нервы. Мало того, я выполняю их просьбы — не личные, конечно: приготовить доклад или, там, сделать политинформацию. Ясно, что одни учителя мне нравятся больше, другие — меньше, но в целом, думаю, нам на наших педагогов грех жаловаться. И они ко мне относятся так же — не придираются, не кричат, стараются помочь.

И вот такие человеческие отношения мне мои одноклассники ставят в вину. Что же теперь — чтоб им угодить, поругаться с педагогами?

Светлана,
Горьковская область

СТИХИ ПОСЛЕ ОТБОЯ. ВОЗМУТИТЕЛЬНО!

Мне из всей дискуссии о том, какой быть школе, больше всего нравится мысль, чтоб ежегодно учителей аттестовывали сами ученики.

Тогда, думаю, мы бы скоро избавились от нашей физички Татьяны Ивановны, которой, на мой взгляд, не место в школе.

Вот несколько примеров ее «педагогической» деятельности. Были в летнем лагере. Раз как-то не могли заснуть после отбоя. Лежим, смеемся, анекдоты рассказываем. Входит Татьяна: «Ах, что вы, девочки, не спите. Ну, давайте, я вам стихи почитаю». И почти до двух часов ночи стихами нас долбила. Знали б, так уж лучше спали. Я ей

намекнула: «Отбой был, Татьяна Ивановна». Так она чуть не в слезы: «Вам ничего не интересно».

Или поехали в Ульяновск на экскурсию. Ну, походили по историческим местам, устали. Просим ее: «Давайте в универмаг теперь». Опять возмущается: «Мещане, такие сякие...» Как будто сама никогда в магазин не ходит.

Еще случай. Писали контрольную, все сели так, как им удобно. Написали неплохо. На следующем уроке Татьяна заявляет, что, мол, все списывали, теперь она нас рассадит, как ей нравится, и будем писать еще раз. И как мы ни протестовали, настояла на своем.

В общем, что говорить, пока такие учителя в школе — контакта между учениками и педагогами никогда не будет.

Опубликуйте, пожалуйста, мое письмо, пусть ей будет стыдно.

Оксана Б-ко,
г. Житомир

по сути дела

Я хотела бы стать книговедом и работать в книжном магазине. Где мне надо учиться?
Таня С., г. Куйбышев

Наш внештатный корреспондент Марина Скуренко попросила ответить Тане сотрудника Государственной книжной палаты БССР Наталью Ивановну КРОТЮК.

— Таня, по-моему, все перепутала. Видимо, она хочет стать товароведом по книжным товарам, а не книговедом, который в магазине не работает.

— А чем товаровед по книжным товарам отличается от продавца в книжном магазине?

— Продавец продает, а товаровед решает что и сколько ему продавать. А для этого изучает покупательский спрос, пропагандирует и рекламирует литературу. Даже для того, чтобы просто расставить книги по разделам, нужно кое-что знать. По заголовку не всегда поймешь, в какой раздел книгу ставить. Скажем, «Горение» Юлиана Семенова. Название — для раздела «Химия».

— Так можно же прочитать.

— Ну, все читать — жизни не хватит. Товароведы различают книги по шифру. Каждая тема имеет свой код. Достаточно

взглянуть на последнюю страницу, чтобы узнать, для кого из читателей предназначена книга.

— Вы сказали, что товаровед решает, сколько книг заказывать. А исходя из чего?

— Из запросов покупателей. Ясно, что, например, художественная и историческая литература будет пользоваться большим спросом, чем специальная. В начале года товаровед получает информацию из издательства о том, какие книги выйдут. Он прикидывает, сколько экземпляров может быть продано, и делает заказ. По этим заказам и определяется тираж издания.

— И последний вопрос: где учат на товароведов книжных товаров?

— Специальность «товароведение книги» есть в Московском (125824, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 19), Новосибирском (630070, г. Новосибирск, Каменская ул., 66), Саратовском (410002, г. Саратов, ул. Мичурина, 202) книготорговых техникумах, в Киевском техникуме гостиничного хозяйства (242192, г. Киев, ул. Генерала Жмаченко, 26).

После окончания ПТУ мне был присвоен третий разряд песаря-ремонтника. На предприятии,

куда я был направлен, мне сказали, что могут принять на работу по другой специальности. Вправе ли они это делать?

Владимир Нечай,
г. Минск

Отвечает Владимиру правовой инспектор труда Белсовпрофа Валерий Иванович ЛЕПЕШ.

— Нет, не вправе. Об этом сказано в п. 42 Положения о среднем профессионально-техническом училище. Руководителям предприятий не разрешается переводить выпускников ПТУ на работу, не связанную с полученной в училище специальностью и квалификацией, даже если они сами согласны на перевод.

Бывает, что на предприятии, куда готовили будущего специалиста, произошла реорганизация и работы по профилю вообще нет. Тогда все хлопоты по трудоустройству выпускников (но обязательно по специальности) ложатся на министерство, которое давало заявку на подготовку рабочего.

Наверное, следует знать и то, что квалификационные разряды, классы, категории, присвоенные выпускникам СПТУ, обязательны для всех предприятий и не могут быть снижены.

Человек уходил из жизни. Старый человек. Значит, уже прожил те годы, которые ему были определены. А когда, состарившись, мы покидаем землю, это закономерно.

Но этот старик уходил из жизни страшно. Он умирал далеко в горах, без живой души рядом. Доживал свои часы и ждал последней вспышки света — так, слышал, бывает перед самым мигом смерти. Он приготовился и к тому, что его, возможно, никогда не похоронят. И потому душа его никогда не успокоится. Он приготовился страдать и после смерти.

В эти самые минуты по небу летел другой человек. Он был одет во что-то белое, и за его спиной старик разглядел крылья. Старик не поверил — он думал, что смерть явится в жутком образе. А за ним вдруг послали ангела. И старику стало легче.

По небу летел человек и рас-

сматривал разноцветную землю. На ней не было домов, заводов и труб. Земля была чиста и первозданна, будто ненаселенная планета. И то, что она обитаема, выдавал лишь уснувший под кустом старичок.

Человек с крыльями почему-то оглянулся и посмотрел туда, где только что пролетел.

Ему вдруг показалось что старик не спит...

Он стал спускаться на землю.

Тот, кого старик принял за ангела, впервые оторвался от земли в прошлую субботу. Поэтому управлял своими крыльями неуверенно. И его относило все дальше и дальше от старика.

Человек разволновался. И оттого, что он засуетился, крылья совсем перестали подчиняться.

Земля летела навстречу. И показалось, что не он, а она коснулась первой. Мгновение было настолько неожиданным, что человек не успел подго-

товиться к этому касанию, и Земля выбила ему колено. От острой боли он застыл на секунду, приходя в себя.

И пополз в обратном направлении. Туда, где оставался лежать старик.

Старик

Ангел пролетал мимо.

У старика даже не хватило сил перекреститься на образ мелькнувшего святого вестника.

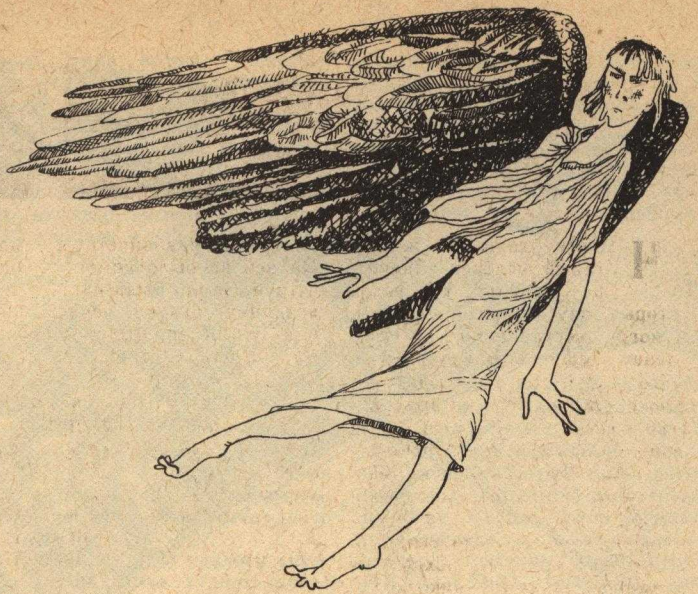
Ангел пролетел мимо — значит, был послан не за ним. И это не удивило старика, это более укладывалось в его жизнь, чем ниспосланная благодать, о которой он было по-смель подумать.

Если правда, что перед смертью человек вспоминает свою жизнь, то воспоминания у этого старика были печальные.

Хотя сначала она складывалась так, как пишут про его поколение в книжках. Отважно воевал, командуя оружием, за это получил орден. После войны воспитывал десятерых своих детей. Правда, это уже не из книжной жизни. Жили невероятно тяжело, кормить семью было нечем, одеть не во что.

«АНГЕЛЫ»

Ночами от нищеты снились кошмарные сны. О будущем подумать боялся — ничего доброго оно не обещало.

Наверное, слабым человеком был этот старик. Трудности его сломали. Начал безбожно пить, выплескивая свое зло в пьяных скандалах. В конце концов, был приговор суда — пять лет в исправительно-трудовой колонии, которые старик принял как избавление от мучений и бессилия.

Отсидел, точнее, отстрадал свой срок — тюрьма оказалась не избавлением, а еще большим кошмаром. Но зато он решил начать жизнь заново.

Но дома ни жена, ни дети его уже не приняли. Никто ему больше не поверил, дверь захлопнули. Старик не рассердился на них, злости никакой не затаил — сознавал, что домашние с ним и так до самой гробовой доски намучались.

Но, оставшись в жизни один, старик растерялся. В нем не нуждался никто, а он так не привык. Ни на какую работу его не взяли, потому что не стояло в паспорте важной печати — о прописке. А так как прописаться ему все равно теперь было некуда, паспорт за ненадобностью он выбросил.

В горы старик ушел от всех и от стыда. Вырыл яму, выстелил ее травой — получилась землянка для ночлега. Ел горные яблоки, груши, собирал ягоды и даже сушил — впрок. Так и жил, пока снова не настиг его рок. Землянка раздавила заблудившаяся корова. И старик остался «на улице». Под кустом. Под этим кустом и умирал.

Над этим кустом и пролетел померещившийся было ангел.

«Дьявол, а не ученик!»

Тот, кто примерещился старику ангелом, на самом деле был далеко не ангел. В том смысле, что за его каких-то четырнадцать лет жизни на земле окружающие — родители, соседи и учителя — пережили из-за

него огромное количество неприятностей. Хотя и Юру его взрослое окружение огорчало не меньше. Отчим не ночевал дома, и мать считала, что ее личную жизнь отравлял Юра, — он отчима ненавидел. Учительница литературы называла Юру «уголовником», потому что дружил с «судимым». Православная соседка «дьяволом» — неясно за что, может, за магнитофонные рок-концерты. В общем, когда Юре исполнилось четырнадцать, он предпочел отказаться от всяких отношений со взрослым миром и сбежал из дома.

Он не садился в поезд и не собирался далеко уезжать из теплого города, поскольку в любом горном саду можно было кормиться сливами, апортом и «дикими» грушами вплоть до самой зимы. И даже зимой, если не лениться поискать под снегом яблоки. Их обычно остается много.

«Пообедать» он всегда мог на базаре, «пробуя» блюда восточной кухни, которыми на наших рынках настойчиво и щедро угощают добродушные корейки.

Зато Юра освободился от измучившей его дома зависимости по каждому пустяку и первое время был вполне доволен, ночуя на привокзальной скамейке.

Нужны были, конечно, еще и деньги — пирожными, сигаретами, билетами в кино его не «угощали». И Юра взялся промышлять: по ночам он обшаривал карманы пьяных или уснувших на вокзале пассажиров. И хотя было страшно загреть в милицию, он этот

страх в себе поборол, так как денег набиралось прилично.

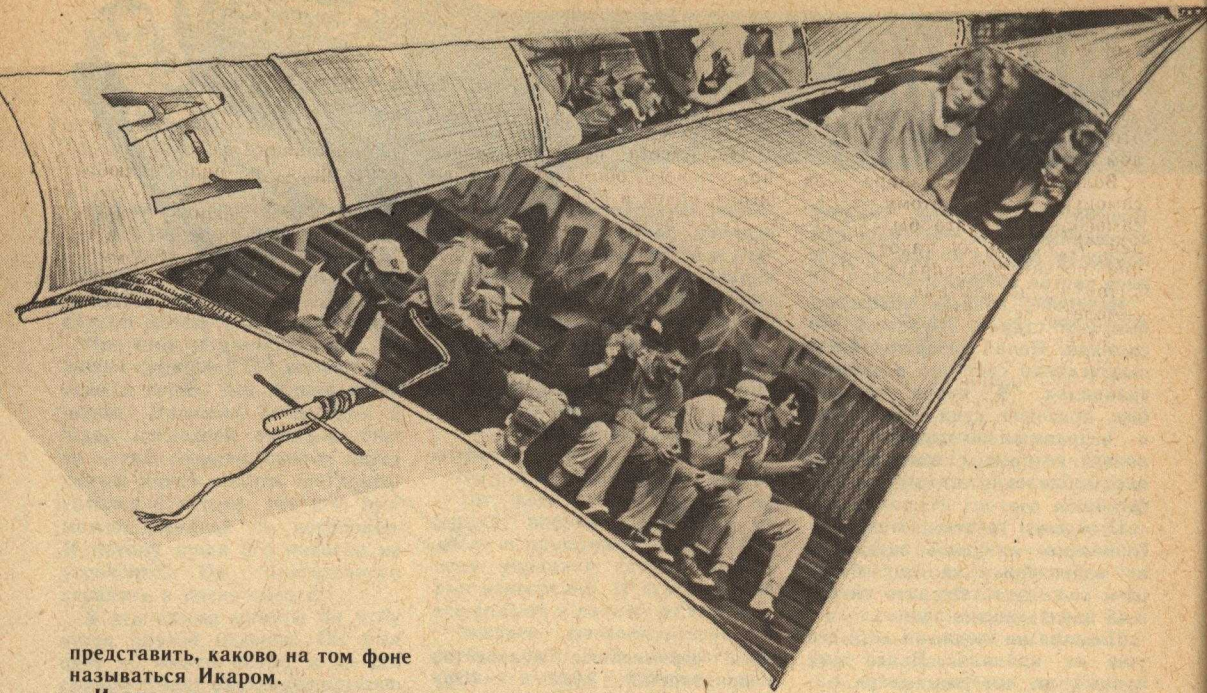
На пятом или шестом «деле» его задержали. Установили личность, больно поддав по затылку, чтобы отвечать на вопросы, вернули в школу. И поставили на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, где Юра теперь должен был отмечаться каждый день. Чего он решил не делать.

Поэтому однажды инспектор выловил его после десяти часов вечера и повел в подвал. В животе все оборвалось — Юра не сомневался, что милиционер будет бить. Он спускался по лестнице, приготовившись терпеть боль и как-то защищаться.

Но подвал оказался весьма странным — аккуратным и чистым, в нем было много людей Юриногo возраста. Они сварили длинные трубы, сшивали огромные куски плотной материи. Заправлял всем человек в кожаной куртке летчика. «Летчику» инспектор и вручил Юру, который уже успел прийти в себя, сделать безразличный вид и прикинуться, что ему на все глубоко наплевать.

Человек по прозвищу
«Икар»

У человека в кожаной куртке летчика была кличка Икар. Очень редко у взрослого бывает приличная кличка. Например, в школе, куда ходил Юра, учителей называли словом «васор», а «васорить» на жаргоне Юриных одноклассников значило «угнетать». Можно

представить, каково на том фоне называться Икаром.

Икара на самом деле звали Володей Прокопенко. Кличка пошла от названия подвала, куда инспектор привел Юру. В темноте он не рассмотрел этого слова, написанного на входной двери.

Это был клуб дельтапланеристов. Инспектор «сдавал» сюда особо безнадежных людей.

Володя перевоспитывал их небом.

Он предложил летать и Юре, потому как уже давно убедился, что и самый безнадежный, поднявшись в небо, сбросит «лягушачью шкурку» подворотни.

Юра согласился: деваться все равно было некуда — или сюда приходиться, или в милиции отмечаться. Хотя ему и не понравилось Володино предупреждение о том, что до первого полета придется повкалывать на земле.

Слово «повкалывать» включало в себя не только нагрузки на тренировках. Юра вынужден был сваривать трубы будущих дельтапланов, мыть стены и мести пол, часами протыкать иголкой жесткую материю дельтапланерных парусов.

Ко всему можно привыкнуть. Но уж очень хотелось побыстрее взлететь в небо. Те, кто успел полетать на этих крыльях, задыхаясь, захлебываясь от восторга, заразили Юру фантастикой полета. Он боролся с подлым чувством зависти, успокаиваясь тем, что всего лишь повторяет путь, который прошел каждый из нынешних счастливых.

И, заставляя себя смириться с трудной участью на земле, снова слюнявил уколотые пальцы и вдевал суровую нитку в «цыганскую» иглу.

...Про Икара в клубе ходили различные легенды. О своей жизни он толком ничего не рассказывал, и потому каждый считал своим долгом додумать в ней что-нибудь покруче.

Был, например, слух, что однажды Икар один вышел против банды. Рассказывали также, будто он был на коротке с маршалом Покрышкиным.

Но если кому-то интересно узнать что-нибудь достоверное из его жизни — то я расскажу. Чтобы прояснить эти невероятные легенды, однажды я собралась и поехала в «Икар»...

Двадцать лет назад Володя был ровесником Юры. Только-только переехали в сибирскую деревню его родители. И в первые же дни местный главарь со своей командой решил новичку место определить. Встретили его под вечер...

—...Схватили они меня за шварник, — это Володя уже теперь мне рассказывает, — я, конечно, перепугался, хотя и постарался поспокойнее сказать их предводителю: зря, мол, вы меня так, я ведь завтра тебя найду. В общем, помускали они меня немного, отпустили. Вернулся домой, взял отцовскую двустволку и пошел к главарю домой — он через дом от нас жил. Ничего, понял меня. От отца, правда, за ружье попало,

да зато в деревне спокойно жить стал.

В деревне, где поселилась семья Прокопенко, дрались часто. Взрослые — потому что пили много, мальчишки так отношения выясняли. Володя насторожил всех тем, что в драки не ввязывался.

Не потому, разумеется, что был очень уж примерным. Просто имел другое дело — конструировал аэросани. Вскоре у него появилась и своя компания — из тех, кто тоже захотел иметь аэросани. Это и был первый в его жизни «клуб».

Потом Володя служил в армии. И там он понял, что самое захватывающее на земле — улетать в небо. И поэтому после армии поступил в летное училище.

Все это происходило как раз в то время, когда дельтапланерный спорт только начал собирать мечтателей о небе.

И Володя тоже решил попробовать сделать дельтаплан. А еще лучше — создать клуб дельтапланеристов. Командование училища сначала одобрило эту Володину идею.

Но самыми первыми в клуб пришли, разумеется, мальчишки. А этот факт училищное начальство не устроило. Володя, понятно, выгнать своих несовершеннолетних учеников отказался. Так начался конфликт.

Три месяца оставалось до окончания училища. И именно в это время появилась редчай-

шая возможность достать настоящие дельтапланерные паруса. Он просил начальников отпустить на два дня — нужно было ехать в другой город. Не отпустили, напомнив о прошлом непослушании.

Володя расценил запрет как самодуство и потому уехал самовольно. За это был отчислен. А поскольку такое решение посчитал несправедливым, в тот же день купил билет на самолет и через сутки уже сидел в кабинете маршала авиации Покрышкина, рассказывая о своем отношении к небу. Покрышкина убедать было не нужно — он тут же подписал направление в Волчанское летное училище, где Володя и получил, наконец, удостоверение летчика-инструктора.

С ним приехал в Алма-Ату. «Выбил» подвал панельного дома, на двери которого повесил табличку «Клуб «Икар».

И Юра, под надзором спускаясь в этот подвал, предположить не мог, что останется с Володей и на год, и на два, и до сих пор.

...А в небо Юра поднялся спустя полгода. Тогда же его сняли с милицейского учета.

Первая летная суббота — официальный день полетов — прошла для него успешно. С дельтапланом он справился, испытал невероятное чувство полета и понял, наконец, тех ребят, которые не находили слов, чтобы это чувство передать. Он и сам не мог найти ни слов, ни образов.

Как же он ждал следующей субботы!

И вот он снова летел, рассматривая разноцветную землю. Летел далеко за городом, где она была чиста от заводских труб, дыма и пыли, как ненаселенная планета.

И вдруг этот старик в странной для спящего позе.

Попытка быстро спуститься на землю.

Выбитое колено... Мгновенная невыносимая боль...

Юра дополз до старика, когда, показалось, он взглянул на этот свет в последний раз.

Колено распухло и не позволяло встать на ноги.

Старый человек умирал.

Юра кричал, ужасно кричал. Пока не увидел Володю, который мчался на его крик.

«Ангел»

«Икаровцы» принесли старика в свой лагерь, уложили в палатку. Володя послал за «скорой», которая, включив сирену, увезла старика и Юру в боль-

ницу. Врач потом говорил, что дед в рубашке родился — едва успели спасти.

Когда старика выписали из больницы, он побрел на то место, где когда-то была землянка.

Но вместо пустыря увидел то, от чего обомлел: палаточный городок и дельтадром.

— Дедушка, чего ж ты не долечился? — тихо спросил кто-то сзади.

— А-а, думал, что умираю, а я всего лишь оголодал, — махнув рукой, обернулся дед и обмер. — Никак, ангел мой, спаситель...

Юра еще хромал — колено заживало медленно. Но попросил, чтобы Володя позволил ему ухаживать за стариком, которого решили пока оставить в лагере.

К осени Володе удалось упростить начальника строительного треста отдать «Икару» списанный вагон. Оборудовали его — вставили стекла, установили печку, покрасили в красивый цвет — получился для старика неплохой дом.

А потом Володя сделал и совсем невозможное — пробил на дельтадроме ставку сторожа. И старик стал получать зарплату.

Позже, с помощью корреспондента военной газеты, через военкомат восстановили его документы. Жаль только, что недолго он «прослужил» на дельтадроме. Дед жаловался на сердце, и оставлять его без присмотра «икаровцы» опасались.

Володя уговорил его лечь в госпиталь. И пока старик лечился, нашли ему место в доме престарелых.

Юра навещал его, рассказывал новости. Выбирал, конечно, те, что были получше. Старик радовался. И даже гордился тем, что именно он подсказал «Икару» уникальную площадку для дельтадрома.

С легкой руки старика Юру теперь зовут «Ангелом».

Среди мальчишек ведь приняты клички...

ОТ АВТОРА.

Я была volna выбирать любую историю из жизни «Икара», чтобы рассказать о его замечательном педагоге Володе Прокопенко. У «Икара» уже долгая история, и событий в ней предостаточно. Например, я могла бы рассказать о самом горьком дне клуба — о том дне, когда на территории дельтадрома, подсказанной стариком, местные начальники начали строить дачи. Или — о дне самом радостном, когда узнали,

что в «Икаре» будут летать не только на дельтапланах, но и на самых настоящих самолетах, вертолетах, планерах. ...И о том, как летают. На базе Володиного клуба создана теперь региональная федерация конструкторов и пилотов-любителей.

Однако я решила подробно описать лишь случайную встречу Юры и старика. Потому что важнее самолетов и вертолетов то, что чужая беда ЗАДЕЛАЮ Юрину душу.

Исследуя его жизнь в клубе «Икар», я не обнаружила никаких специальных способов и методов перевоспитания, никаких педагогических тайн, которыми бы Володя воздействовал на Юру. Скорее, была простая человеческая тайна — глубочайшее почтение даже перед ЛИЧНОСТЬЮ того, на ком общественное мнение поставило крест.

Володя не лез Юре в душу, ничего не выпрашивал, не жалел, не советовал, как жить. Просто он помешал своих учеников в систему иных — исконно человеческих — ценностей. Не спутанных корыстью, подавлением, унижением.

«Икар» — не площадка педагогического опыта. Это, мне кажется, вынужденное изобретение порядочного человека, создавшего некое мини-общество, в котором «порог чувствительности» в отношении друг с другом гораздо выше, чем в большом мире.

Во всяком случае, у меня другого ответа нет.

Евгения ДОЦУК

Рисунки
Валерия РУЛЬКОВА

А МНЕ И БЕЗ ВАШЕГО ТВОРЧЕСТВА НЕПЛОХО...

Весь курортный городок украшали блестящие плакаты, уверяющие в необходимости кремов для загара, освежающих напитков и посещения концертов местных рок-звезд. Разморенные отдыхающие, в массе своей напоминающие шоколадный крем, тянулись домой. С пляжа доносились непрерывные крики мамаш в надежде выманить своих обалдевших от солнца и воды детей на берег.

Полузасыпанный песком транзистор хрипел о визитах президентов и прочих мало-значительных здесь новостях. Кроме, пожалуй, погоды. Блондинка в бледно-зеленом купальнике доглатывала сэндвич с помидором. У ее ног голубоглазый голопузик оплакивал преждевременную кончину клубничного мороженого, так неудачно упавшего на загорелую лысину сидящего рядом отца.

ученическая тетрадь

Наталья ЩЕРБАНЕНКО

Рассказ

Слишком

Сладкая

Жизнь

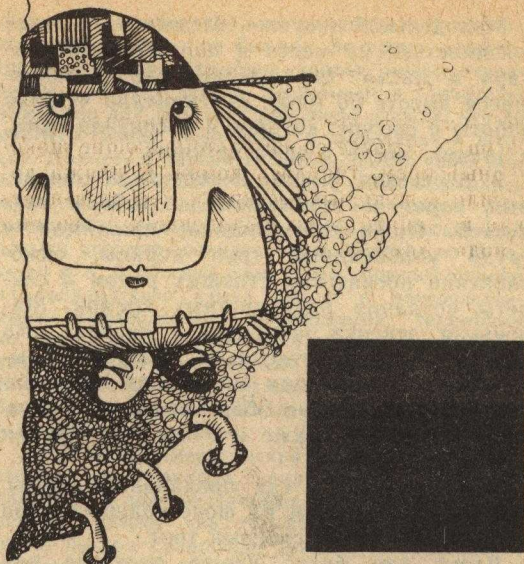

Я лежала на дымящемся песке и чувствовала себя кофейником с кофе по-турецки в руках бармена. Сквозь густой плавающий воздух я тщетно пыталась разглядеть уставившихся на меня малолетних развратников. Глаза закрывались сами собой. И тогда я стала придумывать себе занятие на вечер.

Одеть колючее красное платье с люрексом, в котором через минуту начинаешь потеть, и пойти в ночной бар, где нужно постоянно сексуально улыбаться и прищуривать глаза. Иначе просидишь одна, скучая над опавшим коктейлем. Или пойти на безлюдный пляж и, отыскав себе местечко между неубранными пакетами, проколотыми мячами и забытыми полотенцами, молча смотреть на море.

Неожиданно я поняла, что просто выбираю себе роль, и люди вокруг оказались мне вдруг зрителями на театре моей жизни: они жаждут зрелищ, истерического хохота и вскрытых вен. Меня чуть не стошнило при мысли о том, что они прикладывают ухо к стене, когда у меня гости, и подглядывают в замочную скважину, когда я сплю. А вдруг мою жизнь уже сняли на пленку и теперь будут показывать в заштатных кинотеатрах? Я буду метаться на экране, а вокруг меня будут лужгать семечки, облизываться растаявшим мороженым и сморкаться в грязные платки...

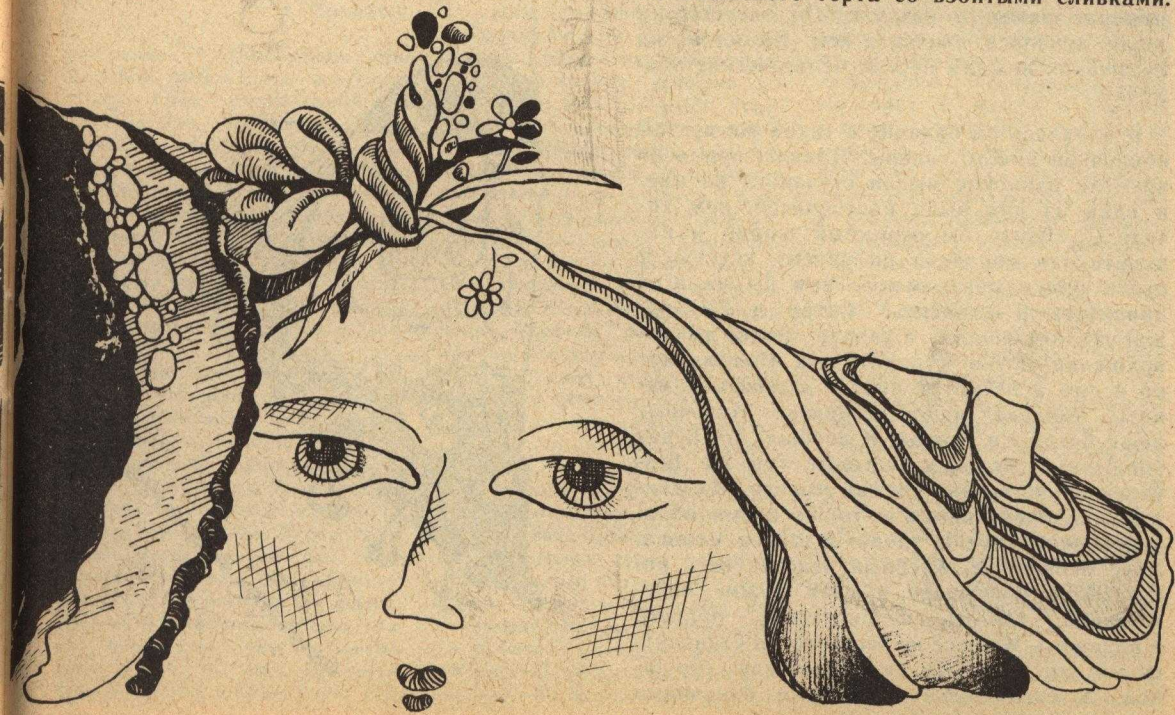
Мне показалось, я уходила с пляжа под бурные аплодисменты тех самых наглых подростков. И настроение резко упало.

В номере я успокоилась. Дверь была без щелей, а замочные скважины столь малы, что никакой человеческий глаз не в силах что-либо увидеть сквозь них. Жизнь прекрасна, черт побери! Нельзя так долго лежать на солнце, вот и все.

Утром я решила прогуляться в город. Был чудный день. Я с удовольствием пила в кафе под открытым небом ледяной апельсиновый сок и даже подмигнула белоснежному официанту с кисло-сладкой улыбкой.

Напротив высился великолепный кондитерский магазин. Он напоминал пышную поджаренную булочку. Ветерок прибывал оттуда обалденный запах корицы, мускатного ореха и горячего шоколада. Я начала ерзать на стуле, прикидывая количество калорий в куске вишневого торта со взбитыми сливками.

Молоденькой девушке, следящей за своей внешностью, не место в царстве муки, сахара и масла. Но чувство голода, родившееся вместе со мной, перекричало чувство заботы о фигуре, которое я воспитала сама, а значит, могла и сама заткнуть.

Я пересекла улицу, переступила запретный порог и приступила к выбору сладостей. Пожилая женщина, прижимая к груди упакованный труп курицы, самозабвенно посвящала стоящих рядом в секреты создания разноцветных кремов. Маленькая девочка прилипла к витрине. На стекле закипали отпечатки пальчиков, вымазанных в яблочном мармеладе. Два малыша, оставленные без присмотра, кидались мятным драже и с хрустом жевали леденцы.

Над прилавком, где продавались торты, сияла реклама. Там на фоне голубого неба всходил огромный слоеный торт.

Вдруг как будто кто-то произнес над ухом: «Ваша жизнь — это слоеный торт!!!»

И я опять почувствовала что-то неладное с собой. Похоже, этот кто-то был прав. Отрезаешь первый кусочек — появляется острое ощущение близкого удовольствия. Со вторым подступает легкая тошнота, а третий вообще не лезет в рот. Так и жизнь. Придается, и перестаешь чувствовать вкус.

Мимо прошла старушка в грязном плаще. Я представила себе ее торт — обкусанный, кое-где покрытый плесенью. А ведь еще лет семьдесят назад это был всего лишь кусочек теста, и кто знал, каким будет повар?

«Мой тортик, будем надеяться, выглядит получше», — утешила я себя, киношно-грациозно влезая в такси.

Густой запах моря, эвкалиптов и острых приправ замер в воздухе. Он загустел, и люди, казалось, увязли в нем. На земле, на скамейках лежали пустые человеческие оболочки.

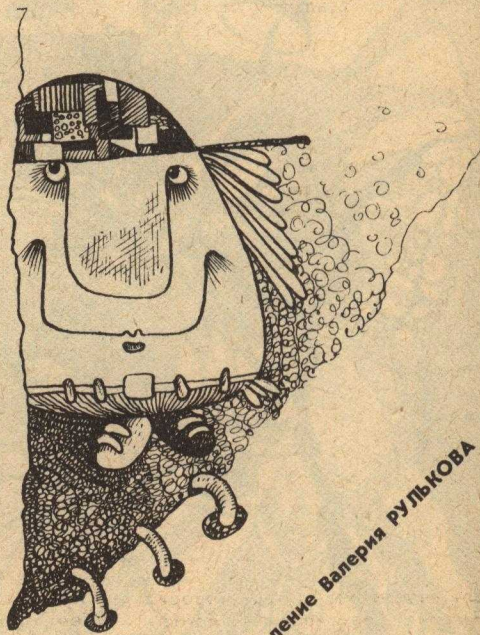
Я валялась на балконе с такой же пустой оболочкой вместо головы. Правда, время от времени одинокие мысли стучались ко мне, и одна из них была настойчивей, чем хотелось: «Взять бы огромный шприц и начинить эти оболочки по своему вкусу». Я стала прикидывать меню. Чем бы их всех пропитать и украсить? Сахар я бы, пожалуй, исключила. Сладкие люди до отращения мягки и податливы. Они липнут ко всему и не хотят ничего затевать и менять. Молоко надо оставить. Молочные люди бледны и нежны. И вообще, это будут крошечные малыши, которые так же безупречно чисты, как свежее молоко. Их движенья ненавязчивы и в то же время обалденны, как вкус и запах ледяного молока. Хлеб необходим. Хлебный человек весь пористый и впитывает в себя чужие переживания, заботы, неприятности, радости и надежды. И вовсе не черствеет, а становится мягким и добрым старичком или старушкой. А если только сдобными булочками

начинять? Видимо, превратится в сухарик или сушку и будет крошиться по всякому пустяку, а потом мучиться и ворчать на колких и противных крошках. Фрукты — вот без чего не обойтись в моих кулинарных забавах! Фруктовый мир, в котором живут свежие и легкие люди, ярк и ароматен. Он в меру сладкий и в меру кислый. Он манит к себе сочным светом и излучает тепло. Ведь во фруктах скапливаются солнечные лучи, а тепла так мало вокруг нас, и оно так нужно.

Перебирая все продукты, я подумала о том, а какая, собственно, я сама? Какая бы ни была, я вовсе не желаю, чтобы меня с чем-то смешивали и разбавляли! Я такая, какая хочу: одним нравлюсь, другим нет, но это и отлично! А если я на свой вкус переделаю мир... Ведь какой бы изысканный вкус у меня ни был, он совсем не обязательно будет приятен другим. Да и меня саму стошнит от избытка вкусных вещей! Нельзя требовать от человека того, чего он не в силах из себя выжать. Салату не быть бульоном, а жареной курице — леденцом!!!

От централизованного воздуха опять начало мутить. Но какой-то заботливый Всевышний постепенно разбавлял его ветерком. Люди вокруг приходили в себя. От их разнообразия зарябило в глазах, и стало ужасно приятно, что они все так непохожи. И да здравствует такая жизнь!

Эй, где ты там, повар?! Привет!!!

Оформление Валерия РУЛЬКОВА

камера хранения

АВТОМОБИЛЬ. Название подвижного средства «автомобиль» идет от греческого «аутос» — сам и латинского «мобилис» — подвижный. В 1769 году названа «автомобилем» самоходная грузовая машина с паровым двигателем, которую изобрел французский механик Куньо. В 1882 году русские инженеры Путилов и Хлебов создали машину с бензиновым двигателем внутреннего сгорания и нарекли ее также автомобилем. Однако слово «автомобиль» утвердилось в мире только в 1894 году, когда на шоссе Париж — Руан состоялся первый международный автопробег. Рекордная скорость, достигнутая тогда, равнялась 20 км в час. А первым использовал буквы в номере «авто» в 1901 году берлинский коммерсант Р. Гертцог. Он написал на регистрационном знаке инициалы своей жены Иоганны Анкер. Новшество прижилось, так как позволяло буквами обозначать городскую «прописку» автомобиля. Позднее же к буквам стали добавлять цифры.

ФЛЕЙТА. Считается первым музыкальным инструментом в мире. Согласно преданию, 12-ствольная китайская флейта изобретена мудрецом Лин Луном. В Европу флейта попала из Азии лишь в средние века. Тип современной поперечной флейты создан Т. Бемом в первой половине XIX века. Затем появились русские кувилы, молдавский най.

БРЮКИ. Современное слово «брюки» со-

звучно латинскому «брака» (штанина). В латынь это слово пришло из Галлии. Во время завоевательных походов римляне видели много неизвестных для себя вещей. Необычным и удивительным было для них, носящих иную одежду, что во многих странах люди ходят в шароварах и штанах. Поэтому в народную латынь вошло заимствованное с кельтского «брака». Потом явилась необходимость в особом слове «бракатус» (обороченный, человек в штанах). В письменной латыни впервые появилось слово «брака» во II веке до н. э. В русский язык слово «брюки» пришло из голландского языка вместе с многочисленными голландскими мореходными терминами во время реформы Петра I. Сначала это было название части матросской форменной одежды. Поэтому в старых русских словарях 1789 и 1834 г. г. брюки были объяснены как «матросское платье» и «матросские штаны».

ДЖИНСЫ. Американский портной Л. Страус, выходец из Баварии, шил одежду выгодным клиентам — золотоискателям. Ткани требовалось немало, потому что те, кто промывал пески, очень быстро снашивали штаны. И однажды — это случилось в 1850 году — запас материи кончился. Но, к счастью, у Страуса было много вырезов из палаток, которые также поставлялись золотоискателям. Предприимчивый портной и решил сшить штаны из этого грубого, но прочного материала. Придумал он и оригинальный метод крашения одежды. Внешняя сторона штанов окрашивалась в цвет индиго, внутренняя оставалась белой. Это и были джинсы.

по сути дела

Слышала, что в Ленинграде открыт колледж. Правда ли это? И если да, то что это такое?

Наталья Кудрявцева,
г. Оренбург

Правда. В Ленинграде при кораблестроительном институте открыт средне-технический факультет или, как называют его здесь, — колледж. Словарь иностранных слов свидетельствует: 1) «Колледж» — в Англии — название разного рода учебных заведений, от университетского типа до средних школ; также общежития при высшей школе; 2) в США — название главным образом высших учебных заведений.

— Итак, чем отличается советский колледж от английских и американских? — спросили мы у декана средне-технического факультета Н. Г. Беловой.

— Прежде всего, своеобразие нашего колледжа заключается в том, что мы будем готовить кадры именно для себя, для своего института, — говорит Наталья Георгиевна. — Естественно, мы заинтересованы, чтобы поступали к нам не случайные люди, но уже ориентированные на ту или иную спе-

циальность нашего вуза. И еще. На наш взгляд, просто необходимо будущему инженеру или конструктору кроме добротных технических знаний иметь широкий кругозор по самым различным вопросам, разбираться в литературе, живописи, быть в курсе театральной жизни.

Принимают на средне-технический факультет ленинградских школьников, успешно закончивших восьмой класс. Условия приема примерно те же, что и в кораблестроительный техникум. Но программа обучения значительно отличается. Скажем, если в техникуме все общеобразовательные дисциплины проходят на первом курсе, то в колледже на изучение их дают два года. Намного больше часов уделяют физике, математике, информатике. Кроме того, создана кафедра гуманитарного образования.

После окончания второго курса студенты колледжа по выбору либо переходят на первый курс одного из трех факультетов кораблестроительного института, либо продолжают учебу на третьем курсе кораблестроительного техникума.

Тем студентам колледжа, кто занимается без троек, к тридцати рублям стипендии добавляют еще 25 процентов, а отличникам — 50 процентов.

В одном из номеров вашего журнала было дано объявление о мореходных школах, которые готовят рядовой состав для морского флота. Там есть адрес и Архангельской мореходной школы Северного морского пароходства.

С 1989 года наша школа перешла на подготовку специалистов рядового состава на суда заграничного плавания по следующим специальностям: моторист I класса — матрос I класса; электрик I класса — матрос I класса; повар-пекарь IV разряда — принимаются на эту специальность юноши и девушки. Официант судовой IV разряда — только девушки.

Возраст для ребят, которые могут у нас учиться, 20—26 лет (после службы в Вооруженных Силах), а для девушек — 18—25 лет. Все должны иметь среднее образование.

Принимаем мы без экзаменов, по конкурсу документов.

Начало занятий: сентябрь, декабрь, январь. Наш адрес: 163061, г. Архангельск, проспект Ломоносова, 58. Тел. 4-15-23.

Все выпускники после окончания школы направляются для работы на суда заграничного плавания в Северное морское пароходство.

В. Секушин,
председатель
приемной комиссии

846 До армии окончил техникум. Не скажу, чтобы в те времена жизнь кипела, но она все же была интересной: друзья, учеба, тренировки, яхт-клуб, турпоходы... Отслужил, вернулся, а все вокруг изменилось. Мечты и планы затягиваются пеленой повседневности. Нет, жизнь у меня не крушится и я не разочаровался в ней. Понимаю, что молодость требует активности. Надо идти к людям, найти свой жизненный путь и обрести себя. Но... в мыслях множество планов, а свободное время растворяется в мелких делах. О самосовершенствовании лишь мечтаю. Не вижу, где искать кочку, от которой можно оттолкнуться, чтобы вырваться из трясины. Не подскажете!

Евгений Г., 22 года,
г. Тольятти

847 Сижу целый день и думаю, что такое любовь. Очень тяжело, когда не знаешь, верить в нее или нет. Если понимать любовь как потребность помогать тому, кто слабее тебя, — получается жалость. Тяга к тому, кто сильнее тебя, — зависимость. А где же тогда светлое чувство к одному-единственному! Что вижу вокруг: брак «по нужде», замужество по расчету. Куда же девались наши прекрасные чувства!

Даша, 17 лет,
Кемеровская область

848 Мне 15 лет. В этом году переехала в новый город. У меня сразу сложились непростые отношения с классом. Совсем нет друзей. Вы думаете, это из-за характера! Да нет, на него как раз никто внимания не обращает. Думаю, что дело в моей национальности. Я — еврейка. Пожалуйста, откликнитесь те, кто судит о людях не по национальности!

Марина К.,
г. Минск

849 После того, как получил травму глаза, три месяца провалялся в больнице. Когда вышел, пришлось бросить самбо — любимый вид спорта. Потом познакомился с девушкой. Наверное, полюбил ее: обрел, боялся потерять. Судьба распорядилась иначе. Год назад она разбилась на мотоцикле. На моих глазах. После ее гибели забросил все, кроме музыки, пожалуй. Даже жить не хотелось. Сейчас на лодках вроде удается скрывать свою боль, а вот наедине с собой...

Некоторые завидуют моей любви, той любви, что оборвалась. Говорят: романтика! Другие сочувственно вздыхают. А я хочу встретить девушку, хоть немножко похожую на любимую... У знакомых ребят истории стандартны: дружит с девочкой, а пусть уедет куда-нибудь — она с другим. Неужели всегда так! Встречу ли я свое счастье!

Михаил,
Приморский край

850 Я очень некрасивая! Слышу столько всякой ерунды в свой адрес! Не хочется вспоминать... Но никогда не терялась, верила в себя: «Умный любит за характер...» И ничего не дождалась! Много читаю, неплохо разбираюсь в рок-музыке. Но это никому не нужно! Очень обидно...

Алена С., 17 лет,
Таджикская ССР

851 Нас в классе двое, поклонников группы «Алиса», — мы стойко заняли оборону. Ведь музыка, которая потрясает нас, не нравится ни учителям, ни родителям. Сестра сломала магнитофон. Домашние спрятали мои пластинки. Из школы одна за другой идут жалобы на мою прическу. Ну сил больше нет! Подскажите, как прекратить все эти недоразумения!

Юрий Сухоруков,
15 лет,
156008,
г. Кострома,
ул. Шагова,
д. 154, кв. 58

852 Я такая, какая есть. Не больше и не меньше. В мозгу всегда крутится ужасная мысль: не все вечно, все мы смертны. А я не хочу! Понимаете! Зачем

же тогда все, что называется жизнью! Зачем любить и ненавидеть! Ведь человек по сравнению с вечностью живет лишь мгновение! Ради мгновения стоило родиться! Когда читаю фантастику — тоскливо сжимается все внутри. В придуманном мире проблема жизни и смерти решена. Но я, реальная, не хочу умирать! Наверное, это подло, что жизнь так коротка... Конечно, эта мысль всплывает у меня не часто. Все зависит от обстоятельств. Но когда она приходит, хочется орать или просто зарыться головой в подушку и рыдать от жалости к самой себе!

Напишите мне, пожалуйста, кто-нибудь! Так тоскливо...

Ольга, 15 лет,
г. Архангельск

853 Надоело быть «народной заступницей!» Хочу быть сама собой, а не выслушивать сплетни и давать им оценки!

В седьмом классе взялась за сигарету. Курю и сейчас. Имею много «стоящих» друзей, которые разгуливают по району в качестве королей. А потом я должна выслушивать назидания учителей, родителей и «общественников», которые ни черта не соображают в современной молодежи, но во все лезут. «Как! Ты дружишь с хулиганами!» И я наблюдаю глазки, лезущие на лоб. А с кем еще дружить, с кем! С плюгавеньким мальчишкой в очках, что ли! Да спроси у него, что такое «кайф», он тебе ответит, что это новый вид кофе изобрели. О жене!

А еще у меня есть мечта — влюбиться в кого-нибудь, да так, чтоб на всю жизнь. Вот скажите, бывает так!

Жанна,
г. Ярославль

854 Познакомилась с очень хорошим парнем. У него практически нет недостатков. Разве что один физический — нет ноги. В этом все дело. Скоро будет год, как мы дружим. Но он часто выезжает в другие города на лечение. Все время говорит, что любит меня, просит, чтобы ждала. Вот и сейчас ему хуже. Врачи направ-

ляют в Ленинград. Это далеко. Он пытается меня успокаивать, но я в отчаянии. Что делать! Плакать! Если бы это помогло! Он уедет, а без него я теряю уверенность в себе, в своих чувствах. Быть может... Не знаю. На душе неспокойно. Помогите!

Майя,
Свердловская область

ИДЕЯ!

855 Многие стригутся только из-за того, что с длинными волосами много маает. С короткими хлопот не меньше. Если бы вы знали, сколько я канительюсь с прической! Каждое утро по полчаса стою у зеркала, а пока дойду до школы, все рассыпается. Но ведь хочется выглядеть хорошо! В целом мне мои волосы нравятся: немного вьются, и челка как будто осветлена (хоть я никогда не красилась). Давайте-на обсудим проблемы молодежной прически! Возможно интересная переписка!

Надя, 16 лет,
Архангельская область

ПОКАЖУ ДОРОГУ

В «Парусе» № 4 за нынешний год член Малой редколлегии Юлия Гилинская в подборке «Ищу друга» предложила читателям поделиться советами, опытом того, как самостоятельно выйти из трудного положения. Желание «поделиться пройденным» пока изъявили немногие. Их письма открывают новый раздел «Покажу дорогу».

856 Я решила откликнуться и написать тем, кто не знает, что делать с несчастной любовью, с неверной дружбой, с одиночеством... Все это сложно. В 14 лет тоже думала: жизнь уже кончена, друзья подлые и тупые, любви не существует. И — бросилась в крайность, в компанию. Целый год не училась, жила сегодняшним днем. Но вот встретила Андрию... Во мне все перевернулось. Это была судьба. Я перестала быть грубой — он этого не выносил. Бросила курить — ему это не нравится, меньше «штукатурю» лицо —

он этого не одобряет. Знаете, все постороннее отпало. На меня словно ведра ледяной воды вылили, чтобы встряхнулась. Ведь в 14 лет считается, чем ты хуже, тем ты лучше. И меня не обошла эта «болезнь». Но любовь-то, она лечит. Теперь думаю: а зачем «болеть»? Девчонки! Не гоняйтесь за сомнительным авторитетом у шпановых мальчишек, не лезбите перед ними! Ведь придет Он, обязательно придет! И тогда будет трудно бороться за то, чтобы Он поверил. И не попрекал прошлым. Не «болейте!» Неважно, сколько нужно ждать. Нет людей, у которых не бывает любви, есть люди, которые ее прошляпили... Желаю удачи!

Яна, 17 лет,
г. Киев

857 У вас когда-нибудь было так: хотите что-нибудь сказать и не подберете слов, не умеете вызвать к себе интерес собеседника! Или стараетесь быть в центре событий, а оказывается в стороне! Многие беды наши оттого, что мы не умеем общаться. Я могла бы долго расписывать тут, как я преодолела застенчивость, робость. Но лучше — пишите. Поделюсь своими секретами с каждым. Возможно, образуются заочная школа общения.

Светлана Никифорова,
19 лет,
420032, г. Казань,
ул. Шоссейная,
д. 23-а, кв. 34

ВОЗВРАЩАЙСЯ

858 Однажды на соревнованиях по ориентированию на местности в городе Архангельске познакомился с двумя девчонками. Подружились. Однако адреса обмениваться не успели. Вот все что о них знаю: зовут Маша и Наташа, по 15 лет, живут в Приморье. Приморье большое. Где же искать! Дима Игнашов, Архангельская область

859 Помогите разыскать человека! В каникулы наша подруга Инна Малиновская (Вайсман) уехала с родителями в Мурманск или Мурманскую область. До ноября 1988 года Инна

училась в школе № 27 города Северодвинска в 9 «Б» классе.

Ирина Рубцова и Виктория Добрынина, г. Северодвинск

860 Осенью прошлого года отдыхал в Ленинграде. В самый последний день на вокзале повстречал девушку. До сих пор не могу ее забыть... Почему пишу именно в «Парус»? Она говорила, что любит этот журнал, не пропускает ни одного номера. Девушка ехала в Ригу. Когда поезд уже отъезжал, я услышал, как она крикнула свое имя: «АЭЛИТА»... Я обращаюсь к ней! Вспомни парня на ленинградском вокзале, с которым ты провела несколько часов.

Олег К.,
г. Краснодар

ФАН-КОНТАКТ

Мне 15 лет. Поклонница восходящих звезд — Евгения Белоусова. Хотелось бы найти единомышленников из разных городов страны.

Наташа Шмырина,
г. Пермь

Одно из моих увлечений — музыка. Особенно люблю группу «Ласковый май». Буду очень благодарна, если откликнутся люди с таким же увлечением.

Вера,
Пермская область

Считаю Диму Маликова самым лучшим исполнителем. Кто согласен со мной — пишите! Отвечу с огромной радостью.

Гуля Гулямова,
15 лет,
ТАССР, г. Яван,
ул. Ленина, д. 36, кв. 42

Недавно был на концерте группы «Кино». Ее песни буквально поразили. Был бы не против получить письма от тех, кому импонирует то, что удается на сцене Виктору Цою.

Михаил Долженков,
Псковская область,
Дедовский р-н,
г. Пионерский,
ул. Строителей,
д. 43, кв. 53

Клуб «Судьбе назло» не теряет надежды получить письма от поклонников творчества Александра Серова!

Наш адрес:
446350,
г. Жигулевск, В-1,
д. 22, кв. 55

Мы поклонники итальянской эстрады. Особенно нравятся Адриано Челентано и Тото Кутуньо. Отзовитесь те, кто нас понимает!

Любовь и Алексей Козаченок.
Ленинградская область,
Выборгский р-н,
п. Хоцино,
ул. Шалавина,
д. 49, кв. 52

Заинтересовалась чилийским певцом Виктором Хара. Думаю, что переписка поможет собрать подробную информацию о нем и найти новых друзей.

Светлана Криенцова,
355020,
г. Ставрополь,
Литейный проезд,
д. 1, кв. 10

ЕЩЕ РАЗ ПРО...

861 С 13 лет нравились многие. Сейчас мне 14, и вот пришла первая любовь. Я встретила Его. Мы дружили месяца два. И вдруг он вернул мне все мои подарки, заявил, что не хочет больше видеть. Принуждать его я, конечно, не стану. Никогда! И он гордый — первый не подойдет. Но я не могу без него, без его улыбки, без общения с ним. Что же делать! Я не хочу жить.

Конечно, вы там (в редакции) пройдите мимо моего письма. И уж никак не приходится надеяться на публикацию. И все же! Вы не думайте — это не детские игры, которые завтра забудутся! Поймите меня! Опять же, не хотите публиковать (принцип моей жизни: не навязываться) — не надо! Напишите тогда в конце рубрики «Ищу друга» несколько строк по поводу того, с какого этажа прыгать, чтобы разбиться. А то, говорят, с пятого ничего не получится, да и с девятого — не всегда. В общем, посоветуйте. Это единственное, на чем я настаиваю.

Ира,
г. Куйбышев

Это письмо требует комментария, я поняла сразу. Не так часто у нас спрашивают совета по части прощания с грешной землей. Ну что ж.

Пятый этаж действительно низковат для того, чтобы взглянуть вниз и что-нибудь понять. Даже мысль о девятом лучше бы оставить внизу. А вот ступишь на крышу двенадца-

того (или выше!) — обязательно в голову стукнет что-нибудь этакое гениальное. И атмосфера подвывает отрезвляюще. Возможно, даже промелькнет мысль о продолжении вояжа улица-крыша-улица, то есть, мысль о спуске. В этом случае можно воспользоваться специальной веревочной лестницей, которая обязательно находится между выступом, соединяющим первый и второй подъезды дома. А на крыше любого мало-мальски порядочного здания тренируется секция по прыжкам с парашютом.

Но лестница и парашют еще не гарантируют благополучного приземления. Ведь и по дороге можно прыгнуть вниз. Неважно, на уровне какого этажа решишь прыгнуть — всемоглого или третьего. Летишь-то с двенадцатого. А это главное!

В общем, способов много. А еще можно отстоять гигантскую очередь на рейс Аэрофлота, например, Москва — Кривой Рог, и поставишь в затруднительное положение пилота прямо во время движения.

По-всякому можно. Только есть ли уверенность, что после шага из одной жизненной пропасти в другую смертельно не захочется назад! И рядом не окажется спасительной лестницы!

А если серьезно, Ира, тебе предстоит элементарная работа: сесть на стул, посмотреть на себя в зеркало и задуматься. Разобраться, как оно все было и почему так кончилось. Спокойно разобратся, забыв на время о том, что существуют высокие здания. Может быть, все само собой поймется и станет легче! Ведь люди расстаются и встречаются, встречаются и расстаются всегда — закон жизни. И не надо себя обманывать. Не надо маячить перед Ним, писать записки, останавливать в коридоре. Потому что если Он не дурак, то сам поймет, что теряет. И сделает шаг навстречу! А нет — надо махнуть рукой и еще раз в кого-нибудь влюбиться.

Так что давай-ка еще поживем.

Ирина НОЗДРИНА,
ведущая рубрики

С почтой рубрики работала Марта Малнач, Оксана Петрашевич, Александр Ревзин, Юлия Усс, Татьяна Дулевич, Елена Кагукина.

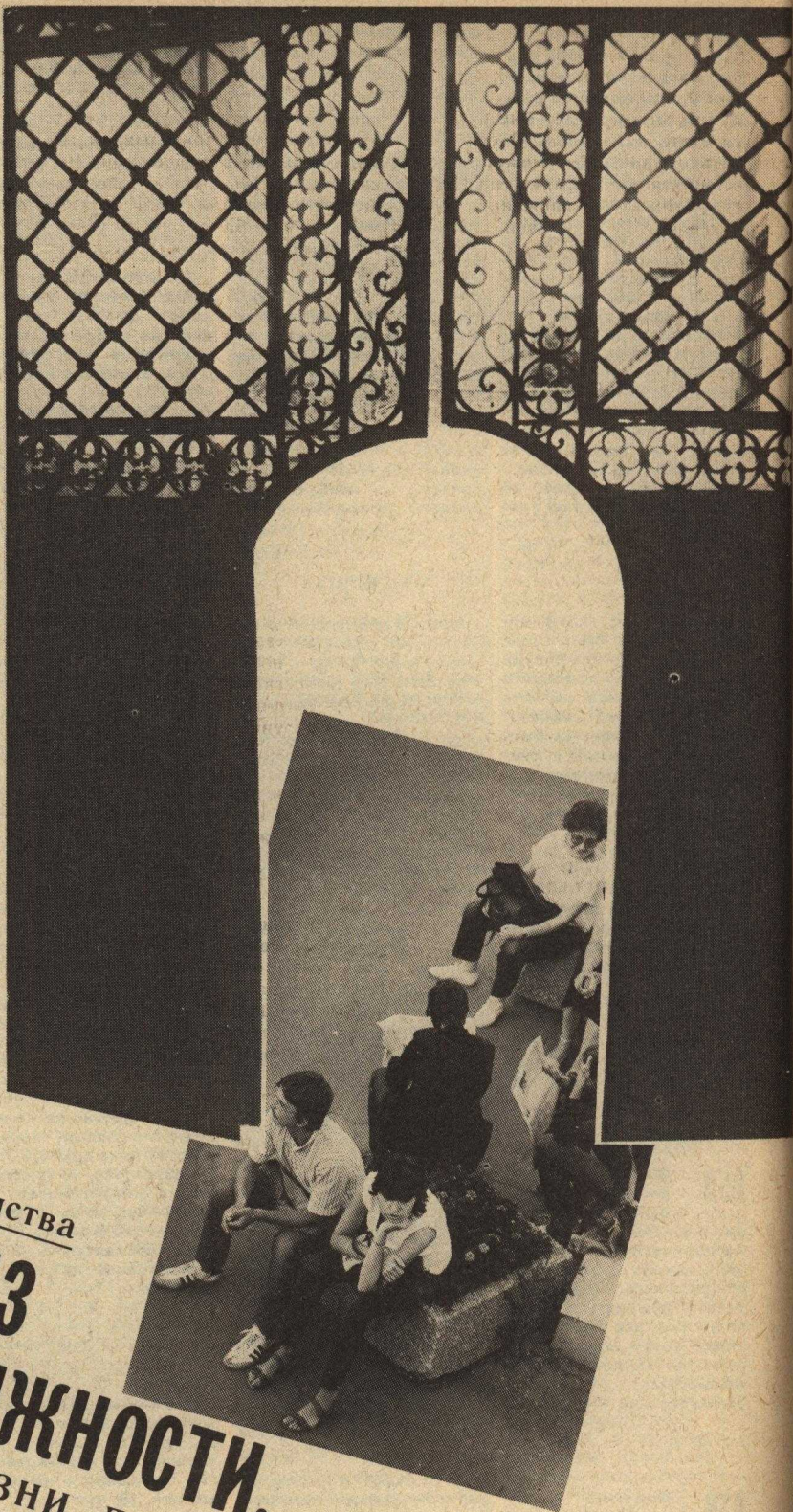
Как невозможно покорить с разгона горную вершину, так на одном дыхании нельзя прочесть и эти заметки Юрия Акудовича. Время от времени сжимается сердце, ибо заметки написаны на полях истории страшной болезни.

Для чего они вынесены на читательский суд, автор далее объясняет сам. Нам же, готовившим их к печати, подумалось вот о чем. В безысходные минуты жизни человеку, чтобы последним усилием рвануться к свету, необходима надежная опора. Юрий не пишет подробно, из каких глубинных колодцев черпал он по капле живую воду. Но, читая историю его восхождения, нельзя не заметить, как самоотверженно страховали висящего над пропастью те, кто был с ним рядом до самой победы.

Он победил вопреки обстоятельствам. И теперь, на зависть тем маловеерам и равнодушным, с которыми ему пришлось не однажды столкнуться, и на радость верным друзьям, у него есть своя покоренная вершина.

повод для знакомства

ПОБЕГ ИЗ НЕПОДВИЖНОСТИ, или ГОД ЖИЗНИ ДВАДЦАТИ- ЛЕТНЕГО ИНВАЛИДА

Стопроцентно счастливый и здоровый человек может не читать мои записки. Хочу верить, что они ему не пригодятся. Впрочем, я тоже не думал, что в 20 лет мне придется стать инвалидом. О себе писать трудно. Но, может быть, я смогу помочь тем, кто находится в тяжелом положении, кого оставляет вера в свои силы и надежда. Только ради этого и взялся за перо.

Случайность. Нелепая, роковая.

Играли в футбол. В безобидной ситуации столкнулся с игроком другой команды. Он ударил меня головой в подбородок. Я зашатался, и только.

Боль была какой-то непонятной — тупой, неясной. Несколько следующих дней — как в тумане. В поликлинике сказали — легкая травма, отправили на работу. Работал — продолжал тренировать группу туристов-пешеходов. Дальше в сознании все спуталось, да и в сознание приходил только время от времени.

Больница...

Помню, как делали снимок шеи. Медсестры привезли в рентгенкабинет, а сами пошли искать врача. Лежу голый на столе: Пока они вернулись, весь поиснел, стала бить дрожь.

Опомнился уже в палате с ужасно скрипучей дверью, за которой был пост крикливых медсестер. Все шумы чувствовал позвоночником. У медсестер падали ножницы, а у меня темнело в глазах от боли. Звонок телефона, резкий окрик, даже просто смех вызывали болезненную реакцию. Примерно в это время наступил паралич, полная неподвижность. Мог двигать только глазами, и то с трудом. Боль, все тело — только боль. На ночь, чтобы дать отдохнуть, мне вводили морфий. Наступали блаженные минуты какого-то подвешенного состояния, когда голова затуманивалась сладостной дремотой. Все тяжелобольные ждут этого момента, когда им сделают чудодейственный укол. По воскресеньям я вымалывал порцию и днем, мне это было совершенно необходимо, чтобы хоть как-то владеть собой перед посетителями. Лишний укол не просто было вылянчить. Медсестры пугали привычкой к нему.

Через неделю приехала мама. Держалась она хорошо, но я знал, чего ей это стоило. Я тоже, как мог, хорохорился. Те дефицитные лекарства, что она привезла с собой, пропали на следующий день. Но не это главное. За мной нужен был уход,

а друзей в палату тяжелобольных не пускали. Оказывается, меня надо было переворачивать с боку на бок не менее трех раз в день и протирать камфорным спиртом. Один раз в день подобную процедуру проделывали со мной нянечка с медсестрой. Но как?! Казалось, лучше бы вообще не подходили. Они катали меня, словно бревно, от их услуг тело пронизывала нестерпимая боль. При этом еще просили, чтобы я им сочувствовал: мол, как тяжело меня переворачивать. Я им сочувствовал, и поэтому мне стыдно было даже застонать — только слезы катились из глаз.

Примерно так же проходило и кормление. Правда, среди всех медсестер была и одна сестра милосердия. Во время ее дежурства, казалось, боль утихла сама по себе. Эта сестра была нежной, внимательной и красивой. Несмотря на свою молодость, она никогда не торопилась и не торопила. Каша у нее текла не за шиворот, а туда, куда ей и положено. После кормления всегда отыскивала в тумбочке что-нибудь вкусненькое. К сожалению, дежурила она очень редко.

С приездом мамы все переменялось к лучшему. Мама кормила меня, переворачивала и обтирала дважды на дню. С ее появлением и медицинский персонал стал относиться ко мне совсем иначе. Еще бы! Мама не жалела денег на цветы, конфеты, духи, коньяк...

Конечно, одной маме было бы трудно. На помощь пришли друзья, знакомые. Мне не забыть, как, пройдя через все заслоны, решительно врывался в палату мой первый наставник в туризме Саша Латокурский, как бережно и заботливо поднимал он меня и перекладывал на другой бок. На его руках я не чувствовал боли, наоборот, у измученного тела появлялось ощущение невесомости. А сколько в ту весну друзья перевели на меня клубники! Самой вкусной, крупной, ароматной. Она была моей почти единственной пищей.

Стали отказывать те органы, которые еще работали. Врачи сказали маме: «Теперь все зависит от почек». Наступил кризис — от кровоизлияния в позвоночнике произошло сдавливание спинного мозга. Я потерял сознание. К счастью, в тот день дежурил опытный и решительный врач. Он взял на себя смелость сделать пункцию без согласования.

Однажды во время перевязки, когда я уже мог слегка повернуться, посмотрел на свое бедро. Увиденное поразило: На месте бедра было что-то непонятное — огромная кисть красного винограда, покрытая желтой слизью. Ассоциация с виноградом была очень яркой и запечатлелась навсегда. Зрелище было до того жуткое, что я ни разу больше не посмотрел на свои раны, пока они не затянулись.

Мне уже не на чем было лежать, тело покрылось глубокими пролежнями.

...После кризиса первыми начали отходить руки. Я попросил книгу. Нянечка, подавая мне роман-газету, сказала: «Читай, милый, не думали, что доживешь до этого времени». С книги и началось мое возвращение в жизнь. Теперь я перестал быть одиноком, смог заглушить свои тоскливые мысли размышлениями о чужих судьбах. Любая книга казалась мне священной, как верующему «Библия». Читать было сложно физически, страницы я переворачивал с трудом, книга вываливалась из рук, но стал просить книги потолще, и побольше форматом, чтобы заодно тренировать руки. К концу дня доводил себя до изнеможения. Этого мне и надо было — засыпал уже без морфия.

Движение к ногам возвращалось намного медленнее. Стал напрягать мышцы, попробовал шевелить ногами. Когда немного получилось, скрипя зубами, начал подтягивать колени. И вот колени согнулись. Впору было ликовать — ведь я сам теперь смогу переворачиваться с боку на бок! Естественно, вначале я только помогал тем, кто меня поворачивал.

Как раз в это время Институт нейрохирургии переезжал в другое здание. Самых тяжелых разместили в реанимации. Уход здесь был значительно лучше — на каждую палату полагались персональная сестра и нянечка. Но сидеть и слышать все, что происходит, — жутко. В отделение за ночь привозили по трое-четыре больных в крайне тяжелом состоянии или уже мертвых. Шум в коридоре и стеклянные двери заставляли находиться в курсе всего происходящего. Утром медсестры и нянечки, передавая смену, делились впечатлениями, кого откачали, а кого нет и по какой причине.

Я стал бояться прихода ночи. Через некоторое время вернули в свое отделение, на седьмой этаж, в однуединственную палату. Опять появились друзья. Ребята шутили, что меня перево-

дней из палаты в палату не случалось. Двери, окна, различные ручки не работали. Но как ни много было у меня друзей, исправить все недостатки строителей они, конечно, не могли. Семидесятилетняя няня, открывая дверь, выломала ручку, упала и сломала себе руку.

Здесь я начал по-настоящему возвращаться к движению. Как только стали отходить руки, попросил кистевой эспандер. Когда смог садиться, начал заниматься с резиновым бинтом. Мне хотелось как можно скорее самому себя обслуживать, чтобы избавиться от унижительной беспомощности. Чем хуже ко мне относились, тем меньше хотелось обращаться за помощью. Нянечки в большинстве своем: хорошие люди, но их труд, неприятный, тяжелый, почти не оплачивается.

Режим у меня был простой, но довольно жесткий. Я просыпался с рассветом и до сумерек читал. В перерывах делал доступные физические упражнения. Как правило, день оканчивался рассматриванием заката. После перенесенных страданий многое воспринималось острее. И особенно природа...

Через некоторое время попробовал опустить ноги с кровати. Закружилась голова. Повторил попытку. В ступнях почувствовал сильную боль — на ногах была тонкая новая кожа, которая бывает у новорожденного, вся старая слезла и с ног, и с рук. Пришлось приучать стопы к новым ощущениям. Ноги быстро отекали, за пять минут они становились в два раза толще. Конечно, сидеть было очень приятно, но опухшие ноги потом долго болели. Когда они смогли выдержать вес тела, встал — с помощью нянечки. Вечером, несмотря на запрет подниматься, сделал свой первый шаг. К счастью, тогда я еще не знал о заключении врачей: всю жизнь будет прикован к постели, а если и сможет передвигаться, то только в коляске.

Я даже в мыслях не допускал, что не смогу ходить. Думаю, основная беда подобных тяжелобольных в том, что они, отдавшись на милость врачей, забывают бороться сами. В больнице человеком овладевает лень и пассивность. И если он уступит апатии, понадеется на врачей — пропадет. Во всяком случае, это мое мнение. Я понял: бороться со своей немощью надо с того момента, когда ты пришел в сознание. Упущенное время потребует стократных усилий. Из тех, кто взялся за восстано-

ление, вернувшись домой, не многие добились успеха. Одни, спасовавшие перед несчастьем, поверившие в свою трагическую судьбу, становятся «диктаторами». Они требуют от окружающих внимания, заботы, сочувствия. Беспрепятно капризничают и раздражаются. Другие, наоборот, раздражаются от излишнего внимания, пытаются все сделать сами. Их я называю «ясамистами». Они имеют куда больше шансов вернуться к нормальной жизни.

Если честно, то больше всего я хотел научиться ходить, чтобы самому добираться до туалета. Кто бы только знал, как опротивела «утка»!

Когда тело привыкло к вертикальному положению, а кожа на ногах задубела, попробовал делать физические упражнения. Помню первое занятие. Переполз к краю кровати. Одной рукой держась за кровать, другой за батарею, начал поднимать ноги. Удалось. Попробовал слегка присесть. Слегка наклонился вперед. Удалось согнуться сантиметров на десять. С таких показателей я начал борьбу за свободу движений.

На очередном профессорском обходе спросил у профессора: «Как мне заниматься дальше?». Он посмотрел на меня, на мою тумбочку, где лежали учебники по теории и методике физического воспитания, физиологии человека, и ответил: «Сам специалист, сам себя и восстанавливай». Все — больше никаких рекомендаций ни от кого я не слышал. Тогда расстроился, а теперь мне кажется, что это меня спасло.

В первую очередь, я решил выработать систему и последовательность занятий. Во-первых, на каждом новом занятии я начал нагружать себя чуть больше, чем на предыдущем. Во-вторых, каждый раз заставлял себя делать не только больше, но и качественнее. Маленькие победы вдохновляли, придавали уверенность, поднимали настроение.

Когда в первый раз вышел в коридор, держась за стенку, пожилая медсестра перекрестилась и позвала подруг посмотреть на чудо. Впрочем, разгугливать сил не было: возвращаясь в палату, с трудом переполз через порог.

Где-то через неделю ко мне зашел мой школьный друг Валера Смольянов. Возникла безумная идея «уйти в самоволку». До этого я переставлял ноги только по ровному полу, да и то спотыкался на каждом

пороге. Кое-как, боком, прислоняясь к стене, но все-таки сполз с седьмого этажа. На улице просидели с Валерой около трех часов. Ступив на лестницу, задал себе задачу: добраться до седьмого этажа не отдыхая. Подниматься пришлось одному, без подстраховки, «враскорячку», поскольку ноги еще не сгибались. Сердце колотилось, в висках стучало, пот застилал глаза, казалось, больше нет сил сделать следующий шаг... Добрался.

С этого дня начал спускаться вниз, на улицу, и тренироваться во дворе больницы.

Я не скучал, все время чем-то был занят. И, конечно же, друзья. Они не давали унывать. В конце болезни ребята посчитали, что за три месяца в больнице меня посетило более 90 человек. В основном, друзья по самодеятельному туризму.

Наконец, меня выписали.

На всю жизнь запомнилось: в свете фар старый дом, раскрытые ворота и мама с распростертыми руками. На ее лице — радость и печаль. И настороженность: сын — калека?

...Утром начал делать зарядку. Наклонившись вперед, кое-как дотянулся пальцами до колен. Подошел к калитке и присел. А встал, уцепившись за нее руками. Таких попыток сделал только две. Как обидно за свое ничемное состояние! Прежде всего нужны движения с большой амплитудой для восстановления подвижности суставов и силовые упражнения для ног. Для этой цели подходили маховые движения, наклоны, упражнения с резиновым бинтом и приседания хотя бы с помощью рук. Каждый день увеличивал количество упражнений, по несколько раз выполнял свой комплекс.

В первые дни на перевозку в поликлинику отвозили на «скорой». Потом убедился, что сам смогу добираться. Оказалось, если надевать носки лежа на животе, то минут за десять можно кое-как справиться. Еще и эффективное упражнение! От максимального напряжения увеличивалась гибкость и подвижность суставов. С брюками было проще. Надевал их, подтягивая вверх с помощью кочерги. А обувь носил без шнурков и застежек. Дорогу в поликлинику выбирал самую глухую, чтобы поменьше встречать знакомых. С меня хватало того, что когда я проходил мимо ателье, где работала мама и сестра, все работницы устремлялись к окнам, чтобы посмотреть на пока-

леченного сына Александровны...

Мучительные ночи. Каждые полчаса просыпался от боли: мышцы, натруженные за день, затекали и начинали ныть.

Недели две делал зарядку во дворе, а затем выбрался на улицу. Добавил ходьбу. Попытался перейти на бег. Не получилось. Чтобы облегчить боль, оборачивал места с пролежнями простыней и сильно перетягивал резиновым бинтом: мышцы меньше тряслись. Первые попытки бега — неловкое хромание на прямых ногах. Два-три шага ходьбы, два-три — бега. Длина пробежек постепенно увеличивалась: 10, 30, 50, 100 метров. А там — до дороги, до моста, до пригорка, до заманчивого леса...

Простыни после бега были насквозь пропитаны гноем из пролежней. Но я с каждым днем чувствовал себя лучше. Вскоре врачи при перевязке отметили, что пролежни перестали увеличиваться, а затем начали затягиваться. Это работающие мышцы разогнали застоявшуюся кровь, насытили поврежденные участки кислородом. Теперь было чему и чем бороться с инфекцией.

В начале осени первый раз поехал в Минск оформлять документы: прошло четыре месяца, как я на больничном.

Чтобы попасть на прием к председателю профкома, всякий раз приходилось подолгу торчать в приемной. Сидеть я не мог, долго стоять тоже — из переувлажненных простыней по ногам тек гной. Председатель выскакивал из кабинета, бросал на ходу: «Придите после обеда». Если дело было к концу дня, то говорил, что уходит в райком. Или: «Занят, подождите в приемной». Борьба с этим человеком стала самым тяжелым моральным испытанием, нервы не выдерживали этого издевательства, а профсоюзный лидер все чего-то выжидал, не решаясь оформлять травму. Из приемной я выходил с чувством безысходности и прятался в темный угол, чтобы никто не заметил моего состояния.

Но вот акт о трудовом увечье у меня на руках. Иду во ВТЭК, чтобы доказать, что могу работать. В ответ — то скептические, то недоумевающие улыбки членов комиссии: ведь другие пострадавшие стремились убедить их как раз в обратном (в очереди делились опытом, как перехитрить врачей, что для этого нужно говорить, как приговариваться). Мне определили вторую группу инвалидности с пол-

ной потерей трудоспособности. Это означало, что я не буду работать.

Долго бродил по городу и размышлял... Я лишний человек? Никому не нужный? Калека?

Вернулся домой и стал заниматься еще активнее. В основном, бегал. Постоянно наращивал объемы, и в ноябре уже пробегал по 17 километров в день. Это меня вдохновляло. Одновременно взялся за учебу. С утра проводил тренировку, а затем шел в библиотеку и трудился там до тех пор, пока были силы.

...Хорошо, что человек не знает своего будущего. Вера хоть в какое-то предназначение дала мне психологическую опору. Физические упражнения укрепляли тело, интеллектуальные — дух. Тогда я еще не знал о методе лечения, предложенном американцем М. Мэрфи. Суть его в том, чтобы пробудить в человеке скрытые или не развитые творческие способности. Пробужденный талант подавляет болезнь, утверждает Мэрфи. Думаю, в моем случае «эффект Мэрфи», на который я вышел интуитивно, находит еще одно подтверждение. А легендарный олимпийский чемпион Юрий Власов считает: «Каждый может стать сильным. Каждый может внушить себе определенные мысли и преодолевать болезненные состояния. Человек без цели — потенциально больной. Но у меня ведь есть цель, есть, повторял я себе. Я презирал себя за то, что позволил всем хворям так пристегнуть себя, я разжигал в себе ярость и ненависть к болезням. Так я пришел к идее волевого управления организмом. Изучил все системы физического оздоровления, составил свою и начал тренировки. Мало кто верит, но пришло время, и мое физическое состояние стало лучше, чем в годы молодости, спортивного расцвета. Надо только верить. Непокоримо верить в правоту того, что творишь». И я верил.

После всего пережитого я воспринимал жизнь восторженно. Мои чувства были созвучны пробудившейся весне... Для меня уже ничего не стоило за пять километров сбегать послушать соловьев. Я бежал и наслаждался ощущениями, исходящими от мышц, от легкости тела, его послушности и мощи. Живу, опять живу!

Летом уехал инструктором на турбазу «Озеро Нарочь»: там не требовали трудовой книжки. Инвалидов, конечно, в инструкторы не берут, и поэтому я работал

так, чтобы ни один человек не заметил «подмены».

Потом был альплагерь в Домбае. На занятиях отмечали мою хорошую физическую подготовку, ставили в пример. Мне было смешно: инвалид II группы — пример. Но не все просто давалось, особенно трудно идти с рюкзаком — нестерпимо болел позвоночник в месте перелома. Но не боль меня заботила. Главное, чтобы никто ее не увидел. Вроде бы дурачась, я перевешивал рюкзак на грудь или еще что-либо придумывал...

И вот — зачатное восхождение на вершину Суфруджу. Шли в сплошном тумане, мело. Путь отмечали захваченными с собой веточками, поскольку следы тут же исчезали под снегом.

И я поднялся на Суфруджу. На вершину в четыре тысячи метров. Я ее покорил. Я счастлив...

Так закончился самый важный год в моей жизни.

Потом было много событий: мытарства с устройством на работу, появление собственной семьи, походы по Кавказу и Саянам, чемпионат СССР по лыжному туризму, спортивные награды... Для всех, кроме самых близких, я стал нормальным человеком. И сам себя таким считаю.

Наверное, все забывается. Можно не вспоминать и о том, что было со мной. Но, встречаясь с инвалидами, молодыми ребятами, я вижу, как нужна им надежда на возвращение.

Да, в жизни бывают страшные остановки. Но природа никогда не оставляет человека без шанса выкарабкаться. Шанс есть. Надо только верить себе, не жалеть себя. Никто не понесет твой собственный крест и никто не поможет тебе больше, чем ты сам.

Вот на этом я и закончу.

Юрий АКУДОВИЧ,
зам. директора
Республиканской станции
юных туристов,
кандидат
в мастера спорта,
г. Минск

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

ПООБЩАЕМСЯ?

Как-то умудрились выяснить, что на общение с другими людьми — в школе, на работе, в автобусе, на дискотеках, на скамейке у подъезда, в консерватории, в очередях, на кухне — у нас уходит до семидесяти процентов времени (не считая, естественно, часов, когда мы спим). У руководителей же еще больше: до восьмидесяти.

Видимо, это в среднем, потому что есть люди, и вовсе лишенные такой роскоши, как общение. И иногда по своей вине. Ну, просто не дано человеку «чувство коммуникабельности», как нет у некоторых чувства юмора, например.

А вы умеете общаться? Проверьте это с помощью теста, за основу которого взят опросник В. Ф. Ряховского «Коммуникабельны ли вы?» Наше тради-

ционное напутствие: не относиться к выводам в конце теста слишком серьезно, считайте их лишь поводом задуматься о себе и своем характере.

На каждый вопрос нужно отвечать «да» (2 очка), «иногда», «бывает», «случается» (1 очко), «нет» (0 очков).

1. Завтра вам предстоит свидание. Не то чтоб любовное, но и к деловым его отнести трудно. Скажем, знакомый (ая) позвонил (а) и неожиданно попросил (а) встретиться. Вы прилично взволнованы, размышляете об этом, возможно, с трудом засыпаете?

2. Вы приехали в город, где живут несколько ваших родственников. Остановились у одного из них. Ясно, остальные знают о вашем приезде, и о том, чтобы не навесить их, не может быть и речи. Вы оттягиваете эти «визиты» до последнего момента?

3. Классная, или мастер, или комсорг попросила вас выступить на собрании с каким-то сообщением. Вы очень недобролы?

4. Жизнь стала сложной — и дела не ладятся, и на личном фронте «прокол». Вы не преминете «поплакаться в жилетку» даже не очень близкому человеку?

5. Настроение по-прежнему паршивое. А на улице к вам подходит незнакомец и просит показать дорогу на вокзал (интересуется, который час, спрашивает, где ГУМ, и т. п.). Вы отвечаете с раздражением?

6. К старым неприятностям добавилась ссора с родителями. Объясняете ли вы ее тем, что «отцы» и «дети» никогда не смогут договориться между собой?

7. Знакомый занял у вас трешку и благополучно об этом забыл. Напомните ли вы ему о долге?

8. Наш общепит иногда позволяет себе кормить нас шницеля-

лантливым молодым писателем. Его мнение вы категорически отвергаете, признавая лишь свой вкус?

13. В гардеробе вы услышали, как две девицы увлеченно рассказывают друг другу, что неделю назад известная рок-звезда повесилась, «наевшись» наркотиков. А вы вчера видели ее живой и здоровой во «Взгляде». Вы не преминете просветить девушек на этот счет?

14. Приятель просит вас помочь разобраться в пропущенной им теме по алгебре. Или проверить сочинение. Просьба вызывает у вас досаду?

Теперь подсчитайте, сколько очков вы набрали.

26—28 очков. М-да, назвать вас общительным можно с очень большими оговорками. Вы явно предпочитаете уединение, хотя иногда сами себя за это казните. Всякое «групповое» дело вас раздражает и при любом удобном случае вы стараетесь от него увильнуть. Ясно, что это не способствует вашим контактам с окружающими, которые постепенно все больше и больше отдаляются от вас. Подумайте, может, дело не в том, что вы не хотите быть «в стаде», а в нежелании идти навстречу другим людям?

24—25 очков. Не очень-то вы разговорчивы, во всяком случае, сами беседу вряд ли начнете. Приятелей у вас немного, хотя друг, который вас знает давно, прощает вам замкнутость, понимая, что не это главное. Переход на новое место работы или учебы вас пугает — именно из-за необходимости новых контактов. Впрочем, бывает, что, увлекшись каким-либо делом, вы забываете о своей «нелюдимости» и становитесь достаточно общительным человеком. Вот такое состояние и старайтесь в себе поддерживать.

19—23 очка. Ну, что ж, вы довольно общительны и даже в незнакомой компании чувствуете себя «в своей тарелке». Новые знакомства вас не смущают, но это не значит, что вы будете их охотно продолжать. В общем разговоре вы можете своевременно вставить свои «пять копеек», однако в жаростные споры и глубокие дискуссии вступаете редко. Порой вы неоправданно саркастичны, это кое у кого вызывает раздражение, так что контролируйте себя, когда собираетесь отпустить очередную шутку.

14—18 очков. У вас с общительностью все в порядке. Благодаря любознательности, вы без труда выслушаете любого

нового собеседника. К вашим достоинствам нужно отнести и то, что возражаете вы, не горяча, не пылая, не давите на других, а пытаетесь убедить. Новые контакты даются вам легко и просто, по крайней мере, внешне.

Если вас что и раздражает, то многословие, суетливость, экстравагантность, хотя и в этих случаях вы умеете сдержаться.

9—14 очков. Да, уж в чем-чем, а в необщительности вас не упрекнешь. Правда, это тот случай, когда подтверждается истина: наши недостатки — продолжение наших достоинств. Вам не мешало бы чуть умерить любопытство, чуть меньше говорить, а главное — чуть реже высказывать свое мнение по любому поводу. Признайтесь: вы любите быть в центре внимания. Отказывать в просьбах вы не умеете, даже тогда, когда выполнить их не в ваших силах. Случается, что вдруг вспылите, но, к счастью, быстро отходите. Чего вам не мешало бы приобрести, так это усидчивости и умения не пасовать, столкнувшись с серьезными проблемами. Однако если захотите, то можете себя заставить не отступить, довести начатое дело до конца.

4—8 очков. О таких, как вы, говорят «рубаха-парень». Общаться, быть на людях — для вас необходимость. Ни одно дело вы мимо себя не пропустите, особенно если... делать ничего не надо, но зато можно ввязаться в спор или дискуссию. Выступаете вы обязательно, даже когда не совсем представляете, о чем идет речь. Начать дело для вас важнее, чем его закончить. Окружающие относятся к вам доброжелательно, но с некоторыми сомнениями. В общем, чуть больше самоиронии вам бы не повредило.

3 очка и меньше. Общение с вами требует некоторых усилий. Ваша разговорчивость сама по себе, быть может, и не вызвала бы протеста, когда б вы не стремились быть судьей в делах, к которым не имеете ни малейшего отношения и в которых, по правде говоря, не очень-то разбираетесь. Объективность, терпеливость, сдержанность не входят в число ваших добродетелей, а вот обидчивы вы чрезвычайно. Надо бы вам поразмыслить о том, что любой характер — в том числе и свой — можно улучшить.

ми, по прочности не уступающими легированной стали. На этот раз супертвердый, но зато лишь слегка пахнущий шедевр кулинарного искусства достался вам. Будете скандалить?

9. В электричке напротив вас сидит человек, явно расположенный поболтать. Вы отвечаете на его вопросы односложно, мысленно посылая... в другой вагон?

10. Очереди — фирменный знак нашей торговли. Появилась даже мудрая народная примета: «Если стоит очередь, значит, что-то дают». Сегодня «дают» нужные вам кроссовки, и очередь, сами понимаете, не на 10 минут. Будете стоять?

11. Конфликт: ваша подруга Иванова поругалась с вашей подругой Петровой. Естественно, обе бросаются к вам — рассуди, кто прав. Вы беретесь за роль судьи с большой неохотой?

12. Посмотрели «Дни затмения» — не понравилось. Прочитали «Аварию» — класс! А у приятеля все наоборот: Сокурова он считает гениальным режиссером, а Короткова — только та-

Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

по сути дела

ВСЯКАЯ ПОГОДА — БЛАГОДАТЬ?

Но кому нужно знать погоду заранее? И без того плохо, когда она портится, зачем же еще мучиться наперед?

Джером К. Джером

В ноябре 1854 года, когда шла Крымская война, в Черном море разыгралась буря.

Пожалуй, ни один шторм не сделал так много для России и метеорологии. Почему для России — понятно: спешивший к Севастополю англо-французский флот был почти полностью уничтожен.

А метеорология? Дело в том, что правительство Франции поручило директору Парижской обсерватории Урбену Леверье выяснить, нельзя ли было предвидеть эту бурю? Леверье получил данные метеонаблюдений за два дня, предшествовавших шторму, и нанес на карту траекторию его движения. Стало очевидно, что, сделав он это заранее, время бури в районе Крыма можно было бы предсказать.

Так получили ответ на давно занимавшую метеорологию задачу: наблюдение или прогноз? Можно ли было решить ее раньше? Ни в коем случае. Не случайно в XIX веке синоптику называли метеорологической телеграфией — до изобретения телеграфа получать одновременную информацию о погоде из разных мест было невозможно. Син оптик, кстати, так и переводится: одновременно обзореваю.

Днем рождения нового раздела метеорологии — СИНОПТИКИ — можно считать 1 июня 1860 года. В этот день Голландский метеорологический институт издал впервые штормовое оповещение.

Не следует думать, что новая наука сразу же была встречена с восторгом, о чем красноречиво свидетельствует судьба одного из пионеров синоптических прогнозов Роберта Фицроя.

Фицрой, которого Чарльз Дарвин назвал личностью выдаю-

щейся, был прямым потомком короля Карла II. В 23 года он уже командовал легендарным кораблем «Бигль». Потом стал адмиралом, генерал-губернатором Новой Зеландии, членом парламента. А на старости лет вдруг возглавил Метеорологический департамент Бюро торговли.

С февраля 1861 года Фицрой начал регулярно рассылать штормовые оповещения на побережье Великобритании. Сначала в 50 пунктах, а в августе уже в 130 портовых городах и рыбацких поселках с нетерпением ждали депеш от Фицроя.

Ясно, что синоптические карты, которые он рисовал, по точности во многом напоминали географические до открытия Америки: ведь в XIX веке не было ни разветвленной системы метеостанций, ни радиозондов, ни метеоспутников, ни способов быстрой обработки информации. Пресса и скептики, тем не менее, не прощали Фицрою ни одного промаха, и нервы первого синоптика мира не выдержали — 30 апреля 1865 года он застрелился.

Посмертной наградой Фицрой было восклицание безвестной шотландской рыбачки: «Господи, кто же теперь позаботится о наших мужьях!»

Восклицание вполне резонное, так как комиссия, назначенная после смерти Фицроя, взялась за дело круто: Департамент прикрыла, а прогнозы упразднила, считая, что «...еще нет научных обоснований для ежедневных предсказаний».

Однако остановить прогнозистов было уже невозможно. Правда, после самоубийства Фицроя некоторые из них стали осторожнее, как, скажем, синоптики из Датского метеоинститута, кото-

рые давали прогноз лишь в трех вариантах: «Хорошая погода», «Неустойчивая» и «Плохая».

Их русские коллеги действовали куда смелее. С 1874 года из Санкт-Петербургской Главной физической обсерватории штормовые предупреждения начали регулярно высылаться в балтийские порты, а затем и на Ладожское озеро. Точность прогнозов была довольно высока: в 1877 году, например, из всех предупреждений оправдалось 62 процента, не оправдалось — 34, опоздало — 4. А уже в 1899 году число точных прогнозов возросло до 79 с половиной процентов.

Шло время, синоптическая метеорология набирала силу, вес и... штат. Сейчас в международном обмене метеоинформацией участвуют свыше 10 тысяч метео- и 800 аэрологических станций, около 5 тысяч судов, десятки метеоспутников. Целая армия наблюдателей в урожайный час снимает показания с приборов, размещенных на островах, в горах, пустынях, на полюсах, на экваторе, и передает в эфир в виде цифровых групп.

Но эти доклады — лишь сырье, которое нужно переработать, то есть, нанести на синоптические карты. У нас в стране этим занимаются в Гидрометцентре СССР.

Вся метеоинформация попадает в главный радиоцентр (ГРМЦ). Оттуда — в вычислительный центр, а затем уже в ви-

де карт распределяется по отделам, где над их расшифровкой корпят тысячи сотрудников Гидрометцентра: метеорологи, гидрологи, океанологи, агрометеорологи, математики, программисты, связисты, операторы ЭВМ, электронщики, техники.

В отделе космической информации мы смогли увидеть нашу планету с разных сторон — на дисплее. Нажали кнопку, Земля повернулась одним своим боком, потом другим, потом показалась вся сразу. На черно-белой картинке видно, как белое равное пятно постепенно перемещается влево по экрану. Это шел циклон.

Вообще-то, гордо заявляли нам сотрудники Гидрометцентра, главное в их деле — умение работать головой. Компьютер не всегда способен «обмозговать» природную ситуацию, выручает опыт метеоролога. Опытные синоптики, как шахматисты, помнят тысячи «партий», разыгранных в разное время года и, благодаря этому, предугадывают самый неожиданный «ход» погоды. Так что ЭВМ — хорошо, но ЭВМ и синоптик вместе — лучше.

Между прочим, тот прогноз, который мы читаем в газетах

или слышим по радио, составляет всего 3—5 процентов от общей метеоинформации. Погодой интересуются все: от космонавтов до дорожной службы. Для каждого «потребителя» информацию надо подготовить на понятном ему языке. Для телезрителей программ «Время» и «120 минут» пишется литературный текст с определенным настроением, акцентом. Для других — это чаще всего буквенно-цифровые обозначения или специально принятые термины.

Англичане подсчитали, что метеопрогноз оправдывается в 85 случаях из ста. А вот расписание пригородных поездов нарушается гораздо чаще. Поэтому не будем чрезмерно иронизировать над синоптиками. Лозунг «Да здравствует 1-е апреля — Международный день синоптика!» безнадежно устарел.

Но, например, пассажиров, тоскующих в аэропорту, видно, мало радует, что предсказанная синоптиками «нелетная погода» действительно нелетная. Так же, как виноградарей не приводит в восторг сбывшийся прогноз о граде, или моряков — о шторме. Вот если бы синоптики могли воздействовать на атмосферу, так, чтобы никакие грады, засухи, ураганы, тайфуны, ливни и т. д. нам не грозили...

Думать об этом начали не мы с вами. И действовать тоже. От гроз избавлялись звоном в колокола. От засух неплохо помогали ритуальные танцы девушек, завернутых в листья мака и папоротника. С ростом образования перешли к стрельбе из пушек по облакам — это при сильных ливнях. Универсальным средством от всех катаклизмов считалось примерное поведение — небо тогда тоже вело себя прилично.

Но время от времени стихии все-таки проявляли свою природную гнусную сущность.

7 октября 1737 года двенадцатиметровая волна с Бенгальского залива обрушилась на дельту Ганга. Погибло 300 тысяч человек.

В 1869 году в США в районе Великих Озер ураган уничтожил 2 тысячи кораблей.

В 1954 году в Японии тайфун Мария лишил крова около 100 тысяч человек.

Это, конечно, все дела давно минувших дней. Но и в наше время погода не успокаивается. В США ущерб от града ежегодно превышает 700 миллионов долларов. В других странах грады тоже случаются, и нередко.

Как и засухи, и прочие неприятности.

Метеорологи, не надеясь на примерное поведение всего человечества, попробовали «засевать» облака гранулами сухого льда и йодистого серебра. Предполагалось, что дожди из таких облаков польют как из ведра и с засухами будет покончено. Первоначально «дождевые» проекты принимались с большим оптимизмом во всех странах, но со временем оптимизма поубавилось. Небо почему-то реагировало на посев разнообразно: иногда осадков выпадало много, иногда не выпадало вообще.

Несколько успешнее идет борьба с градом. Во Франции, например, потери от градобоев удалось снизить больше, чем на 20 процентов. Да и у нас в стране специальные противорадовые отряды, которые созданы в Узбекистане, Таджикистане, Закавказье, на Северном Кавказе, в Молдавии, сражаются со стихией довольно успешно: по оценкам некоторых специалистов они снижают ущерб от града на 60—90 процентов.

Попытались метеорологи утихомирить и катаклизмы пострашнее града. Американец Гордон Клоузер, заслуживший у журналистов прозвище «охотник за ураганами», считал, что если засеять облака близ центра тропического урагана йодистым серебром, то можно уменьшить его убийственную силу. Увы, один из его полетов «в ураган» закончился трагически — охотник сам оказался жертвой.

Американцы испытали еще один способ борьбы с этим стихийным бедствием: покрыли вычисленную поверхность океана мономерной пленкой. Урагана действительно удалось избежать. Но эта победа оставила Америку без влаги, урожай чуть не погиб от засухи. Пришлось решать, что хуже: естественный катаклизм или искусственный.

В общем, пока погода плохо поддается управлению. И нам остается довольствоваться сомнительной формулой: «ВСЯКАЯ погода — благодать».

Но лучше быть готовыми к ее сюрпризам, а это значит — развивать метеорологию, самую, быть может, трудную из всех наук на Земле.

Ольга СОКОЛ,
Алексей ТЕРНЕНКО

Рисунок Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

К свободе — хлопнув дверью?

Отчет о работе редакционного телефона доверия

— Я вам просто так звоню, от нечего делать... Плохо слышно? Это автомат такой — сейчас попробую треснуть как следует... Зато он без «двушек» соединяет — случайно напоролась... А вообще я ушла из дома. Сейчас скажете: «Дура, а ну-ка мотай быстренько назад!» Да?

— Я не против ухода, если это дело принципа. По-моему, в жизнь надо входить на своих ногах. Но ты ведь не ушла, признайся, ты ведь сбегала, изво всех сил хлопнув дверью...

— Да, она кричала в окно: «Иди-иди, стерва, и можешь не возвращаться!» И эти толстые клуши на скамейке рты разинули... Откуда вы знаете?

— Расскажи лучше, почему вы поссорились...

— А-а, не из-за чего. Или из-за чего обычно... Тогда я задержалась. В компании. Ну, все ребята сидят в беседке — ничего, а мне что, в десять вечера бай-бай? Ну да, конечно, могла бы и до двенадцати прийти... Ну, вышло так. Мать встречает — и ни слова. Не разговаривает. Не хочет — не надо. Я тоже молчать умею. А на третий день после работы пришла и с пол-оборота завелась — шляться, мол, я горазда, а в магазин не схожу. Я действительно тогда не смогла — как будто у меня не может быть своих дел! Ну, и я тоже рот открыла — почему ей можно на меня, а мне нет? Еще и руки распускает...

— И что же ты делаешь все это время?

— Первую ночь переночевала у Ленки — приврала, что моя уехала, а я одна боюсь. Потом решила поехать к одним знакомым в пригород. Ленка работает — с утра ушла из дома. И, как назло, денег нет — одни копейки. Посидела во дворе, потянулась на вокзал — электричка только ушла, жди теперь. Слоняюсь от нечего делать. Подходят двое — командированные, козлы, самим, небось, по тридцать. Ну, я рассказала все как есть — вроде сочувствуют. Деньги предлагают. Поесть позвали в сквер за вокзалом. Достала водку, колбасу. Я есть хотела, а водку не пила. А они выпили — и приставать ко мне...

Сегодня у нас две прямые телефонные линии пересеклись. А при пересечении лему: почему «подаются в бега»!

предъявите права!

«Ходим мы по краю...»

Для завязки я хочу привести письмо:

«Внимательно читаю консультации прокурора. К сожалению, прокурор не нашел нужным уделить внимание злободневной теме — взаимоотношениям молодых с родителями. Подросток самовольно оставляет семью. Не учится, не работает, существует на сомнительные средства. Преступлений не совершил. Только отбилась от дома. Милиция сообщает сведения родителям о его местонахождении.

Что дальше? Водворить его в семью насильно? Невозможно. Уговорить? Но надолго ли?

В семье подростку не могут дать того, что он имеет на воле: полную свободу от каких-либо обязанностей, возможность выпивать, путешествовать на легкой машине без надзора старших, питаться вкусными закусками, заниматься сексом. Он снова самовольно оставляет семью.

В любом случае родителям

остается жалкая участь — постоянная тревога, полное бесправие, ранняя седина, инфаркты. Безвыходность. И полное отсутствие Закона об обязанностях детей.

Только не надо объяснять, что родители сами виноваты. А еще виноваты застой и сталинщина. Это понятно.

Но сегодня решается будущее не только этих детей, но и всего общества. Обозначив виноватых и причины распушенности детей, горю не поможешь. Отдельные люди-энтузиасты, посвящающие себя «трудным», проблемы не решают. И Закон, и вся информативная служба направлена на защиту детей, но об обязанностях перед семьей нет Закона, нет передач, статей, бесед.

Мне не нужен ответ редакции, поэтому свой адрес не сообщаю. Надеюсь прочитать в журнале еще одну консультацию прокурора — о взаимоотношениях с родителями.

Конечно, вы понимаете, я на-

писала не «от нечего делать», у меня в семье горе.

Лидия Александровна,
г. Барнаул»

Упрек брошен нам, юристам, найдите управу на наших детей! Ну, что же, управа, в общем-то, есть. Когда родители заявляют, что сын или дочь ушли из дома (естественно, несовершеннолетние), объявляется их розыск. Подростков задерживают в поездах, на вокзалах, доставляют в приемник-распределитель, находят их родителей, «возвращают» назад домой. Естественно, беглеца ставят на учет в комиссии по делам несовершеннолетних. То есть, механизм есть. Но срабатывает ли он? Можно ли насильно привить любовь к семье?

Бегство — это всегда сигнал тревоги. Не бегут из дома, в котором все хорошо. Хотя «хорошо» и «плохо» со стороны не всегда даже объяснимы. Я могу понять, когда пацаны убегают от тесноты, грязи, от

Еле отвязалась... Тоже «добренькие»...

Я не хочу ни от кого зависеть. Конечно, могу пойти к знакомым — но не хочется в таком состоянии, просить не хочется — ни денег, ни еды, ни ночлега... С матерью — это серьезно. Мы разные. То она передо мной стелется, то вдруг — как с цепи... Я, что ли, виновата, что у нее жизнь не клеится?

— А может быть, и ты...

— А может быть, и я... К ней ходил один — с ее работы. А однажды ночевать остался. Я ей такое на следующий день устроила! Дура вообще-то была. То я ее пасла, то она меня теперь. А жизни нет. Однокомнатная квартира — ни мать пригласить никого не может, ни я. Может, от этой тесноты мы вечно ругаемся?

— Ты учишься, работаешь?

— Окончила школу. Подыскиваю работу. Может, ученицей в парикмахерскую возьмут — пока, конечно. Потом что поинтересней подберу. Всю жизнь ногти пилить — ужас!

— Ну, а куда же ты сейчас

пойдешь — опять на вокзал?

— Не знаю.

— Видишь ли, уйти из дому — серьезный шаг. Уходить стоит по-другому — не хлопая дверью. Чтобы стать самостоятельным человеком, наверное, нужно найти сначала работу, суметь прокормить себя, оплатить угол, который будешь снимать, — на общежитие ведь как повезет... Это новая, совсем не легкая жизнь. Ведь ты к ней не готова? Самостоятельность, увы, — не только свобода от родительской опеки... Пока же, отстаивая независимость, ты попадаешь в еще большую зависимость, и уже не от родного человека, а от случайных, не всегда порядочных людей — как ты сама уже убедилась. Чтобы уйти в семнадцать лет из дому, нужны серьезные основания, своя цель. Я не сомневаюсь, что найдется сто причин, из-за которых жизнь с родителями становится невозможной. Но, решив стать взрослой, надо и поступать по-взрослому. Извини, но мне кажется, у тебя не тот случай. Ты просто вспылала, взбрыкнула, хотя не так уж

права, как тебе тогда казалось. И потом — ты думала, что твоя мама делала после того, как выкрикнула тебе все те нелучшие слова?

— Да, наверное, плакала...

— Она ведь с ума сходит — тебя вторые сутки дома нет.

— Я бы, может, и вернулась. Но не знаю... А вдруг не пустит? Или начнет кричать? Или опять молчание? Не хочется унижаться, все объяснять...

— Не надо объяснять. Вот сейчас набери свой номер и скажи всего пару слов: «Мама, я иду домой». А придешь — и расплачешься. Тебе ведь хочется плакать? От того, что ты опять будешь дома, от того, что не надо шататься бог знает где, от того, что все кончилось хорошо. Я думаю, мама все поймет без слов...

— Спасибо. Я попробую...

На телефоне
доверия дежурила
Лариса Петровна

двух прямых... Совершенно верно — получилось четыре угла зрения на одну проблему — стоит ли вообще туда подаваться?

пьяных отцов, постоянно демонстрирующих свою силу и власть в доме. Можно понять бегство из сытой, обеспеченной семьи, где даже есть личная комната и «джентльменский» набор престижных вещей, но не хватает понимания, тепла, доброты. Но я, например, знаю случаи, когда из интернатов, в которых спасают детей от родителей-алкоголиков, ребята бегут в эти самые «родные» дома. Где, в общем, ничего не ждет, кроме пустых бутылок и пьяной брани, и папа или мама снимут с тебя казенную рубашку на опохмелку.

Побег окружен ореолом запретности и романтики — «глоток свободы». И, конечно, не свободы нам жалко — юристов беспокоит то, что само положение беглеца как бы ставит его вне закона. Над тобой не тяготеет родительское «нельзя», внутренние барьеры пытаешься отбросить как ненужные, неуместные, мешающие. Встает первая проблема: на что есть? Кто-то будет побираться, кто-то — присматривать, что плохо лежит, кто-то пойдет на открытый грабеж. А ночлег — на чердаках да в подвалах? На ребят в «бегах» приходится довольно высокий процент преступности. Из

них «рекрутируют» службу рецидивисты. Ну, а положение девушки — еще уязвимее. Ладно, все обошлось у телефонной собеседницы — не советовал бы рассчитывать на благородство случайных знакомых.

Не так давно прошел суд над группой ребят. Четверо семнадцатилетних — три парня и девушка — ушли из дому. Жили где придется. Начали воровать... Потом побоялись, что один из них может рассказать о кражах. И убили своего товарища.

Возможно, мой угол зрения покажется вам мрачноватым — что поделать, прокурору приходится иметь дело именно с этой прозаической стороной. Психолог, должно быть, объяснил бы все изменения в психологии ушедших из дому — а они, безусловно, происходят у подростка. Я же хочу лишь констатировать высокий уровень преступности среди беглецов.

По-человечески можно понять отчаявшуюся женщину, которая хочет, чтобы закон вернул ей сына. Приходилось встречаться с матерями, слезно просящими: «Заберите его в колонию — может, там с ним хоть что-то сделают». Не верю, что колония — лучший воспитатель. Не

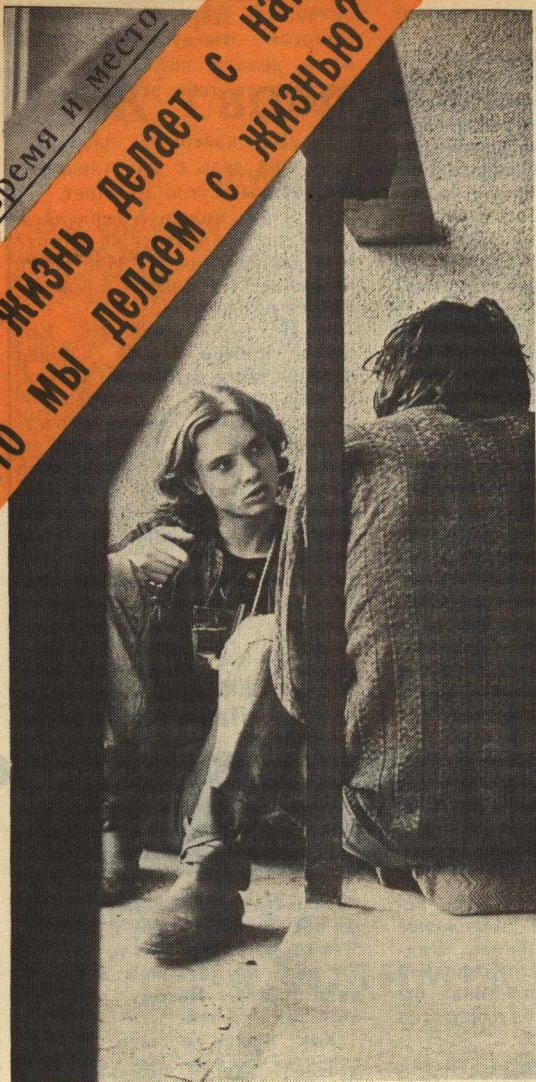
верю, что карательными мерами повернешь к добру и любви... Что-то потеряно, что-то не так. От чего не убежишь даже на край света. Потому что это «что-то» — в тебе.

Как юрист я еще должен сказать, что взрослые дети, безусловно, обязаны заботиться о своих старших родных. Законом предусмотрены алименты на содержание немощных родителей. Не знаю, правда, обнадешит ли это «отцов» и образумит ли «детей».

На «юридическом телефоне» дежурил
Александр Владимирович
ИВАНОВСКИЙ,
старший прокурор
Прокуратуры БССР

Напоминаем: телефон доверия 20-41-30 работает каждый понедельник с 17.00 до 20.00 по московскому времени. Если тебе нужны помощь или совет юриста, прямая линия соединяет с Прокуратурой БССР в Минске каждый четверг с 15.00 до 18.00 по номеру 26-44-31.

время и место
**Что жизнь делает с нами!
Что мы делаем с жизнью?**

№ 6201
14 апреля 1989 г.

Сейчас я учусь в 10-м классе. Уверена, что поступлю в иняз, иду на медаль. Есть у меня жених, студент МГИМО, которого я люблю, и он отвечает взаимностью. Но я не могу быть счастливой полностью. Дело в том, что мою подругу постигло несчастье.

Еще в начале учебного года в 9-м классе мы познакомились со студентами МГИМО Сашкой и Димкой. Ходили сперва вчетвером, потом разбились на парочки: я с Сашкой, Вера с Димкой. Все было страстно влюблены. Мальчишки каждые выходные приезжали, а мы только и жили в ожидании этих выходных. Летом поехали вместе на Кавказ, прекрасно устроились, сняли две комнаты: для нас и для пацанов. Первые десять дней были безоблачными. Потом у Веры с Димкой начались какие-то разлады, и однажды Вера призналась, что уже женщина. Я отнеслась к этому спокойно, надеясь на крепкие чувства Димки.

После Кавказа мы поехали в Москву, и Саша представил меня своей маме как невесту. С 1 сентября мне хотелось закрыть глаза и очутиться на

выпускном балу. Этот последний учебный год был просто бесконечным... Вера стала избегать шумных компаний и дискотек, реже бывала у меня. В конце сентября выяснилось, что она беременна. Мы рассказали об этом Саше, а он — Диме. Как-то вечером у меня зазвонил «межгород». Димка орал в трубку, что просит у Веры прощения, что ей надо делать аборт, что она его юношеская любовь, что он ее никогда не забудет, что им необходимо расстаться.

Назавтра я поговорила с подругой. Это был трудный разговор. Вера не хотела оставлять ребенка, но и не хотела идти в больницу. Я призналась во всем своей маме: и в том, что мы ездили не к Вериной бабушке вдвоем, а на Кавказ и вчетвером, и в том, что я невеста Сашки, и в том, что Вера на 3-м месяце, а Димка ее бросил. Конечно, я хорошо получила, так мне и надо. Но мама поговорила с Вериными родителями. Вере сделали аборт. Теперь она никогда не сможет стать матерью.

После операции Вера ходила, как тень. Вдруг она стала заботиться обо мне, как о ребенке. Один раз съездила в морду одной девке, которая сказала, что Саша берет меня замуж из-за внешности, запретила мне болтать кому попало о предстоящем замужестве, следила за моим питанием, ругала за проступки. У меня было такое чувство, что она постарела лет на пять.

Потом в нашем дворе появился новый пацан. Он понравился ей, очень понравился. И Верочка ожила. А Леша влюбился в Веру. Они стали ходить, а потом поговаривали о женитьбе.

Как-то раз Вера пришла в школу очень бледная. Оказалось, вчера оставила Лешу ночевать у себя, и он пришел в ужас, узнав, что Верочка — женщина. Леша обозвал ее продажной и сказал, чтобы она сама одна всю жизнь без детей мучилась.

Вечером я пришла в Вере. Два часа она говорила только одно: «Я этого не переживу». А наутро я узнала, что моя единственная подруга отравилась.

В палату не пускали. Не знаю, сколько времени я сидела и рыдала в коридоре. Главврач пытался выгнать меня. Бог мой, что я плела, чем я ему только не угрожала! В конце концов я улеглась во весь рост на лестнице и стала вопить. Главврач сжалился. Я пошла к ней и чуть не упала: Вера лежала под капельницей вся синяя. Я простояла на коленях у ее постели конец дня и всю ночь, просила прощения за то, что оставила ее тогда одну. К концу второго дня Вера пришла в себя. Ее спасли, но теперь она инвалид.

Я не могу видеть, как она мучается. Она смотрит на меня и говорит, что будет жить только ради меня, потому что ее жизнь кончена. В семнадцать лет!

Я знаю, что никто не поможет нам. Так что спасибо, если прочли до конца.

№ 7735
26 мая 1989 г.

Когда я был маленьким, меня ласкали и хвалили. Пошел в школу, и началось: каждый, кому не лень, бил и издевался. Из меня «трусили деньги» и т. д. Это продолжалось шесть лет. Но вот в городе появилась секция атлетической гимнастики, и я, конечно, записался. Занимался по два часа в день, стал сильным, и мои враги даже начали здороваться за руку. Однажды я пошел в кинотеатр другого района и получил хорошо, а над моей подругой поиздевались. И я вступил в «металлическую» команду под названием «Центр».

Недавно в городе проходила рок-панорама.

Концерты были хорошие: «металл», «панк», «рок-н-ролл», «авангард». Все шло прекрасно, обстановка в зале была самая благодетельная. Но вдруг весь «металл» встал и ушел из зала. Я тоже вышел. Оказывается, нас собираются бить «анархисты». Нас 50, их 150. Неплохо, а? Из толпы «анархистов» вылетают группы по 5-7 человек, хватают несколько наших пацанов и, как говорится, мордой об асфальт. Мы драться не стали, не психи же. На наше счастье, трамвай попался. Сели мы в него и укатили. Наши потери: 7 избитых, в том числе, мой друг.

Через месяц — еще концерт. Зал человек на 60. Мы вместе с музыкантами пытаемся завести публику. Нас всего трое. После концерта все повторяется: 30 «анархистов» против 3 нас. Кастеты, дубинки и т. д., и т. п. Вот уж воистину люди гибнут за «металл»! Я получил перелом черепа, арматурой стукнули. Не столько больно, сколько тяжело. Невозможно понять тех, кто бил нас. Поверьте, я не скулежник и не жалеюсь на судьбу, до этого меня били, будут бить и в другой раз. Но зачем? Вот этого я понять не могу. Вы, наверное, с трудом читали мое письмо, у меня грубый слог. Напишите мне ответ на мой вопрос и опубликуйте его в журнале.* С глубоким почтением...

№ 6853

18 апреля 1989 г.

Если бы вы знали, сколько нужно усилий, чтобы выглядеть нормальным человеком в школе и на улице. Я еле-еле высиживаю по шесть уроков, сразу же бегу домой, чтобы...

Еще два года назад я была веселой симпатичной девчонкой, многим нравилась, никогда не была одна. Но однажды встретила его. Он был на пять лет старше, но это не стало преградой для наших отношений. Мы встречались полгода. Один раз я пришла к нему домой, и там он впервые предложил мне наркотики. Я стала отказываться, но он сказал, что если соблюдать меру, то никаких последствий не будет. И я уступила. Но последствия были ужасными!!! В эту ночь я осталась у него. Не буду описывать все, что было этой кошмарной ночью, он делал со мной, что хотел.

Потом я, что называется, пристрастилась. Год назад пыталась порвать со всем этим, но у меня ничего не получилось. Я редко смотрю в зеркало, потому что боюсь видеть себя. Но когда смотрюсь, пугаюсь: синяки под глазами, потухший взгляд, впалые щеки. Боже, неужели это я?!!

Денег на наркотики у меня нет, и тогда... Тогда я стала продавать себя. Мои родители ничего не знают, но догадываются, что со мной давно что-то не то. Из-за уколов я потеряла друзей, полностью завишу от тех, кто поставляет мне ампулы. Я знаю, что люди, которые явились к врачу с желанием вылечиться, не привлекаются ни к уголовной, ни к административной ответственности. Но если я приду к врачу-наркологу, об этом так или иначе все узнают. Что это за жизнь! Дрожат руки, чувствую, что пора принимать дозу. Я хочу, чтобы мое письмо стало предупреждением для других. Никогда! Ни под какими уговорами! Не берите в руки наркотик!

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы печатаем это письмо прежде всего потому, что автор настаивает на публикации, а не потому, что отели бы кого-то погугать. Да, это страшное письмо. В данном случае страш-

на прежде всего слабость и некрепость духа. Девушка стала наркоманкой вроде бы случайно, но эта случайность была предопределена. Никто не заставит «сесть на иглу», если у человека есть внутреннее сопротивление. Как никто не «снимет с иглы» — ни врач, ни сам господь бог, — если человек добровольно не захочет лечить свою болезнь, ибо возвращение «оттуда» куда мучительнее, чем сама наркоманская тоска.

№ 7125

3 мая 1989 г.

Если вы смотрели фильм «Меня зовут Арлекино», то представлять нашу компанию не стоит: все, как там. Я дважды менял школу, и каждый раз меня встречали драками. Я начал ходить с братом, потом с его корешами, стал сильным духом и телом, потому что когда идешь с ними по улице, то просто так идти не получается, обычно на кого-то нарвемся. У нас отношения между собой, как в армии (хотя я там еще не был). Сурово, но дружно. Решил завести знакомство с девчонкой. Так потом за моей спиной начались ухмылки. Ну как на это реагировать, если не кулаком?

И вот я опять сменил школу. Сначала со мной в классе особо не разговаривали, да и о чем? Но и в ухо никто не заехал, уже спасибо. Прошло время, и однажды мне сказали, что я хороший парень. «С тобой хоть в космос — не страшно!».

Этот комплимент сыграл такую роль в моей жизни, что я стал отдавать себя по капле всем. Работаю в школе с наслаждением. Если похвалят, то счастлив до мозга костей. Лозунг «Не учите меня жить, лучше помогите материально» надо менять.

НЕ УЧИТЕ НАС ЖИТЬ, СКАЖИТЕ ДОБРОЕ СЛОВО

Все письма без обратного адреса. Но если у вас, дорогие читатели, появилась потребность написать этим юношам и девушкам, пишите на редакцию, постараемся опубликовать. Журнал станет вашим посредником.

Фото Андрея Кудрявцева

* Над этой темой уже работает наш сотрудник, его очерк предполагается опубликовать в будущем году.

Дмитрий

РАСТАЕВ

Он присылал милые
нежные стихи на листах
в клеточку, когда учился
в 10-м классе.

*Сады отболели безумством
черемух —
растрепаны гривы на шеях
кривых.
И ветры срывают с них
поочередно
то «форте» ветвей, то
«пиано» листья.*

Мы не спеша готовили
лирическую подборку и вели
переписку.
После школы он пошел на
завод, и вдруг хлынул поток
стихов, все наши лирические
планы обрушивший.
Юношеский безмятежный
румянец съедала бессонница
быстро взрослеющего
человека. Мы, честно
говоря, стусевались,
попытались урезонить,
отвести, оградить — столь
резкие перемены вредны
молодому, еще не окрепшему
организму. И получили в
ответ: «Уважаемые
«ответственные за поэзию»!
...Внимательно выслушал
(вычитал) ваши «жалобы
и предложения» и... все
сделал наоборот. Реальность
по-своему преломляется
в моем воображении, а ваши
«подсказки» ничуть не
вдохновили меня. Видеть
жизнь можно по-разному:
можно рассматривать
какие-то отдельные мазки,
штрихи, а можно попытаться
охватить взглядом все
полотно в целом. Оба
способа приемлемы, если
существуют не в ущерб друг
другу...»

К счастью, мы не
обиделись друг на друга и
продолжили
взаимоотношения. Прошло
еще какое-то время. Дима
Растаев стал довольно
популярным в Белоруссии
бардом, несмотря на
молодость. Его стихов
скопилось много. И хотя
претензий у нас к ним тоже
достаточно, в конце концов,
быть или не быть поэту,
решает читатель, а вовсе
не заведующий
«поэтической папкой».

В этом городе грустном, густом, как глоток,
Я на гулкий роток не наброшу платок.

Но кому, ты ответь, коли веруешь сам,
Эта речь хоть на треть сохранит паруса?

В этом городе модном, холодном, как мел,
Каждый житель в своем или чьем-то уме.

Если б жить на земле, чуть раздвинув края,
Я бы в черный орган посадил соловья

И по клавишам душ барабил до дыр.
Но рассеян талант и не найден клавир.

Ты верни меня, Таллинн, хоть на день возьми!
Ведь когда-то и нас называли людьми.

Жили-были в раю, да попали под снос.
Я б молитву свою казначею отнес.

Пусть пробудет она сотню лет в сундуках.
Коли праведна — в путь! Коли криведна — в прах.

Пусть, цена не цинга. Мы еще подождем,
Старый Томас и я, вперемешку с дождем.

* * *

Но нет меня. Есть тело, есть поэт,
Есть гражданин и просто милый мальчик.
С самим собой то Гамлет, то Лаэрт,
Он до сих пор для смерти не заманчив.

Но нет меня, живущего в живом.
Есть снег, есть лист, ржавеющий под снегом,
Есть дом, с трудом вмещающий содом
Друзей и книг, с их памятью и смехом.

Но нет меня. Трепещущий туман
Пересекаю маршем деревянным,
Целую в лоб и говорю: «Зима...»,
И спать ложусь, и просыпаюсь рано.

Но нет меня. Я умер. Я живу
В другом конце расплывчатой палитры.
А впереди — дорога и триумф.
А значит, бег и ранние молитвы.

Но нет меня. В больничном фонаре,
Перегорев, равняюсь с проводами.
И двор, и сад, и нас не при дворе
Через стеклянный панцирь наблюдаю.

Там нет меня, всем опытом, всем дном,
А из щелей не высосать восторга.
Ну что ж, малыш, представь, что ты сукно,
А бесконечность въедлива, как хлорка.

* * *

А ты вернешься из похода,
В дырявом шлеме сварить чай:
там, где кончается охота,
домашний булькает очаг.

Копье порубишь на дровишки,
в сарай отправишь жгучий меч,
и у апрельски белой вишни
прольешь в усы пшеничный смех.

Тугую верную кольчугу
повесишь отдыхать на гвоздь,
и пес, тепло груди почуяв,
настроит маятником хвост.

Жена расплавится от счастья,
в плечо губами задрожав —
ей выпадало так нечасто
твою ладонь в своей держать.

Задрезбжат вприпрыжку дети.
Ты на руки возьмешь ребят.
И все, как будто бы, на свете
проголосует за тебя.

И только ворон, черный ворон,
с иссохшей ветки накренься,
в провал оконный зыркнет вором,
наохлившись, как старый князь.

Он и сегодня око точит
на все, что падаю лежит.
Ему долдоня: «Бой окончен!»,
А он не верит, что ты жив.

* * *

Помнишь, нас учили быть птицами?
Ах, не отворачивай голову!
Птицами с волшебными лицами —
Чистыми, высокими, гордыми.

Птицами, летящими за море,
Чтобы обернуться, и — заново.
В клювиках — созвездия спицами.
Помнишь, нас учили быть птицами?

Помнишь, нас учили жить с песнями?
Как нам не сиделось за партами!
Мы бежали в рай, где под лестницей
Маялась гитара инфарктами.

И не знали мы, черти скрытные,
Трогая ресницы ресницами,
Что уже тогда были с крыльями.
Помнишь, нас учили быть птицами?

Помнишь? Ты забыть не всесильная.
Встанешь у окна черной веткою.
Страшно во дворце ночью зимнею,
А король хрипит над соседкою.

Ляжем же вдвоем! И не спится нам.
Есть и спирт, и срок, да не к случаю.
Помнишь, нас учили быть птицами?
Господи, зачем они мучались!

* * *

Нарисуй мне истину красками грузными —
черными,
красными,
трудными,
праздными,
в лист уставясь пристально,
без оглядки,
на чужие пристани
и тетрадки,
выведи раздетую,

неученую,

криво,
неразборчиво,

от руки —

будто бросил стеклышко в море черное,
и — квадраты в стороны, не круги.

Жми,

трудись,

не спрашивай разрешения.
Хороводом траурным ли,

вприсест,

Пустьят пальцы кисточку

в даль

люшерову,

Нарисуй мне истину — стяг и крест.

Пусть она окажется злая, вечная.

Добрую, недолгую не прошу.

Через час уляжется человечество,

Я на лампу сумерки накрошу.

Два года назад, когда студия «Рекорд» только создавалась, ее руководители с загадочным видом говорили, что у них «есть контракты с группами и исполнителями еще неизвестными, но которые в ближайшем будущем завоюют мир». До поры до времени все имена держались в страшном секрете. Разогрев таким образом интерес, «Рекорд» запустил на ЦТ два видеоклипа с группой «Класс»: один так и назывался «Класс», другой — «Нетелефонный разговор». И вот вышел альбом группы, и стало ясно вполне, чему учились музыканты эти два года. Дозированная смесь британского попса образца 1983-го года — сплав «Дюран Дюран», «Шпандау Беллей» и Ника Кершоу. Хорошо это или плохо? Конечно, хорошо: британская эстрада все же пока определяет музыкальную моду во всем мире. В данном случае мы имеем небанальные тексты, довольно сложный мелодизм, вокальную культуру, прекрасные, насыщенные электронной аранжировки. Нужно отметить и высокое качество записи, правда, с одним «но»: сделанные в разное время фонограммы отличаются по саунду. Вероятно, для альбома даже старые вещи стоило перемишировать. Музыка «Класса» гораздо выше общесоюзного попсового уровня. К сожалению, пластинка вряд ли

станет популярна, как и сама группа. Дискотечные заведения, у которых уши заложило «Ласковым маем», не любят британскую эстраду, она для них слишком сложна.

Ставлю пластинке максимальную оценку для попсовых групп — 7 баллов. *Высокий профессиональный уровень... и отсутствие свежих идей.*

Катя СУРЖИКОВА.
«Дикая роза»
С60 27773 007

«В одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань», — поэт был ужасно прав. Стать одновременно Литой Форд и Сандрой — задача такой же выполнимости. Певица, вероятно, хотела показать, что все жанры ей подвластны. На деле же вышло совершенно иное: пластинка в худших традициях наших концертов-«солянок», когда, чтобы угодить всем, ставят подряд народный хор, балет, рок-группу и Хазанова. В итоге недовольны все, а в памяти остается лишь Хазанов.

На первой стороне звучит не просто рок, а рок с претензией на «хэви». На второй — сиропная эстрада. Обложка: с одной стороны изображена трепетная дама из романса, с другой — вполне современная мадам в коже и цепях. Складывается такое

впечатление, что Катя Суржикова вместе со своей группой «Вечный двигатель» отправилась «из варяг в греки», то бишь от ВИА к року, но заблудилась где-то на первой трети пути. Рок получился каким-то игрушечным, ненастоящим. И гитара ревет на драйве, и в голосе полно благородного хрипа, а барабаны какие-то пионерские, шутейные. Впрочем, может быть, и задача ставилась другая — устроить балаган? Тогда — получилось. Соединить «хэви» и аэробику в одной пластинке — на такое пока еще никто не отваживался. Но в одном месте, мне кажется, был нашупан интересный выход: поп-рок, каким его делает «Бон Джови». Только качество, конечно, другое. Эта композиция дала название диску — рок-баллада на слова Джунны Давитавили «Дикая роза». Именно здесь в голосе Кати Суржиковой появляются скрытая сила и благородство.

Ставлю оценку 4 балла — за поиски нового.

Владимир КУЗЬМИН.
«Ромео и Джульетта»
С60 27991 004

«Пока не пришел понедельник...»
С60 27993 009

Судя по десятичным номерам, это должен был быть двойной альбом. Догадываюсь, что

**Музыкальный
магазин**

наша граммофонная, пардон, грампластиночная промышленность, как всегда, не справилась со сложной технологией изготовления раскрывающегося конверта. Ну да ладно.

Владимир Кузьмин получил возможность обнародовать свои шлягеры, которые накапливаются у него с космической скоростью. Всего лишь трехлетнее ожидание (на пластинках песни 86—88 г.г.) — и многочисленные поклонники могут приобрести хиты, которые еще какой-то годик назад звучали во всех дискотеках страны. У Кузьмина, между прочим, давным-давно готова совершенно новая песенная программа. Пока ее можно услышать лишь на концертах «Динамика». Звучат там песни и на английском языке: похоже, Кузьмин собирается завоевывать валютные рынки.

Обозревая три последние кузьминские программы (одну из них, неизданную, коллекционеры грампластинок смогут купить, по моим подсчетам, в 1992-м году), многословным быть не хочется: певец в центре внимания, и все, что можно было сказать о нем, уже сказано, а все сказанное записано, напечатано и размножено. Да, Кузьмин имеет свой стиль, свою мелодику, он классный мелодист, гитарист, саксофонист... и вообще клевый парень. Три программы дали возможность сравнить произведе-

ния мастера во времени — это всегда интересно. И мне показалось, что в отточенных композициях проглядывает самоуспокоенность, желание не уходить от удачно найденного, хоть уже и не нового. Знакомые симптомы того, что сгубило в свое время многих: и «Дип Пэрл», и «Чикаго». Такой талантище, как Кузьмин, конечно, способен на гораздо большее.

Не успокаивайся, Володя!
7 баллов.

«ЗОДИАК» С60 28301 009

Популярность «Зодиака» не так давно была просто удивительной, если учесть, что музыку группа предлагала чисто инструментальную. Первая пластинка разошлась тиражом 5,5 миллионов экземпляров — «платина» по всем параметрам. Второй альбом — он был записан в 80—81-е г.г., а вышел в 82-м, предположил музыку иного плана — не электронную, а более роковую, гитарную. Пластинка получила много положительных рецензий, но успеха первой не повторила. И вот спустя целых семь лет, когда о «Зодиаке» позабыли, когда появились два новых поколения синтезаторов, «вдруг» в магазинах выбросили третий альбом «Зодиака». Оказалось, что Янис Лусенс — душа и мозг группы, в прошедшие годы не бездельничал, новыми музыкальными инструментами он овладел прекрасно. Высокое качество звукозаписи — этим отличались первые пластинки — сохранилось и здесь. Электроника с помощью новейшего изобретения — сэмплеров — приобрела живое дыхание, оркестровую глубину и объем. Вырос Лусенс и как композитор. Его композиции стали более сложными, более разнообразными, не утратив былой выразительности и мелодичности. С точки зрения композиторской техники, стройности формы, Лусенс — профессионал высшей пробы. Compliments, пожалуй, можно было бы продолжить, но... В свое время группа, став «первой ласточкой» в области концептуальной, электронной музыки, так и не принесла нам весны. Теперь ситуация на эстраде и в звукозаписи разительно изменилась: есть хорошие лицензии электронной музыки, есть мощный инструментальный дуэт «Новая коллекция». И несмотря на то, что диск «Зодиака» по многим параметрам превосходит предыдущие работы рижских музы-

кантов, привлечь к себе внимание меломанов ему будет куда трудней. Быть может, я не прав.

Ставлю пластинке 9 баллов.

Сергей БЕЛИКОВ. «Утренний свет» С60 28073 001

Бурное прошлое Сергея Беликова в качестве участника группы «Аракс», сыгравшей серьезную роль в становлении отечественной рок-музыки, навсегда закрепило его авторитет в глазах многих слушателей. После распада «Аракса» о Беликове довольно долго ничего не было слышно, потом был восхитительный миньон с многоголосьем в духе ранних «Куин». После 1986 года Беликов стал более или менее регулярно появляться в эфире, исполняя очень разные песни очень разных авторов. К сожалению, песни эти носят все более коммерческий характер. Несомненный музыкальный вкус, индивидуальный тембр голоса, свои особые требования к аранжировке сделали его пластинку достаточно приятной, хотя очевидно, что некоторые песни попали в программу случайно. Песни именно «собирались» на диск, без какой-либо общей идеи. В большинстве композиций мне слышатся отголоски замечательной британской группы, малоизвестной у нас, виртуозов аранжировки «Тен-Си-Си» и дуэта, вышедшего из недр этой группы, — Годли и Крим. И тем досаднее и непонятнее наличие на пластинке песен «Снится мне деревня» и «Возвращение», где даже не коммерция, а чистая конъюнктура. Я вовсе не против «деревенской темы», но когда недавний бунтарь вдруг начинает исполнять светлые пасторали, испытываешь чувство некоторого недоверия: не розыгрыш ли это, не ирония? И когда оказывается, что нет, чувствуешь себя слегка одураченным.

Двойственное чувство принесла эта пластинка; в итоге: 5 баллов. *А все-таки, наверное, лучше, если бы Беликова подобрали какой-нибудь крепкий рок-коллектив.*

Товаровед-консультант
Юрий БУДЬКО

Пластинки оцениваются с точки зрения коллекционера по 10-балльной системе. Оценка лежит целиком на совести автора. Автор на истину в последней инстанции не претендует.

фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

Взялся — ходи!

Талант в ЧЕРНО-БЕЛОМ варианте

Чуть перефразируем известного литературного персонажа: «Талант, как деньги, — у одних он есть, у многих, увы, нет».

Шахматный талант — не исключение.

Однако никому в голову не взбредет сравнивать свою «крепкую четверку» по физике с дипломом Нобелевского лауреата. А вот поединки чемпионов двора с чемпионом мира по шахматам (в сеансах, разумеется) — не редкость.

Мы вроде не очень верим, что может быть такой талант — передвигать фигуры и пешки по доске. «Да если б я столько за доской просиживал, да еще деньги за это получал, да книжки по теории читал...» — вот приблизительный образец монолога проигравшего в сеансе.

Ну, что ж, давайте поговорим о таланте. Естественно, с человеком талантливым. А наш собеседник, по-моему, вправе носить это звание.

Познакомьтесь: Илья Смирин, 20 лет. Студент Белорусского института физкультуры. Международный мастер, имеет один балл международного гроссмейстера. Победитель турнира в Сальтшобадене (Швеция). Участник «турнира турниров» — высшей лиги чемпионата СССР.

— Илья, так все же, можно стать талантливым или им нужно родиться?

— Не знаю. Честно, не знаю. Ну, вот, бывает, взгляну на доску и сразу вижу ТОТ (единственный, неповторимый — Э. Р.) ход. И невозможно объяснить, как я его увидел, нашел.

— Интуиция?

— Наверное. Но интуиция — точно от природы, развить ее невозможно. Многочему в шахматах можно научиться, но не этому.

Во мне дремлют страшные способности!

— А как ты думаешь, почему это дано тебе, а не абстрактному соседскому мальчику?

— Возможно, и «соседский мальчик» изначально был не лишен способностей к шахматам, они в каждом из нас дремлют, однако нужен был случай, чтобы эти способности проявились.

— Считается, что талант всегда пробьет себе дорогу.

— Спорное утверждение. Необходимо еще и характер — вот это бесспорно. И благоприятные обстоятельства — есть масса примеров, когда очень одаренные шахматисты не смогли реализовать свой потенциал из-за, мягко говоря, организационных помех.

— Из-за чиновников от спорта, так это надо понимать?

— Не только, есть и другие обстоятельства: благополучие в семье, здоровье, работоспособность...

— А верно ли, что шахматная одаренность проявляется себя не только в шахматах?

— Верно, но не на сто процентов. Хотя мне, например, в школе довольно легко давалась математика, особенно в первых классах. Несмотря на частые разезды, я не отставал от большинства своих товарищей по математическому классу.

Довольно уверенно чувствую себя в нардах, некоторых карточных играх.

— И все же главное — шахматы?

— Наверное, они мне более всего подходят по характеру. Чем они меня привлекают? Нисчерпаемостью. Бесконечностью открытий. Простором для творчества. Духом бескомпромиссной борьбы.

Напоследок я попросил его назвать свою «самую-самую» партию. Илья вспомнил эту.

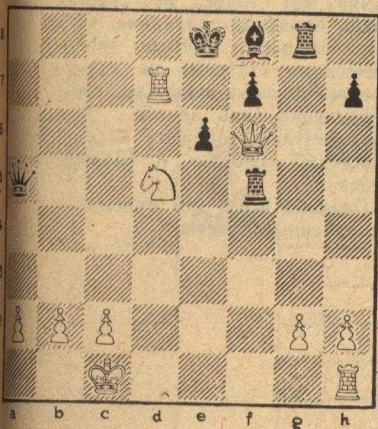
В нашем деле необходим характер!

СМИРИН РЫЧАГОВ

Сицилианская защита

1.e4 e5 2.Kf3 d6 3.d4 c4 K:d4
Kf6 5.Ke3 a6 6.Cg5 e6 7.Fd3
Kb17 8. 0-0-0 b5 9.f4 Cb7
10.e5! Сигнал к штурму застряв-
шего в центре вражеского коро-
ля. 10...de 11.fe K:e5 12.Fg3
Ked7 13.Kd:b5. Вслед за пешкой
жертвуется фигура. Но это еще
цветочки. 13...ab 14.C:b5 Ce8
15.C:f6 gf 16.Ld3 Фb6 17.Ff3
Ла5 18.C:d7+ C:d7 19.Ф:f6
Лg8 20.Л:d7. Очередное жерт-
воприношение, на которое чер-
ные предусмотрели промежуточ-
ное 20...Тf5. Но вряд ли они пред-
видели два последующих фан-
тастических хода. 21.Kd5! Фа5

22.Ld1!! ИСКЛЮЧИТЕЛЬ-
НОЙ красоты ход. 22...Kp:d7
23.Ke7+ Kpe7 24.K:f5 Ф:f5
25.Fd8+ Kpe6 26.Krb1! Не сто-
ит забывать и о собственном
короле. 26...Фe5 27.a4 Лg4
28.Фe8+ Krb6 29.Фb8+ Кра5
30.Фа8+ Krb4 31.Ld3 Cg7
32.Lb3+ Kpe4 33.Фа6+. Чер-
ные неизбежно теряют ферзя,
поэтому они сдались.

Вернулся домой и «продви-
гал» партию еще несколько раз.
Очень талантливо. Так что такое
талант?!

Эдуард РАЙСКИЙ

Оформление Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

Слышал, что выпускнику ПТУ
полагается выплата подъемных
после окончания училища. Но
мне почему-то их не выплатили,
правда, я устроился на работу
сам, не по распределению. Так
должны мне дать подъемные
или нет!

В. Широкий,
г. Бобруйск

Нет, не должны. В постанов-
лении Совмина СССР № 677 от
15 июля 1981 года говорится,
что гарантии и компенсации
выпускникам при приеме на ра-
боту (если это связано с пере-
ездом в другую местность) пре-
дусмотрены только для тех, кто
едет работать по распределе-
нию.

Вот если бы вы прибыли туда,
куда распределялись, то вам бы
выплатили подъемные в разме-
ре месячного оклада или тар-
ифной ставки. Но и тут есть
одна тонкость: если вы до обу-
чения жили там, куда распре-
делены, то подъемные вам не
выплачиваются.

И вот еще что. Допустим,
вы получили подъемные, а по-
том были уволены за прогул
или, скажем, за появление на
работе в нетрезвом состоянии.
В этих случаях деньги придет-
ся полностью вернуть. То же са-
мое, если вы уволились по соб-
ственному желанию без ува-
жительных причин до истечения
срока отработки.

В. Иванов,
юрист

Мне хотелось бы работать
в гостинице. Недавно вместе
с классом мы ездили на экскур-
сию во Львов, и мне понрави-
лось, как с улыбками встре-
чали нас женщины-админист-
раторы. И у нас сразу настро-
ение поднялось. И о городе
сразу хорошее впечатление.
Я еще подумала, что гостини-
ца — это в чем-то лицо го-
рода. У меня хороший ха-
рактер, люблю общаться с
людьми, и, думаю, из меня
может получиться хороший ад-
министратор. Где можно полу-
чить эту специальность!

Татьяна Чернова,
г. Краснодар

Конечно, умение общаться с
людьми, быть радушным хо-
зяином для приехавших в го-
стиницу — одно из важных ка-
честв работника гостиничного
хозяйства. Но одного умения
улыбаться, быть внимательным
и отзывчивым, как вы понима-
ете, мало. Не вдаваясь в тон-
кости специальности «техник-
организатор гостиничного хо-
зяйства», перечислим основные
предметы, которые изучают
студенты отделения организа-
ции обслуживания в гостиницах
и туристических комплексах в
Сочинском политехникуме:
это — основы вычисления, орга-
низация туризма в СССР и за ру-
бежом, эстетическое оформле-
ние гостиниц и туристических
комплексов, экономика туриз-
ма, основы коммерческой дея-
тельности, валютно-финансовые
операции, иностранный язык...
Думается, названия предметов
достаточно красноречиво сви-
детельствуют о широте знаний,
необходимых специалисту этой
отрасли.

Принимают на отделение юно-
шей и девушек, окончивших
среднюю школу и успешно дав-
ших вступительные экзамены:
сочинение, история СССР (устно)
и собеседование по иностран-
ному языку. Срок обучения —
2 года 10 месяцев. Распре-
деляют выпускников по всей
стране. Первое время боль-
шинство из них работают гор-
ничными, дежурными по эта-
жам, кассирами-расчетчиками.
В дальнейшем — администрато-
рами.

Эту же специальность можно
получить в Киевском техникуме
гостиничного хозяйства и в
некоторых других учебных за-
ведениях.

«НУ И ЗАЛЕПЫ...»

(ОБЗОР АНКЕТ ЗА АПРЕЛЬ И МАЙ)

«Теперь, когда журнал стал черно-белым, вас выручают только фотографии и чувство юмора — я имею в виду маленького человечка на каждой странице. Наталья Упадышева».

«Уж больно страшные у вас человечки. Как будто не умеете рисовать. Придумайте, пожалуйста, что-нибудь повеселее! Лена».

К тому, что читательские мнения по любому поводу совпадают с точностью до наоборот, мы как-то уже привыкли. И не очень-то верим, что истина при их несовпадении лежит посередине. Она сдвинута, скорее всего, к положительному полюсу. Доказательство — ваши оценки.

Выделим «плюсы» и «минусы» 4-го и 5-го номеров.

Высокие баллы в апреле у нашего алма-атинского корреспондента Евгении Доуцк (очерк «Осколки страха» — 8,87), у молодого литератора Ларисы Никоновой (рассказ «Ладога» — 8,85). Далее: «Ищу друга» — 7,96; «Газета» Малой редколлегии — 7,75; стихи Валерия Новоскольцева — 7,71. Стихи впервые по оценкам попали в ведущую пятерку. Почтовые восторги почитателей мы обязательно перешлем начинающему автору.

Майский номер. «Здравствуйте, дети. Встаньте!» Ефима Шура — 8,58; «Время собирать камни» Ларисы Саенко — 8,54; «Трубка мира» — 8,51; «Свет в

конце тоннеля» Эрнеста Шагова — 8,14; спортивная публикация Сергея Микулика «Четырежды тринадцатый» — 7,77.

«Плотненькая» пятерка. И возражений не вызывает.

А вот про нижнюю грань ежемесячной «Таблицы популярности» говорить трудно. И не только потому, что читательский комментарий сплошь противоречив. Средний балл здесь, как правило, не совпадает с редакционной оценкой. Срабатывает математический подход: «плюс на минус» уничтожает плюс. «Топливо для ракеты» Юрия Афанасьева и «Soviart» Ольги Бетко (апрель), «Хочу — и буду!» и «Команда Ольги Будиловой» (май) по оценкам близки к шестерке, потому что сумма 10 (отлично) и 2 (очень плохо) при делении пополам дает именно эту цифру. Единство противоположностей?!

Значит, нет «позорного единодушья». Каждый читатель ставит оценку на своем уровне. Уровни — да, разные. И нетрадиционно написанный, проблемный, не бьющий по эмоциям материал это сразу же проявляет. «Оля Будилова — уж на что умица, а «Ладони творца» — действительно какой-то ком глины. Не пойму: то ли выпендрож, то ли философия... Коля Петренко, Черниговская область». «В «Хочу — и буду!» («Жить более качественно») сказано, что поклонница «Ласкового мая» возьмет и почитает Ахматову. Лич-

но я фанатка Юры Шатунова, но вот Ахматову уж точно никогда не стану читать. Сколько можно кругом твердить, что ей сто лет? Надоело! Наташа Соболева, 16 лет, г. Ленинград...» «Совиарт» — вполне приличная публикация. Но, по-моему, абстракцию понимать гораздо проще, чем классическую живопись: смотри — и по своему настроению придумывай, что изображено... Максим С-ов, г. Ярославль».

Непопадания, альтернативные мнения, возмущенные «залепы» в письмах читателей, «единицы» в анкетах — это нормально. Потому что попытка лепить — и глину, и слова, и характер — это стремление не только понять, но и сложить, отстоять свое мнение. От «лепить» до «валять» — дорога! И каждое ваше письмо с оценками и объяснениями — шаг по этой дороге. И для вас, и для нас. Для нас особенно важный, потому что есть опасность успокоиться, получив вот такое, не скроем, очень приятное признание: «Вы вырабатываете умными экономическими статьями не только «топливо», но и надежду, веру, стремление дело делать... Значит, все-таки «топливо»! Школьный клуб «Глобус», п. Шушенское».

Спасибо всем, кто присылает заполненные анкеты.

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации; отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идейно-политического и нравственного воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Короля,

12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валентин МАСЛЮКОВ, Валерий ПЛЮСКОВ (отв. секретарь), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАЙЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Сдано в набор 13.06.89 г. Подписано к печати 05.09.89. АТ 05326. Формат 70×108^{1/16}. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8,8. Заказ 302. Бумага офсетная № 4.

Тираж 1 000 000 [1 завод 1—400 000 экз.]. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

В музыкальной школе города Люберцы, куда Сашу привела мама, класса гитары просто не было, и он играл на домре. Гитара в доме все же появилась, за ней и электрогитара, самодельная, конечно. Дальше был школьный ансамбль «Аллегро», имевший громадный успех благодаря исполнению разучиваемых на слух песен «Битлз». За три года существования «Аллегро» добился значительных успехов, но его постигла обычная судьба — он прекратил свое существование, когда ребятам пришла пора служить в армии. Потом Барыкин играл в «Веселых ребятах» и «Самоцветах». Этапной стала встреча с Давидом Тухмановым в 1976 году — певец получил приглашение принять участие в записи пластинки «По волне моей памяти».

Сейчас Барыкин — художественный и музыкальный руководитель группы «Карнавал». Заботы у группы известны — ежегодно новая программа, участие во всех крупных музыкальных фестивалях.

Звучание группы по-прежнему определяет «фирменный» голос Саши, но подрастает и новое поколение — на Московской рок-панораме в 1987 году специальный приз за исполнение песни Джона Леннона получил солист «Карнавала» Гоша Барыкин.

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Выступая в любой, даже в самой сильной «обойме» лидеров советского рока, эта группа из Харькова выделяется своим, как бы тут сказать... неравнодушным восприятием мира. Каждая песня — открытый, болящий нерв. Нет или почти нет песен о любви, зато много горечи, сарказма и... юмора. Бас-гитарист Паша Михайленко уже имеет репутацию серьезного автора. Россия, правда, истина... Вот темы, которые его волнуют. Композиции отлично аранжированы, но на концерте на это мало обращаешь внимания — такой накал чувств у лидера «ГПД» Саши Чернецкого. Поразительно, но этому человеку из-за болезни не только петь, но и стоять на сцене трудно.

Музыка «ГПД» тяготеет к хард-року и блюзу, а по стилистике группа близка к «ДДТ», хотя харьковчане не достигли еще такой известности, как Юрий Шевчук. Тем не менее, в 1987 году они стремительно пронесли по союзным рок-фестивалям, везде оставляя восторженных поклонников. За очень короткое время сделали 6 совершенно разных программ. К сожалению, на пленке записано лишь 2. Из них магнитоальбом «Положение дел» отмечен дипломом II степени журнала «Аврора».

А

БАРЫКИН

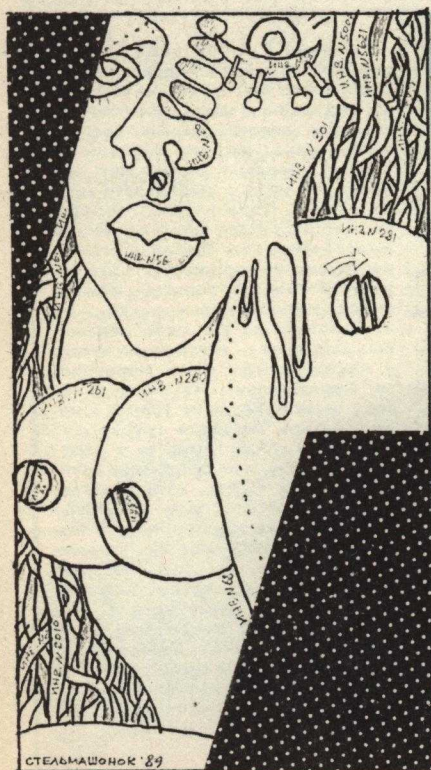

Parus

А

Б

Parus

А

Б

Министерство культуры Республики Беларусь